

ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ. 1892.

(Годъ тридцать третій).

М А И. — № 5.

Содержаніе:

Страницы:

I. Блаженного Іеронима (въ русскомъ переводѣ) Три книги толкованій на пророка Осію къ Паммахію.	225—240
II. Христіанская церковь и римскій законъ въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ.	3— 92
III. Новооткрытый кіевскій проповѣдникъ второй половины XVII вѣка. Н. И. Петрова.	93—126
IV. Кіево-подольская церковь Николая Доброго. (Историческій очеркъ). А. Георгиевскаго.	127—167
V. Александръ Леопольдовичъ Штрогоферъ (Некрологъ).	168—171
VI. Слово, сказанное на заупокойной литургіи, предъ погребеніемъ лектора французскаго яз. при Кіевской дух. Академіи А. Л. Штрогофера, законоучителемъ Реальнаго училища, священникомъ Г. Прозоровымъ.	172—175
VII. Рѣчи, сказанныя надъ гробомъ лектора франц. яз. при Кіевской дух. Академіи А. Л. Штрогофера.	176—178
VIII. Извѣстія Церковно-Археологич. Общества при Кіевской дух. Академіи (за м. мартъ 1892 г.). Н. И. Петрова.	179—180

Въ приложеніи:

IX. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской дух. Академіи 30 ноября 1890 г.	129—144
X. Объявленія	1— 5

„Труды Кіевской Дух. Академіи“ выходятъ по прежней программѣ.

Цѣна 7 рубл. съ пересылкою.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4.

1892.

Также по отношенію къ еретикамъ и небрежнымъ членамъ Церкви Богъ обращается въ пантеру и льва и отниметь у нихъ добычу, взятую ими прежде у Церкви, чтобы, сдѣлавшись плѣнниками, спаслись тѣ, которые погибали, когда были свободными, и Онъ не будетъ пребывать въ собраніяхъ нечестивцевъ, но возвратится въ мѣсто Свое, о которомъ говоритъ: *Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ есть* (Іоанн. 14, 10), и будетъ презирать ихъ и оставлять безъ вниманія, доколѣ они не придутъ въ изнеможеніе отъ нечестія и доколѣ чрезъ покаяніе не взыщутъ Того, который оставилъ ихъ. Другіе полагаютъ, что мѣсто Божіе есть небо, куда Богъ удалится отъ обитателей земли, прогнѣвавшихъ Его, и что Онъ дастъ погибнуть тѣмъ, которые безпредѣльную благость Божію къ нимъ измѣнили своими великими грѣхами въ ярость, свойственную звѣрямъ.

Глава VI. Ст. 1—3. *Въ скорби своей они съ утра будутъ прибѣгать (consurgent) ко Мнѣ: идите и возвратимся къ Господу! ибо Онъ плѣнилъ и Онъ исцѣлитъ насъ, уязвитъ и уврачуетъ насъ. Оживитъ насъ черезъ два дня и въ третій день возставитъ насъ, и мы будемъ жить предъ лицемъ Его. Мы познаемъ Господа и послѣдуемъ за Нимъ, чтобы [болѣе] познать Его.* LXX: *Въ скорби своей они съ утра будутъ бодрствовать предо Мною, говоря: пойдѣмъ и возвратимся къ Господу Богу нашему, ибо Онъ поразитъ и исцѣлитъ насъ, уязвитъ и уврачуетъ насъ. Онъ исцѣлитъ насъ черезъ два дня, въ третій день мы возстанемъ и будемъ жить предъ Нимъ, и познаемъ и будемъ стремиться [болѣе] познать Господа.* Если Богъ отдалъ Ефрема и Іуду на плѣненіе, если никто не можетъ освободить ихъ изъ руки Его и если Онъ возвратится въ мѣсто Свое, доколѣ они не придутъ въ изнеможеніе и не взыщутъ лица Его; то это для того, чтобы Того, кого они не познали, когда Онъ былъ милости-

вымъ и близкимъ къ нимъ, взыскали они во время Его гнѣва и по удаленіи отъ нихъ, и чтобы во время скорби своей, по восходѣ для нихъ свѣтила покаянія, они съ утра прибѣгали къ Нему, согласно съ тѣмъ, что мы читаемъ у Исаіи: „во время скорби я вспомнилъ о Тебѣ, Господи“ (Исаи гл. 26), и въ первомъ псалмѣ степеней: *ко Господу, внигда скорбѣти ми, воззвахъ, и услыша мя* (Псал. 119, 1). И когда они съ утра будутъ прибѣгать къ Господу, то что будутъ говорить? *Идите и возвратимся къ Господу*. Они не довольствуются собственнымъ спасеніемъ, но призываютъ другъ друга возвратиться къ Господу, котораго они оставили, которому они измѣнили вѣдѣніе своихъ грѣховъ и который удалился отъ нихъ. *Ибо Онъ плѣнилъ, и Онъ исцѣлитъ насъ*. Кто выше сказалъ: *Я, Я возьму [добычу], и уйду*, Тотъ уязвитъ и уврачуеъ насъ. Что мы передали словомъ *уврачуеъ* (*cugabit*), это всё подобнымъ же образомъ перевели чрезъ *motāssēt*; но собственно *motā* означаетъ *корнѣю*, которая вводится въ раны, чтобы поглощать гніючія тѣла и вытягивать гной. Искусство врачей состоитъ въ томъ, чтобы тяжкія раны излечивать въ теченіе продолжительнаго времени и посредствомъ боли возстановлять здоровье. Поэтому Господь уязвляетъ и исцѣляетъ насъ; *его же бо любитъ Господь, наказуетъ; бѣетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ* (Евр. 12, 6), и не только исцѣляетъ, но оживляетъ черезъ два дня и, возставъ изъ преисподней въ третій день, Онъ возставляетъ вмѣстѣ съ Собою весь родъ человѣческій. И когда Онъ уврачуеъ наши язвы, и оживитъ насъ послѣ нашего исцѣленія, и возставитъ насъ, по возвращеніи намъ жизни; то мы будемъ жить предъ лицемъ Того, при удаленіи котораго отъ насъ мы были мертвыми. Живя предъ лицемъ Его, мы будемъ знать Господа и со всею ревностію будемъ стремиться къ тому, чтобы [болѣе и болѣе] познавать Того, по возстаніи котораго въ третій день и мы возстали. Этими словами объясняется то,

о чемъ мы уже часто упоминали, — что Израиль и Іуда, то есть десять и два колѣна, тогда будутъ имѣть единого Пастыря и царя Давида, когда увѣруютъ въ воскресшаго Господа, и что тщетно іудеи основываютъ свои надежды на грезахъ о тысячѣ лѣтъ, потому что спасеніе всѣхъ обѣщано въ третій день, въ который Господь возсталъ изъ преисподней. Евреи второй день объясняютъ въ отношеніи къ пришествію ихъ Христа и третій день въ отношеніи къ суду, когда они должны быть спасены. Но чтобы мы могла согласиться съ этимъ, для этого они должны сказать намъ: какой же первый день, то есть первое пришествіе Господа? И такъ какъ они не могутъ отвѣтить на этотъ вопросъ, то мы добавимъ, что, соотвѣтственно собственной ихъ аргументаціи, подъ первымъ днемъ должно разумѣть пришествіе Спасителя въ смиреніи, подъ вторымъ—во славѣ и подъ третьимъ—въ качествѣ Судіи. Принимая же только второй и третій, они этимъ показываютъ, что ими утраченъ первый, потому что нельзя говорить о второмъ и третьемъ безъ перваго.

Ст. 3. *Исхожденіе Его уготовано подобно утренней зарѣ, и Онъ придетъ къ намъ, какъ ранній и поздній дождь на землю.* LXX: *Мы обрящемъ Его подобно утру готовому, и Онъ придетъ къ намъ, какъ ранній и поздній дождь на землю.* Прійдите, говорить, и возвратимся въ Господу, потому что это Тотъ, который плѣнилъ и исцѣлитъ насъ, который поразитъ и уврачуеетъ насъ, который оживитъ насъ черезъ два дня и въ третій день возставитъ насъ,—это Онъ, а не другой кто-либо, который уготованъ для насъ подобно утру и утренней зарѣ. Къ Нему относится и надписаніе двадцать перваго псалма: *объ утреннемъ восхожденіи*, хотя въ еврейскомъ написано: *объ утреннемъ оленѣ*, именно въ томъ смыслѣ, что, по истребленіи смерти и извивающагося древняго змія, Онъ желаетъ, съ одной стороны, [подобно оленю] восходить на горы, а съ другой—

Онъ восходитъ для насъ, по разсвѣніи тьмы, какъ солнце правды, чтобы освободить насъ отъ слѣпоты и чтобы мы могли видѣть свѣтъ. И прекрасно сказалъ: *утовоано исхождение Его*. О Немъ въ иносказательной формѣ и въ восемнадцатомъ псалмѣ говорится: *и Той яко женихъ, исходяй отъ чертога своего* (ст. 6). Онъ не только называется утромъ, утреннею зарею и разсвѣтомъ, но также прійдетъ къ намъ, какъ ранній и поздній дождь на землю. Мы принимаемъ Христа, какъ ранній [дождь], когда въ насъ положены основанія вѣры, и примемъ Его, какъ дождь поздній, когда, сдѣлавшись зрѣлою жатвою, получимъ вѣчные плоды и будемъ собраны въ житницы Господни. Поэтому іудеи, которые не получили раннихъ дождей и которые безъ дождей бросали сѣмя, не получаютъ въ послѣднее время плодовъ жатвы. Это тотъ дождь, который обѣщаетъ Господь, говоря: дамъ вамъ *дождь во время ранний и поздний* (Второз. 11, 14). Въ иносказательномъ смыслѣ дается дождь ранній, когда мы отчасти знаемъ; а дается дождь поздній, когда настанетъ совершенное (1 Кор. 13, 9—10). И всегда Господь готовъ для тѣхъ, которые встаютъ [рано] утромъ и могутъ сказать: *возстану рано* (Псал. 56, 9), и: *Боже, Боже мой, къ Тебѣ утреннюю, возжада Тебѣ душа моя* (Псал. 62, 2).

Ст. 4—5. *Что сдѣлаю тебѣ, Ефремъ? Что сдѣлаю тебѣ, Іуда? Милость ваша, какъ утреннее облако и какъ роса, рано проходящая. Посему Я поражалъ (dolanî)¹⁾ чрезъ пророковъ и убивалъ ихъ словами устъ Моихъ, и суды [Мои] надъ тобою явятся, какъ свѣтъ. LXX: Что сдѣлаю тебѣ, Ефремъ? Что сдѣлаю тебѣ, Іуда? Милость ваша, какъ утреннее облако и какъ роса, рано*

¹⁾ Собственно обтесывалъ, устраняя все излишнее и бесполезное, то есть строго обращался съ ними, строго наказывалъ ихъ.

проходящая. Посему Я истреблялъ (succidi)¹⁾ пророковъ вашихъ, избивалъ ихъ словами (или словомъ) устъ Моихъ, и судъ надъ тобою (или Мой) явится, какъ свѣтъ. Когда говорить: Что сдѣлаю тебѣ, Ефремъ? Что сдѣлаю тебѣ, Іуда? то обнаруживаетъ любовь Отца къ погибшимъ дѣтямъ, соотвѣтственно тому, что мы читаемъ у Исаіи: что сотворю еще винограду Моему, и не сотворишъ ему (Исаіи 5, 4)? и у Михея: люди Мои, что сотворишъ вамъ? Или чимъ стужихъ вамъ? отвѣщайте Ми. Зане изведохъ васъ изъ земли египетскія, и изъ дому работы избавихъ васъ, и послахъ предъ вами Моисеа, и Аарона и Маріамъ (Мих. 6, 3—4). Итакъ, что Я могу сдѣлать для тебя, Ефремъ, и что могу сдѣлать для тебя, Іуда? Милость ваша, вслѣдствіе которой Я всегда миловалъ васъ, исчезла, какъ утреннее облако и какъ появляющаяся утромъ роса, которая по восходѣ солнца высыхаетъ. Ибо уже приближается плѣненіе, Я уже вижу васъ заключенными въ оковы и уводимыми въ Ассирію и Вавилонію; Я поражалъ (dolavi) васъ чрезъ пророковъ, устрашалъ васъ угрозами, употреблялъ рѣзецъ, огонь и прижиганія, чтобы вы, пренебрегавшіе Моею благостію, устрашились гнѣва Моего, и Я убивалъ васъ за ваше пренебреженіе словами устъ Моихъ, чтобы, прежде наступленія плѣна, наказать грѣшниковъ страхомъ Моихъ угрозъ. И все это Я сдѣлалъ для того, чтобы обнаружилась справедливость (veritas) суда, ожидавшаго васъ, и чтобы никто не сомнѣвался въ томъ, что вы справедливо терпите то, чему вы были подвергнуты. вмѣсто словъ: Я поражалъ (dolavi) чрезъ пророковъ LXX перевели Я истреблялъ (succidi) пророковъ вашихъ въ томъ смыслѣ, что лжепророки были умерщвлены Господомъ, такъ что тѣ, кои, объѣщая благоденствіе, были виновниками заблужденія, обрати-

¹⁾ Собственно *срызывалъ* ихъ, подобно колосьямъ (въ славянскомъ переводѣ *пожахъ*).

БЛАЖЕННОГО ИЕРОНИМА

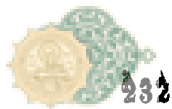
лись чрезъ свое истребленіе въ поводъ ко спасенію. Смысль же слѣдующій: чтобы вы не говорили, что вы повѣрили пророкамъ, Я истребилъ ихъ, чтобы лишить васъ всякаго поводу ко грѣху. Въ книгѣ Царей мы читаемъ, что четверста пятьдесятъ пророковъ Вааловыхъ были умерщвлены при Иліи (3 Цар. гл. 18) и въ другой разъ безчисленное множество при Іиуѣ (4 Цар. гл. 10), низвергшемъ домъ Ахавовъ. Мы полагаемъ, что эти слова относятся также и къ еретикамъ и къ истинному ¹⁾ Іудѣ, подвергшемуся такимъ же [наказаніямъ]: Господь призываетъ ихъ къ милосердію и желаетъ, чтобы они обратились на [путь] спасенія. Но они ищутъ удовольствій и утѣшеній міра сего, подобныхъ облаку и росѣ, быстро исчезающей. Имъ говорится въ Евангеліи: *безумне, въ сію ночь душу твою истяжутъ отъ тебе, а где уготовалъ еси, кому будутъ* (Лук. 12, 20)? И этотъ богачъ, одѣвавшійся въ порфиру и презиравшій Лазаря, лежавшаго предъ дверями его, позналъ, что все то, чѣмъ онъ наслаждался исчезло подобно туману и росѣ. Впрочемъ, Богъ всегда истребляетъ еретическихъ пророковъ, угрожая имъ вѣчными наказаніями, лишая ихъ истинной жизни и предавая смерти за грѣхи. Но мы должны любить то постоянное облако, которое защищаетъ насъ отъ увлеченій міра сего и, возсѣдая на которомъ, Господь пришелъ въ Египетъ и сокрушилъ всѣ идолы египетскіе. Мы должны любить ту росу, о которой Моисей говоритъ: *да снидутъ яко роса глаголы мои* (Второз. 32, 2), и о которой говоритъ Исаія: *воскреснутъ мертвіи и востанутъ, иже во гробѣхъ; роса бо, яже отъ Тебе, исцѣленіе имъ есть* (Исаія 26, 19). Нѣкоторые подъ убитыми пророками разумѣютъ святыхъ мужей ²⁾ въ томъ

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ вмѣсто *ad verum* (къ истинному) стоитъ *ad virum* (къ мужу).

²⁾ Вмѣсто *virus sanctos* (святыхъ мужей) въ нѣкоторыхъ рукописяхъ читается *vere sanctos* (истинно святыхъ).

смыслъ, что пророки были убиваемы и предаваемы врагамъ ради грѣшившаго народа.

Ст. 6—7. *Ибо Я милости хочу, а не жертвы, и Боговъдѣнія болѣе, нежели всесожженій. Они же, подобно Адаму, нарушили заветъ; тамъ измѣнили Мнѣ.* LXX: *Ибо Я милости хочу, а не жертвы, Боговъдѣнія болѣе, нежели всесожженій, а они какъ человекъ, нарушающій заветъ.* Слѣдующее же затѣмъ у LXX: *тамъ презрѣлъ меня городъ Галаадъ, дѣлающій суетное,* и прочее должно быть относимо къ слѣдующему стиху. Объяснимъ приведенныя нами слова. Я поражалъ ихъ чрезъ пророковъ, убивалъ словами устъ Моихъ, устрашалъ угрозами, чтобы помиловать кающихся, чтобы простереть руку возстающимъ послѣ паденія. Ибо Мнѣ не угодны жертвы, приношенія и многочисленныя всесожженія. Жертвы и всесожженія для Меня—это спасеніе вѣрующихъ и обращеніе грѣшниковъ. Но они подражали Адаму, и что онъ сдѣлалъ въ раю, нарушивъ заветъ Мой и законъ, это они сдѣлали на землѣ. И тамъ, то есть въ раю, всѣ измѣнили Мнѣ подобно преступленію Адама. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что предшествовавшее въ отцѣ осуждается также въ дѣтяхъ. Богъ ежедневно призываетъ къ покаянію и тѣхъ, которые въѣ Церкви, и тѣхъ, которые грѣшаютъ, находясь въ Церкви, и говоритъ имъ: *Я милости хочу, а не жертвы, и боговъдѣнія болѣе, нежели всесожженій.* А они приносятъ святотатственный хлѣбъ, и даютъ милостыни и считаютъ себя соблюдающими смиреніе, что лишь въ томъ случаѣ можетъ имѣть для Меня значеніе [пріятной] жертвы, если это совершается надлежащимъ образомъ. Но такъ какъ они оставили боговъдѣніе, то тщетно по отсѣченіи главы вѣры хвастаются они обладаніемъ прочими членами; потому что они нарушили заветъ Божій въ Церкви, подобно тому, какъ Адамъ нарушилъ его въ раю, и являются подражателями прародителя, такъ что какъ онъ былъ изгнанъ изърая, такъ и они удаляются изъ Церкви.

БЛАЖЕННОГО ІЕРОНИМА

Ст. 8—9. *Галаадъ городъ дѣлателей идоловъ, занянный (supplantata) кровію и [пастъ его], какъ пастъ разбойниковъ или разбойника*, ибо то и другое чтеніе возможно. LXX: *Тамъ презрѣлъ Меня Галаадъ, городъ, дѣлающій суетное и мутящій воду, и сила твоя*—[сила] морскаго разбойника. Мы читаемъ, что въ Рамоеѣ Галаадскомъ былъ помазанъ въ царя Іауї (4 Цар. гл. 9), который смѣшалъ бровь съ кровію, низвергъ домъ Ахава и приказалъ до восхода солнца разложить головы сыновей его на груди; въ этомъ городѣ, находившемся по ту сторону Іордана въ колѣнѣ Гадовомъ, былъ поставленъ идолъ; въ немъ жили священники, потому что онъ былъ городомъ [убѣжища] для бѣглыхъ. Такъ какъ онъ пользовался извѣстностію и авторитетомъ, какъ данный въ удѣлъ священникамъ, то онъ былъ источникомъ идолослуженія и всѣхъ золъ для Израїля, жившаго по ту сторону Іордана, такъ что тѣ, кои первые согрѣшили, были также первые взяты въ плѣнъ ассиріянами. И такъ какъ въ странѣ этой весьма были распространены разбой, то [жители ея] сравниваются съ разбойниками: какъ тѣ подстерегаютъ путниковъ, такъ священники подстерегали простой народъ. Далѣе, въ иносказательномъ смыслѣ *Галаадъ* означаетъ *переселеніе свидѣтельства*: онъ презираетъ Бога, извращая свидѣтельства Писаній въ превратныя ученія; всѣ дѣла его суетны; онъ мутитъ воды Церкви и изъ самыхъ чистыхъ источниковъ дѣлаетъ тинистые и грязные потоки, которые не столько очищаютъ брестившихся, сколько загрязняютъ. Вся сила этого города подобна силѣ морскаго разбойника, потому что онъ подражаетъ диаволу, подстерегающему въ морѣ вѣка сего, по которому плаваютъ корабли, стремящихся достигнуть пристани. Поэтому Симмахъ яснѣе перевелъ сказать: *и пастъ твоя, какъ [пастъ] чловѣка подстерегающаго (insidiatoris)*. О такого рода морскихъ разбойникахъ мы читаемъ у Іова: *нѣтъ отлагательства для морскихъ разбойниковъ (Іов. гл. 25)*“.

Ибо хотя въ этомъ мірѣ они, повидимому, тщеславятся, мутятъ воды, дѣлають суетное и совершаютъ морскіе разбои, однако не замедлятъ наказанія, которыя вскорѣ постигнутъ ихъ.

Ст. 9. *Онъ соучастникъ священниковъ, убивающихъ путниковъ по пути изъ Сихема; ибо они совершили преступленія. LXX: Сокрыли священники путь Господень, убили Сикиму, потому что они совершали беззаконія.* Симмахъ такъ перевелъ это мѣсто: *общество священниковъ убивало на пути въ Сихемъ.* Θεοδοτιόνъ слѣдующимъ образомъ: *Сокрыли священники путь, убивали изъ-за спины.* Авила: *partia (participatio) священниковъ на пути убивала плеча.* Когда я спросилъ еврея объ историческомъ смыслѣ этого мѣста, то онъ далъ такого рода объясненіе: священники изъ Вевиля или, скорѣе, фанатики изъ Беававена во времена пасхи, пятидесятницы и кущей, когда нужно было проходить чрезъ Сихемъ, называющійся теперь Неаполема, по пути въ Іерусалимъ, въ которомъ одномъ только позволялось приносить жертвы, разставляли по пути разбойниковъ, которые должны были подстерегать путниковъ, чтобы послѣдніе болѣе поклонялись золотымъ тельцамъ въ Данъ и Беававенъ, нежели Богу въ храмъ Іерусалимскомъ. Слова *общество* и *partia священниковъ* означаютъ то, что они устраиваютъ между собою заговоры и входятъ въ соглашеніе для худыхъ цѣлей. Если же читать такъ, какъ мы перевели: *онъ соучастникъ священниковъ*, то это, по словамъ [еврея], нужно относить къ Галааду, дѣлателью идоловъ, въ томъ смыслѣ, что онъ и заплывавъ кровію, потому что слѣдовалъ нечестію священниковъ, и предается разбоямъ и убійствамъ. Такъ сказали бы они [евреи]. Но мы скажемъ, что еретики заграждаютъ путь, чтобы изъ Сихема, то есть отъ добрыхъ дѣлъ, мы не приходили въ Іерусалимъ, то есть въ Церковь. Они составляютъ какъ бы пасть разбойниковъ и убиваютъ тѣхъ, которые стремятся чрезъ путь

міра сего достигнуть истины. Сяхемъ означаетъ *ḥem*, то есть *плеча*; подъ плечами же мы разумѣемъ дѣла, и всѣ же-священники скрываютъ путь и чрезъ злыя дѣла убиваютъ людей, чтобы они не приходили въ Іерусалимъ. А что плечо означаетъ дѣла, это видно изъ слѣдующихъ словъ: „обрати (da) сердце твое къ плечу твоему“, то есть обрати мысли твои въ дѣла. И объ Иссахарѣ мы читаемъ, что онъ *подложи рамы своя на трудъ, и бысть мужъ земледѣлецъ* Быт. 49, 15).

Ст. 10 — 11. *Въ домъ Израиля Я видѣлъ ужасное; тамъ блудодѣянiя у Ефрема, осквернился Израиль. Но ты, Іуда, приготовься (rone) къ жатвѣ у тебя, когда Я возвращу плѣнь народа Моего.* 1XX: *Въ домъ Израиля Я видѣлъ ужасное; тамъ блудодѣянiе у Ефрема, осквернился Израиль и Іуда; начини обирание винограда у себя, когда Я возвращу плѣнь народа Моего.* Объ этомъ преступленіи и сильномъ ужасѣ и Іеремія говоритъ: *ужасеся небо селъ и вострепета попрезному зло земля* (Іерем. 2, 2). Ибо что ужаснѣе, нежели внезапный переходъ десяти олънъ къ идолослуженію? Поэтому къ главному городу хъ говорится: удали тельца твоего, Самарія, въ которой срывъ сталъ блудодѣйствовать Ефремъ, то есть Іеровоамъ зъ колѣна Ефремова, и чрезъ блудодѣйство сего осквернился Израиль, то есть народъ, который, какъ составляющій большую часть, получилъ общее [для всѣхъ колѣнъ] имя Израиля. Потомъ рѣчь обращается также къ Іудѣ: также и ты, Іуда, приготовься къ жатвѣ у тебя. Смыслъ же этого слѣдующій: не считай себя находящимся въ безопасности, потому что по истеченіи непродолжительнаго времени ты будешь отведенъ въ плѣнь въ Вавилонъ и настанетъ время твоей жатвы. Но когда халдеи соберутъ у тебя жатву (*te messuerint*), Я снова возвращу [плѣнь народа Моего и при Кирѣ, царѣ персидскомъ, и Артаксерксѣ назадъ отведу народъ Мой. И замѣтъ, съ какою ясностію вмѣстѣ съ плѣнс-

лвна Ефремова, сдѣлавшій золотыхъ тельцовъ, и открылось злодѣйство Самаріи, послѣдовавшей за нечестивымъ царемъ; потому что и царь и народъ сдѣлали дѣло лжи, то есть идола. Ибо какъ истуканъ противоположенъ Богу, такъ ложь истинѣ. Самъ же царь подобно вору вошелъ къ народу израильскому и подобно разбойнику лишилъ несчастный народъ помощи Божіей. Смыслъ же слѣдующій: когда Я хотѣлъ изгладить старые грѣхи народа Моего, [бывшіе] вслѣдствіе прежняго идолослуженія, то Ефремъ и Самарія открыли новыхъ идоловъ. Но можно и такъ сказать, что когда Господь Спаситель, послѣ пролитія крови Своей и собранія Церкви Своей какъ изъ іудеевъ, такъ изъ язычниковъ, хотѣлъ уврачевать грѣхи народа и привести его къ покаянію, то внезапно возстали Ефремъ, общающій обиліе лжеученій, и народъ Самарійскій, называющій себя соблюдающимъ заповѣди Божіи, и сдѣлали идола лжеученій, и чрезъ нихъ діаволъ, воръ и разбойникъ, вошелъ въ Церковь, или самое ученіе еретиковъ вошло подобно вору и разбойнику, о чемъ Спаситель говоритъ въ Евангеліи: *вси, елико ихъ прииде прежде Мене, татіе суть и разбойници* (Іоанн. 10, 8). Воры подстерегаютъ и дѣйствуютъ тайно, посредствомъ обмана и хитростей, а разбойники смѣло отнимаютъ принадлежащее другому. Ибо воры воруютъ ночью и въ темнотѣ. Поэтому ясно говорится, что воръ вошелъ тайно, а разбойникъ грабитъ извнѣ. Ибо съ тѣхъ, которыхъ они учили, они не могутъ совлечь одежду Христову иначе, какъ только выведши ихъ вонъ изъ Церкви и заставивши ходить по превратному пути своихъ ученій. Подъ ворами и разбойниками, приходившими прежде Господа, мы должны понимать не Моисея и пророковъ, которые всегда восхваляются устами Спасителя, а лжепророковъ и затѣмъ еретиковъ, которые не были посланы Господомъ, но приходили по собственной волѣ.

Ст. 2. *И пусть они не говорятъ въ сердцахъ своихъ, что Я помню все злодѣянія ихъ: теперь окружили ихъ*

новыя беззаконія (adinventiones) ихъ; они совершались предъ лицемъ Моимъ. LXX: Для того, чтобы они пѣли вмѣстѣ, какъ поющіе въ сердцахъ своихъ, Я вспомнилъ всѣ злодѣянія ихъ; теперь окружили ихъ замыслы ихъ: они совершались предъ лицемъ Моимъ. Чтобы они не могли говорить въ сердцахъ своихъ: Богъ воздастъ намъ за старыя грѣхи и мы подвергаемся наказаніямъ за преступленія отцовъ, они бѣли кислый виноградъ, а у дѣтей на зубахъ оскомины (Перем. гл. 31), для этого Я въ слѣдующей рѣчи изложу то, что они теперь, въ настоящее время и предъ Моими очами дѣлали и что ежедневно дѣлаютъ, и покажу имъ новыя беззаконія или замыслы ихъ, въ которыхъ они всячески старались дѣлать зло и которые они совершали предъ Мною, не боясь лица Моего. То, что мы читаемъ у LXX: для того, чтобы они пѣли вмѣстѣ, какъ поющіе въ сердцахъ своихъ, должно понимать въ томъ смыслѣ, что для того входилъ воръ и разбойникъ грабилъ извнѣ, чтобы, оставаясь при прежнихъ богатствахъ и одеждахъ, они не отрицали своего согласія съ воромъ и разбойникомъ, но чтобы послѣ ограбленія ихъ [обнаружилось, что] они пѣли вмѣстѣ съ тѣми ¹⁾ и были въ полномъ единомысліи. Поэтому они получаютъ возмездіе за содѣланное ими, и всѣ ихъ замыслы и дѣла не удостоятся Моего взора. Также еретики не могутъ ссылаться предъ Богомъ на старыя грѣхи, потому что ежедневно въ прежнихъ дѣлахъ они присоединяютъ новое беззаконіе, погибаютъ вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ они погубили, связываются своими заблужденіями и, считая себя сокрытыми отъ Бога, не могутъ избѣжать очей Его.

Ст. 3. Злодѣйствомъ своимъ они увеселяли царя и обманами своими — князей. LXX: Злодѣяніями своими они увеселяли царей и обманами своими — князей. Излагаетъ то, что они дѣлали предъ лицемъ Его. Злодѣяніями своими

¹⁾ Съ ворами и разбойниками.

они увеселяли царя Іероваама и обманами своими—князей, бывших во главѣ народа при Іероваамѣ. Также еретики злыми дѣлами своими увеселяли царя—діавола и своими обманчивыми превратными ученіями—князей,—безъ сомнѣнія, князей міра сего, ложную мудрость которыхъ разрушаетъ Богъ. Царемъ у еретиковъ мы можемъ назвать того, кто первый изобрѣлъ ересь, а князьями—тѣхъ, которые, стоя во главѣ еретиковъ, присвояютъ себѣ жесвященство. Нужно замѣтить также, что грѣхамъ нашимъ радуются противныя силы и правители и князья тмы сей.

Ст. 4. *Всѣ прелюбодѣйствующіе подобны печи, растопленной пекаремъ: городъ нѣсколько успокоился послѣ примѣси закваски, пока все не вскисло. LXX: Всѣ прелюбодѣйствующіе подобны печи, растопленной для печенія, при подерживаніи пламени, послѣ примѣси закваски, пока все не вскисло.* Всѣ тѣ, которые своими злодѣяніями увеселяли царя и своими обманами князей, суть прелюбодѣи, и Іероваамъ разжегъ въ нихъ огонь идолослуженія, какъ въ печи, чтобы печь хлѣбъ нечестія, и возжегши въ душахъ ихъ пламя заблужденія, подобно тому, какъ сначала разжигаютъ огонь въ горнилѣ или печи, онъ на нѣкоторое время успокоился, чтобы не дѣйствовать много на народъ, а предоставить его собственной волѣ, пока не перебродитъ (*fermentaretur*) весь обманъ, потому что все, дѣлаемое по принужденію, скоро прекращается, а что дѣлается добровольно, это долго продолжается. Метафора, взятая здѣсь отъ печи, растапливаемой для печенія хлѣбовъ, удерживается и далѣе, такъ что примѣсъ закваски означаетъ сочувствіе всего народа, вслѣдствіе чего и царь и народъ съ одинаковымъ жаромъ устремились къ идолослуженію. Никто не сомнѣвается въ томъ, что сердца еретиковъ разжигаются огнемъ діавола, чтобы въ нихъ пеклись хлѣбы антихриста; они сначала бываютъ спокойными въ Церкви, говорятъ тайно и общаются общій миръ (*или* общее умиротвореніе), чтобы зараза (*sanser*) постепенно проникла въ народы, и когда за-

кваска ихъ ученія, на которую Господь указываетъ въ Своихъ словахъ: *блудитесь отъ кваса фарисейска* (Матѣ. 16, 6), произведетъ подъемъ въ сердцахъ у оболоченныхъ, то они открыто начинаютъ безумствовать и на нихъ исполняются слова апостола Іоанна: *отъ насъ изыдоша, но не быша отъ насъ; аще бо отъ насъ были, пребыли убо быша съ нами* (1 Іоанн. 2, 19).

Ст. 5—7. *День нашего царя; князья начали неистовствовать отъ вина; онъ протягиваетъ руку свою влѣсть съ лъстцами (illusoribus), которые склонили сердце свое, какъ печь, когда онъ разставлялъ стѣть имъ. Всю ночь спалъ растаплавившій (coquens) ихъ, а утромъ самъ онъ разгорѣлся, какъ пылающій огонь. Всѣ они были распалены, какъ печь, и пожирали судей своихъ; всѣ цари ихъ пали, и никто изъ нихъ не вызываетъ ко Мнѣ. LXX: День вашихъ царей; князья начали неистовствовать отъ вина: онъ протянулъ руку свою влѣсть съ губителями (pestilentibus), ибо сердца ихъ разгорѣлись, какъ печь, когда они устремлялись (praecipitarentur) въ теченіе всей ночи. Ефремъ (или Израиль) насыщался (repletus est) сномъ, наступило утро: онъ разгорѣлся, какъ пылающій огонь. Всѣ были распалены, какъ печь, распаленная огнемъ, и огонь пожралъ судей ихъ; всѣ цари ихъ пали¹⁾, и никто изъ нихъ не призываетъ Меня.* Это темное мѣсто, которое требуетъ особаго вниманія читателя для того, чтобы онъ могъ сначала понять буквальный смыслъ. Израиль и городъ Самарія успокоились на нѣкоторое время, по принятіи ими въ себя огня заблужденія, пока вся масса не сдѣлалась подобною закваскѣ, не поднялась и не вышла изъ краевъ, и тогда народъ не сталъ съ надменностію восклицать у дверей царя Іеровоама и говорить: это

¹⁾ По нѣкоторымъ рукописямъ читается такъ: *Всѣ были распалены, какъ печь, и пожирали князей своихъ*; въ дальнѣйшихъ же словахъ вмѣсто *reges eorum* (цари ихъ) стоятъ, очевидно по ошибкѣ переписчиковъ, *reges coram*.

день нашего царя Іероваама, это праздничный день, установленный у насъ нашимъ повелителемъ (imperator), мы прославляемъ его, мы воспѣваемъ его, мы радуемся и веселимся (ludimus) въ этотъ [день] и поклоняемся золотымъ тельцамъ. При кликахъ народа князья не гнѣвались, какъ полагають нѣкоторые, но и сами начали неистовствовать отъ вина и утрачивать здравомысліе, забывать Бога и претыкаться чрезъ деревянныхъ идоловъ. Когда царь увидѣлъ, что народъ вызываетъ и говоритъ: „это день нашего царя“ и что князья, какъ бы находясь въ опьяненіи и въ изступленіи, не знаютъ, что говорятъ, то онъ протянулъ руку свою лъстецамъ (illudoribus) и исторгъ согласіе (populavit assensum) у тѣхъ, которые лъстили (illudebant) ему пустыми похвалами. Когда царь разставлялъ сѣти этимъ лъстецамъ и отклонялъ ихъ отъ Бога ихъ, они предоставляли ему сердце свое, какъ печь, чтобы онъ разжигалъ ихъ и распалялъ въ нихъ пламень идолослуженія. Ибо потому онъ вошелъ въ согласіе съ народомъ, что видѣлъ, что они всею душою обратились къ заблужденію. Слѣдующія затѣмъ слова: *всю ночь спалъ растапливавшій ихъ, а утромъ самъ онъ разгорѣлся, какъ пылающій огонь*, означаютъ слѣдующее: когда онъ возжегъ огонь въ печи сердца ихъ и увидѣлъ, что они неистовствуютъ и что никто не противустоить волѣ его, то всю ночь онъ спалъ, то есть оставался въ покоѣ и находился во тьмѣ, пока они растапливались и производили хлѣбъ нечестія. Потомъ онъ всталъ утромъ, и явное безуміе ихъ обнаружило пламень ихъ преступленій, [свидѣтельствуя], что они не вслѣдствіе обмана, а по [собственному] безстыдству перешли отъ служенія Богу къ служенію идоламъ. Что еще [сказать]? Всѣ они были распалены, какъ печь, огнемъ и пожирали своихъ судей, такъ что если еще находился такой [судья], который былъ добръ по природѣ и помнилъ о религіи Господа, то и онъ, видя и князей и народъ преданными тельцамъ и признающими ихъ за боговъ, также дѣлался добычею преступленія.

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

1892.

Томъ второй.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мизайловская ул., д. № 4-й.

1892.

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ И РИМСКИЙ ЗАКОНЪ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ДВУХЪ ПЕРВЫХЪ ВѢКОВЪ.

(Нѣсколько замѣчаній по поводу публичной лекціи на эту тему, читанной г. Юліаномъ Кулановскимъ въ Императорскомъ Университетѣ св. Владиміра 8 декабря 1891 года въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая).

Осенью прошлаго 1891-го года открылся въ актовомъ залѣ университета св. Владиміра рядъ публичныхъ лекцій въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Способъ помощи—не обременительный, и при томъ разумный, христіанскій: дать умственную пищу духовно голодающимъ, и, взамѣнъ, получить отъ нихъ пищу вещественную для голодающихъ тѣлесно. Лекторы, открывая курсъ, могли сказать своимъ слушателямъ словами ап. Павла: *если мы съемъ въ васъ духовное, велико ли то, если пожжемъ у васъ для „голодающихъ“ тѣлесное* (1 Кор. 9, 11). Требуется только въ этомъ дѣлѣ вниманіе и осторожность (при предложеніи духовной пищи еще болѣе, чѣмъ—тѣлесной), чтобы не подать „вмѣсто хлѣба камень“, или, выражаясь по нынѣшнему, не предложить вмѣсто доброкачественной муки какой-нибудь непитательный, а то и прямо вредный суррогатъ.

При надлежащемъ отношеніи къ дѣлу избѣжать этой опасности, конечно, не трудно. Публичная лекція не есть ученый рефератъ. Референтъ въ ученомъ Обществѣ можетъ сдѣлать предметомъ своего доклада какое-нибудь открытіе, еще

не получившее въ наукѣ прочнаго обоснованія, можетъ попытаться разъяснить новый фактъ, не только дотолѣ не уясненный, но и составляющій еще почти загадку для ученыхъ, можетъ предложить свое рѣшеніе нерѣшеннаго вопроса, можетъ, пользуясь вновь открытыми данными, дать новое освѣщеніе сторонѣ предмета, недостаточно или неправильно освѣщенной; можетъ, путемъ пересмотра и переоцѣнки данныхъ, давно ставшихъ достояніемъ науки, дать новую въ цѣломъ или въ частяхъ постановку дѣлу. Само собою разумѣется, что въ такихъ рефератахъ возможны увлеченія ложной идеей, односторонности, неосновательныя сужденія, парадоксы, но ученые слушатели подобныхъ рефератовъ, члены Общества, сами болѣе или менѣе знакомые съ матеріей реферата, не вводятся имъ въ заблужденіе и не скандализуются. А ученые дебаты, обыкновенно слѣдующіе за рефератомъ и обнаруживающіе его слабыя стороны, даютъ возможность болѣе или менѣе правильно понять дѣло и „гостямъ“. Публичныя лекціи—не то. Здѣсь собираются слушатели самаго различнаго умственнаго уровня и научнаго кругозора. Здѣсь должна итти не разработка, а популяризація науки. Естественнo лектору избирать для публичной лекціи вопросы изъ такой научной области, въ которой онъ чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ, и, при томъ, преимущественно такіе, по которымъ наука сказала ясное слово и пришла къ опредѣленнымъ выводамъ. Предметы, существенныя стороны которыхъ недостаточно уяснены въ наукѣ, или, по крайней мѣрѣ, недостаточно ясно представляются научному сознанію самого лектора,—для публичной лекціи неудобны. Особенно нужно сказать это о такихъ, не совсѣмъ ясныхъ для самого лектора, деликатныхъ матеріяхъ, которыми затрогиваются высшіе духовные интересы, нравственныя убѣжденія, религіозныя вѣрованія слушателей. Осмотрительность и сдержанность здѣсь обязательны.

Гг. киевскіе лекторы, принявшіе участіе въ оказаніи по-

мощи пострадавшимъ отъ неурожая, такъ, правильно, и поняли задачу и характеръ публичныхъ лекцій: они выступаютъ на лекціяхъ каждый съ своею спеціальностью, избирая въ ней предметъ, интересный для публики—слушателей самъ по себѣ, или же имѣющій еще и особый интересъ, по соотношенію его съ тяжелыми обстоятельствами, вызвавшими лекціи.

Исключеніе представляетъ лекторъ, г. Юліанъ Кулаковский, прочитавшій, 8 декабря, лекцію на тему: „Христіанская Церковь и римскій законъ въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ“.

Признаемся, насъ нѣсколько удивило избраніе лекторомъ, считающимъ своею спеціальностію классическую филологію, предмета для лекціи изъ исторіи церкви христіанской. Объявленная же заранѣе программа лекціи довольно-таки озадачила насъ: программа сложная, широкая, для выполненія которой нужна не одна одно-часовая, а добрыхъ три лекціи. Мы поняли такъ, что эта лекція будетъ не больше какъ „Взглядъ и Нѣчто“. Мы пока не предполагали, что этотъ „Взглядъ“ будетъ поверхностный, рѣзко „либеральный“, а это „Нѣчто“ будетъ нѣчто совершенно неосновательное и крайне тенденціозное. Только самая уже лекція неожиданно показала это, и вообще подарила намъ немало неожиданностей.

Въ самомъ вступленіи въ лекцію лекторъ предупреждаетъ своихъ слушателей, что онъ не остановился на вопросѣ „изъ области своей непосредственной спеціальности“, а избралъ предметъ „изъ другой области, знакомой, говоритъ онъ, всѣмъ намъ съ дѣтскихъ лѣтъ“, „это—наши первые уроки исторіи“. Словомъ, избралъ „вопросъ о такъ называемыхъ, говоритъ онъ, гоненіяхъ“ „грознаго Рима на Христіанскую церковь“. Заинтересовывая слушателей, лекторъ затѣмъ сообщаетъ имъ, что по выставленному имъ вопросу „въ теченіе послѣднихъ 10-лѣтій нашего вѣка ученая литература непрерывно возрастаетъ въ количествѣ, углубляясь въ смыслъ изощренія методовъ изслѣдованія, обогащаясь въ самыхъ способахъ привлеченія новаго матеріала“; что, благодаря „неустанной и не-

прерывной работѣ пытливой мысли человѣческой, стремящейся уяснить истину, раздѣлить между событіемъ и вымысломъ, понять и представить фактъ въ его подлинной дѣйствительности“, — „не одни частные факты и детали въ этой области измѣняютъ свой видъ, но въ значительной мѣрѣ измѣняется также и общая постановка вопросовъ, и самое цѣлое нашего знанія о томъ далекомъ прошломъ Христіанской церкви, въ нѣкоторыхъ существенныхъ чертахъ предстаётъ въ иномъ свѣтѣ“. Пытаясь подняться самъ и поднять своихъ слушателей отъ представлений о данномъ предметѣ, вынесенныхъ изъ „первыхъ уроковъ исторіи“, — прямо на высоту состоянія вопроса въ современной наукѣ, лекторъ не весьма ободрительно замѣчаетъ, что онъ „надѣется уяснить вопросъ“, „постарается выяснить“, „надѣется представить“, „показать“...

Почему же лекторъ оставилъ „область своей непосредственной спеціальности“, гдѣ для публичной лекціи такъ много прекрасныхъ, интересныхъ матерій въ исторіи древне-классической литературы и вообще культуры? Почему, заглянувъ въ „исторію нашей религіи“, область, для всѣхъ равно важную, но, къ сожалѣнію, не всѣмъ равно и столько, сколько слѣдовало бы, знакомую, слѣдовательно, вдвойнѣ требующую, чтобы съ нею обращались бережно, лекторъ выбралъ въ этой области „вопросъ, по которому въ *ученой литературѣ нѣтъ единства во взглядахъ*, и, говорить онъ, слѣдуетъ прибавить, широко распространены, въ особенности у насъ, нѣкоторыя существенныя недоразумѣнія“, — слѣдовательно вопросъ, который могъ-бы быть предметомъ *ученаго изслѣдованія*, если угодно, реферата въ *ученомъ Обществѣ*, но вовсе не *публичной лекціи*? Ознакомившись съ произведеніемъ г. Кулаковского, по появленіи онаго въ печати, — съ его основной идеей и тенденціей, которая направляла весь ходъ этой работы и не разъ отмѣчена авторомъ, а въ заключеніи лекціи определенно сформулирована, мы увидѣли, что публичная лекція, читанная въ Императорскомъ Университетѣ св. Владимира, 8

декабря 1891 года, есть отголосокъ реферата, превращеннаго въ публичную лекцію и читаннаго въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 18 октября. Можетъ быть, шумные аплодисменты, которыми встрѣтили и провожали московскаго референта, не дали покоя равнодушному къ оваціямъ кievскому лектору, и онъ попытался присосѣдиться къ чужому триумфу. А можетъ быть г. Кулаковскій возревновалъ о поправленной и разметанной московскими публицистами, юристами и *филологами* „истинѣ“ соловьевской, и, съ поспѣшностью, достойною лучшаго дѣла, кievскій филологъ попытался подержать основательно побитаго и окончательно сконфуженнаго московскаго философа. А можетъ быть,—и то, и другое...

Г. Кулаковскій разъясняетъ и дополняетъ г. Соловьева. Г. Соловьевъ, какъ философъ, съ софистическою, не очень впрочемъ удавшеюся, ловкостію завиваетъ свою настоящую мысль въ неопредѣленные двусмысленныя фразы, оставляя себѣ выходъ на всякій случай: говорить „объ упадкѣ средне-вѣковаго (разумѣй: христіанскаго) міросозерцанія“, о „дурныхъ проявленіяхъ христіанскаго челоуѣчества“, о проявленныхъ этимъ челоуѣчествомъ религіозной нетерпимости и жестокихъ гоненіяхъ, имѣющихъ принципиальное значеніе. Но, прижатый оппонентами къ стѣнѣ, онъ изворачивается: „Церковь по существу вовсе не была предметомъ моихъ разсужденій, которыя ограничивались только историческими судьбами *христіанскаго челоуѣчества*“. Историческихъ судебъ христіанской церкви онъ, значить, не касался. „Св. православная Церковь не можетъ быть виновна въ иневициціи, и ни въ какомъ другомъ дурномъ дѣлѣ, именно потому, что она свята, непорочна и божественна“ (Москв. Вѣд. 1891, №№ 296, 329). Г. Кулаковскій, какъ филологъ, чуждается софистическихъ изворотовъ; онъ любитъ точность и опредѣленность слововыраженія. Онъ прямо заявляетъ, что съ господствомъ христіанства“ (значить, Церкви) „началось полное отсутствіе терпимости какъ по отношенію къ остаткамъ язычества, такъ

и ко всѣмъ разномыслиямъ съ ученіемъ господствующей Церкви“ (стр. 30). Г. Соловьевъ дѣлаетъ историческое открытіе, что христіанскій императоръ Θεодосій Великій учредилъ въ Византіи институтъ инквизиціи, трибунала, имѣвшаго цѣлью подавленіе свободы совѣсти,—начальной формы будущаго знаменитаго *Supremum et Universale Tribunal: Sacra Congregatio Romanae vel universalis Inquisitionis Sancti Officii*. А г. Кулаковскій поясняетъ и продолжаетъ: „принципъ религіозной нетерпимости проведенъ былъ въ государственный строй (только уже) христіанскими императорами древняго Рима. *Безъ помощи христіанства* древній міръ и не могъ дойти до него“. А инквизиція есть спеціально христіанское учрежденіе; въ созданномъ же геніемъ Рима міровомъ государствѣ не было особыхъ органовъ духовной власти, особаго суда по дѣламъ религіи и спеціальнаго трибунала, призваннаго вѣдать человѣческую совѣсть“... Не можемъ поздравить г. Соловьева съ такимъ союзникомъ. Услужливость иногда опаснѣ вражды ¹⁾.

Г. Кулаковскій свою лекцію—трактатъ выпустилъ въ свѣтъ во внѣшней обстановкѣ весьма внушительно—ученой. Люди простодушные,—особенно изъ тѣхъ, кто по данному вопросу не ходилъ дальше „начальныхъ уроковъ дѣтскихъ книгъ“,—которые ученость измѣряютъ столбцами цитатъ, пожалуй, съ удивленіемъ подумаютъ, что нантъ авторъ для

¹⁾ Г. Кулаковскій постарался, чтобы и съ внѣшней стороны не оставалось сомнѣній въ связи его лекціи съ рефератомъ г. Соловьева. Помѣстивши свою лекцію въ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ*“ (Декабрь 91 г.) и выпустивши ее, для большей распространенности, въ отдѣльномъ оттискѣ, онъ, одновременно съ этимъ, для свѣдѣнія Московской публички, напечаталъ ее и въ журналѣ „Русское Обозрѣніе“ (Январь 1892 г.), который, какъ извѣстно, принялъ Соловьева подъ свою защиту отъ Московскихъ Вѣдомостей. Союзъ защитниковъ не лѣтний для г. Соловьева: журналъ, объявляющій, что онъ не считаетъ себя достаточно компетентнымъ въ богословскихъ предметахъ и сотрудникъ его, предупреждающій о томъ-же, только нѣсколько уклончивѣе: „не изъ области моей непосредственной спеціальности“!..

эффекта поскромничаль, объявивши, что онъ будетъ вращаться на этотъ разъ въ области, не относящейся къ его непосредственной специальности. Напротивъ, онъ выступаетъ со сложнымъ ученымъ аппаратомъ, какъ настоящій специалистъ: у него идутъ цѣлые ряды ссылокъ непосредственно на христіанскіе источники. О староримскихъ языческихъ уже не говоримъ. Но напрасно авторъ, перешагнувши въ область, мало ему извѣстную, не запасся въ дѣйствительности нѣкоторой долей скромности. Напрасно онъ съ такою староримскою важностію и величавостію драпируется въ ученую тогу, сотканную изъ цитатъ. Мы принуждены будемъ, ниже въ своемъ мѣстѣ,—нарушить красоту складокъ его классической тоги, и показать, какую цѣну имѣютъ цитаты автора, какъ онъ пользуется первоисточниками и каковъ характеръ этой многоцитатной учености. Но есть и другая сторона въ этой игрѣ въ ученость. Въ началѣ лекціи авторъ объявляетъ, что ученая литература по вопросу о гоненіяхъ, плодъ неустанно и непрерывно работающей пытливой мысли человѣческой, въ послѣднія десятилѣтія непрерывно возрастаетъ. Это—вѣрно. Но пусть любознательный читатель этого трактата не ищетъ въ немъ указаній на эту литературу: своей любви къ цитатамъ авторъ на этотъ разъ измѣняетъ. Есть у него, правда, нѣсколько ссылокъ случайныхъ по случайнымъ, къ существу дѣла не относящимся, обстоятельствамъ: на изданіе *Philologus*, по поводу смерти Ипатія (уже 5 в.), что авторъ безъ нужды пристегнулъ, ради своей, намъ уже извѣстной, тенденціи (стр. 31); на статью проф. Покровскаго по иконографіи (стр. 25); на *Revue Archeologique* 1866 г. о катакомбахъ (стр. 16) и только. Указанія же на сочиненія „о гоненіяхъ“, о положеніи христіанства въ Римскомъ государствѣ во 2 и 3 вѣкахъ,—безусловно ни одного. Должно быть г. Кулаковскій, познакомившись,—предполагается,—основательно съ этими сочиненіями и не нашедши въ „ученой литературѣ единства во взглядахъ по этому вопросу“, порѣшилъ игнорировать ее; и,

чтобы устранить „нѣкоторыя существенныя недоразумѣнія и неточныя представленія“, „постарался выяснитъ вопросъ“ самостоятельно, непосредственно по первоисточникамъ. Спѣшимъ оговорить, впрочемъ, что онъ сдѣлалъ исключеніе въ пользу прямо относящагося къ дѣлу трактата Mommsen'a: *Der Religionsfrevel nach römischen Recht. Historische Zeitschrift von Sybel. 1890. 3 H. (стр. 23)*, дѣйствительно интереснаго по оригинальности и основательности историко-юридическаго уясненія поставленнаго имъ вопроса. Но какъ нашъ авторъ воспользовался авторитетными сужденіями Моммсена, это мы также покажемъ ниже, въ дополненіе къ характеристикѣ его обращенія съ первоисточниками. Но напрасно авторъ, многозначительнымъ намекомъ на богатую литературу подстрекнувши любопытство читателя, поскупился назвать, по крайней мѣрѣ ради приличія, хоть два—три сочиненія, болѣе важныхъ, болѣе, по его мнѣнію, приближающихся къ правильному пониманію поставленнаго имъ вопроса. Это было бы также не трудно, какъ и поставить нѣкоторыя цитаты изъ первоисточниковъ. Почему бы ему не назвать, по крайней мѣрѣ, Aubè, *Histoire des persecutions de l'Eglise jusqu'à la fin des Antonins*, 2 Edit. 1875 г., переведенное (не сполна) и на русскій языкъ (въ Прав. Обозр. 1880 г.)? Съ этимъ сочиненіемъ авторъ, полагаемъ, знакомъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, при чтеніи его трактата, разсужденія его и въ основѣ, и по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ очень напоминали сужденія по тѣмъ же вопросамъ Aubè, но съ своеобразными, условленными извѣстной намъ тенденціей автора, особенностями. Дѣло вотъ въ чемъ. Сочиненіе Aubè, содержательное и, при умѣломъ, а главное—не предвзятомъ, пользованіи имъ, полезное, страдаетъ спутанностію сужденій, отсутствіемъ устойчивости воззрѣній и опредѣленности выводовъ. Въ значительной мѣрѣ это объясняется полемическою тенденціей автора. Aubè направляетъ свои изысканія противъ выражаемаго нѣкоторыми французскими учеными мнѣнія, что хри-

христианство еще съ 1-го вѣка было преслѣдуемо римскою властью, какъ *религія*, и что, уже начиная съ Нерона и Домиціана, изданъ былъ римскими императорами цѣлый рядъ эдиктовъ противъ *религіи* христианской. Въ противовѣсъ этому, конечно, въ извѣстной мѣрѣ требующему ограниченія, мнѣнію, Аубе въ различныхъ мѣстахъ своего сочиненія, настойчиво проводитъ мысль противоположную, что Римъ отличался религіозною толерантностію, самое понятіе преступленія противъ религіи не существовало (*Sacrilegium* значило только кража храмоваго имущества), не было поэтому и понятія преслѣдованія за вѣру; власть уважала индивидуальную совѣсть и предоставила ей весьма широкія льготы (стр. 398); при свободѣ совѣсти не было особаго трибунала, карающаго за мнѣнія, потому что *cogitationis poenam nemo patitur* (стр. 339); карались не мнѣнія *à la façon d'un tribunal de l'Index* (стр. 191), а дѣла (стр. 95). Потому и христианъ не преслѣдовали, *en tant que Chrétiens* („какъ таковыхъ“); *profession de foi Chrétienne* не было *par elle seule* (какъ таковое) *un crime*. Напротивъ, въ концѣ I-го вѣка христианство пользовалось самою широкою терпимостью (*de la plus large tolérance*, стр. 438). Потому-то не только въ I-мъ вѣкѣ не было издано указовъ *противъ* христианъ, но и во 2-мъ. Даже рескриптъ Траяна былъ не противъ христианъ, а только по дѣлу христианъ (*au sujet des Chrétiens*). Онъ могъ быть обращенъ и въ пользу и во вредъ христианъ. Это—эдиктъ двусмысленный (*un edit équivoque*, стр. 248). Можно вообще сказать, что въ теченіе 1-хъ двухъ вѣковъ христиане пользовались фактически почти полною терпимостію со стороны власти политической (стр. 392). Но, какъ безпристрастный изслѣдователь, Аубе все-таки старался сдерживать крайности своихъ сужденій, вызванныя полемическими увлеченіями и одностороннимъ обсужденіемъ вопроса объ отношеніи къ гоненію на христианъ одной только власти римской. Каждое изъ указанныхъ его сужденій имѣетъ же самымъ очень

ограничивается сужденіями другаго порядка, основательными, согласными съ существомъ дѣла и съ общими условіями (отношеніе народа, общества), въ какихъ развивалась жизнь христіанства въ тяжелый періодъ гоненій. Эти-то послѣднія сужденія и имѣютъ положительную цѣну для серьезной науки. Такимъ образомъ, чрезъ все сочиненіе Аубе проходятъ какъ бы два теченія, и вызываемая этимъ противорѣчивость въ его сужденіяхъ иногда очень замѣтна, такъ что даже благодушный и сговорчивый переводчикъ сочиненія Аубе на русскій языкъ не выдержалъ, и на колеблющихся сюда-туда разсужденіяхъ автора объ эдиктѣ Траяна поставилъ знакъ вопроса и деликатно замѣтилъ: „такой взглядъ кажется намъ натянутымъ и несогласнымъ съ прежде высказаннымъ мнѣніемъ автора“ (Прав. Обзор. 1880 г. авг. 700). Вообще, это сочиненіе имѣетъ какой-то двойственный характеръ. Употребимъ опредѣленіе, данное авторомъ рескрипту Траяна: оно имѣетъ характеръ *equivoque*. Мы думаемъ, что это нужно объяснить недодѣланностью сочиненія. Если бы авторъ пересмотрѣлъ его, то, конечно, въ предисловіи къ новому изданію сказалъ бы тоже, что сказалъ о первыхъ главахъ въ предисловіи ко второму: „по нѣкоторымъ вопросамъ я ихъ выправилъ, а кое-гдѣ и весьма измѣнилъ“. Историческимъ соображеніямъ Аубе, съ ихъ полемическою односторонностію, г. Кулаковскій далъ мѣсто въ своемъ трактатѣ, претендующемъ на объективное уясненіе дѣла; они тенденціозно развиты у него и направлены съ чисто „либеральной“ прямолинейностію, безъ имѣющихъ у Аубе ограниченій и ослабленій, прямо къ напередъ поставленной авторомъ цѣли. Напр. Аубе разсуждаетъ, что религія римской имперіи слишкомъ мало была дидактической; она не имѣла догматовъ, строго формулированныхъ, вѣроученія, заключеннаго въ катихизисъ. Имена боговъ символизировали силы природы, и философы понимали или искали смысла этихъ символовъ. Невѣжественная же толпа находила достаточно пищи своему благочестію въ публичныхъ церемоніяхъ...

Большая часть иностранных культовъ мало отличалась отъ официальнаго. Иногда имена боговъ и обряды были другіе, но принципъ системъ тотъ же. Преслѣдованіе за вѣру чуждо было всѣмъ фракціямъ римскаго политеизма... Систематической религіозной нетерпимости Римъ не зналъ (75). Эти разсужденія очень подходящи для г. Кулаковскаго. Онъ ихъ еще нѣсколько усилилъ и помѣстилъ у себя на стр. 3—4. Но Aube тотчасъ дѣлаетъ поворотъ: „Каково же было отношеніе политики Рима къ религіямъ иностраннымъ?“ Вопросъ, говоритъ онъ, трудный: въ политикѣ римской были зигзаги и извилины безконечныя; она разнообразилась по времени, обстоятельствамъ и нравамъ публичнымъ. Въ древнѣйшее время Римъ, кажется, одушевленъ былъ духомъ недовѣрія и рѣшительной враждебности къ культамъ иностраннымъ“ (здѣсь Aube указываетъ древній законъ Папіріевъ и напоминаетъ (въ другихъ мѣстахъ стр. 340) вообще о законахъ римскихъ противъ иностранныхъ культовъ). „Экзекуціи и легальныя жестокости по отношенію къ святилищамъ культовъ иностранныхъ не были рѣдкими фактами при республикѣ и въ началѣ имперіи“ (стр. 77)... „Въ дѣлѣ Вакханалій—это была настоящая трагедія инквизиціи“ (стр. 178). Эти разсужденія Aube, да еще съ инквизиціонными ужасами, у г. Кулаковскаго отнесенными спеціально на счетъ христіанства, уже не понравились нашему автору и онъ замазалъ всѣ зигзаги и извилины (*des curbes et des replis*), которыми, по выраженію Aube, слѣдовала религіозная политика Рима,—уклончивымъ, въ сущности ничего не говорящимъ, замѣчаніемъ, что тутъ „какъ бы чувствуется сознаніе диспаратности“... Но все-таки „преслѣдованія за вѣру не знаетъ Римъ за все существованіе республики“ (стр. 4). О гоненіи на христіанъ при Неронѣ Aube замѣчаетъ, что „это было не дѣломъ зрѣло обдуманнаго замысла Нерона, „а слѣдствіемъ слѣпотаго каприза и дикаго увлеченія“. „Бываютъ въ исторіи правительствъ такіе злополучные часы, когда власть не знаетъ виновниковъ великаго преступленія, и поражаетъ

случайно, наобумъ (au hasard), тѣхъ, на кого указываетъ ненависть, слѣпое предубѣжденіе...“ „если они не совершили преступленія, то могли-моль совершить, могли хотѣть... Государство ничего не теряетъ, освобождаясь отъ такого отребія... Такъ поступилъ Неронъ послѣ пожара Рима“ (стр. 102—3). Это не было, собственно говоря, гоненіе религіозное (за религію); Неронъ не думалъ ни о качествѣ мнѣній христіанскихъ, ни объ уничтоженіи народившейся религіи“. „Мы полагаемъ, что Неронъ не публиковалъ эдикта противъ христіанъ (стр. 108, 109, 393). Тоже нужно сказать и о традиціонномъ второмъ гоненіи, при Домиціанѣ. И слѣда нѣтъ эдикта противъ христіанъ (393). И г. Кулаковскій охотно отмѣчаетъ, „что не за вѣру привлекли къ отвѣтственности и казнили христіанъ, а пострадали они по простой случайности; то былъ простой произволъ верховной власти“. Но настаивая, что Неронъ не за религію преслѣдовалъ христіанъ, а au hasard подставилъ ихъ, какъ мнимыхъ виновниковъ пожара, не вникая въ ихъ религіозныя мнѣнія, Aube съ другой стороны разъясняетъ,—хотя не такъ настойчиво и внимательно, какъ „случайность гоненія“—что это былъ естественный и прямой отпоръ язычества, религіи жизнерадостной (стр. 93), христіанству, которое казалось религіей унынія, печали, размышленія о смерти, ожиданія гибели міра, культомъ антисоціальнымъ и античеловѣческимъ (odium generis humani), что Неронъ въ этомъ случаѣ былъ орудіемъ въ рукахъ іудеевъ, которые чрезъ Понпею направили его удары противъ ненавистныхъ имъ исповѣдниковъ Іисуса, выставленныхъ ими, какъ опасныхъ для общества людей (91—102), что они подвергались казни не столько, какъ зажигатели, но особенно какъ христіане (стр. 96). Эти соображенія Aube не годились г. Кулаковскому, и онъ ихъ замаскировалъ (стр. 14). Вопросу объ отношеніи Траяна къ христіанству Aube посвятилъ много страницъ. Здѣсь путаница его сужденій и противорѣчіе себѣ особенно выступаетъ, благодаря той же предвзятой полемиче-

ской тенденціи на счетъ указовъ. „Пропаганда христіанъ, соображаетъ онъ, не смотря на ихъ многочисленность въ Азіи, не могла беспокоить правительство настолько, чтобы оно послало чрезвычайнаго комиссара, въ родъ великаго инквизитора, уполномоченнаго подавить ихъ смѣлость... Рескриптъ Траяна есть первый эдиктъ, который императорское правительство оффиціально издало относительно христіанства. Aube затрудняется, слѣдуетъ ли сказать: *за* или *противъ* христіанства (стр. 525). А если и признать, оговариваетъ онъ, что эдиктъ Траяна по существу враждебенъ христіанамъ, то онъ, смѣю сказать,—не агрессивенъ. Онъ осуждаетъ христіанъ теоретически и въ принципѣ (*theoriquement et en principe*), а на практикѣ онъ оставляетъ ихъ въ извѣстной безопасности. Въ самомъ дѣлѣ, запрещать магистратамъ преслѣдовать, значить, собственно, обезоруживать законъ (стр. 228). Рескриптъ своею двусмысленностью даетъ просторъ личному усмотрѣнію правителей... Но вообще, послѣ этого эдикта гоненіе нигдѣ не свирѣпствовало, и хотя оно законно возможно было вездѣ, но проявлялось только случайно тамъ-сямъ. Плиній далъ нѣсколько примѣровъ въ Вивиніи. Два или три имени еще отмѣчены въ Мартирологахъ,—вотъ и все“ (стр. 245). Г. Кулаковский своими соображеніями о значеніи рескрипта Траянова для христіанства, напомнилъ намъ, до буквальнаго сходства, эти разсужденія Aube. „Власть относилась безразлично къ самому существованію религіозной (христіанской) пропаганды въ населеніи; государство не приходило къ мысли создать спеціальныя органы (*d'une façon de grand inquisiteur?*), которые бы слѣдили за этимъ дѣломъ (стр. 20). „Государство признаетъ себя обязаннымъ оберегать традиціонныя формы богопочитанія, но лишь *въ принципѣ* (Aube: *theoriquement et en principe*); императоръ не вмѣшаетъ своему намѣстнику въ обязанность искать нечестивцевъ и казнить ихъ за нечестіе; судъ и наказаніе зависятъ отъ усмотрѣнія власти. Много ли было судебныхъ процессовъ и казней христіанъ за полтора столѣ-

тія со времени эдикта Траянова? Сотнями ли считать мучениковъ или только десятками? Во всякомъ случаѣ „очень немного“, по утверженію Оригена“. Но у Aube есть другой рядъ сужденій о роковомъ для христіанства значеніи рескрипта Траянова: „подлинно, эра законнаго гоненія на христіанство началась (est inaugurée) при Траянѣ его рескриптомъ (227. 393). Эдиктъ Траяна оставилъ открытую дверь гоненію. Отселѣ стоило пожелать правителю... и гоненіе открывалось и свирѣпствовало. Вѣчное подозрѣніе, глухое преслѣдованіе, постоянно угрожающее, вотъ положеніе, въ которое эдиктъ Траяна ставилъ отселѣ христіанъ (226). Эдиктъ Траяна дѣйствовалъ во всей имперіи (249); онъ былъ безъ сомнѣнія подтвержденъ его преемниками непосредственными (341), такъ что даже при М. Авреліѣ, какъ и при Антонинѣ и Адрианѣ, положеніе христіанъ не было спеціальнымъ указомъ сдѣлано болѣе тяжелымъ. Эдиктъ Траяна висѣлъ надъ ними, и —достаточно (351). Эти сужденія Aube совсѣмъ уже не подходятъ къ основной идеѣ г. Кулаковскаго, и, конечно, въ его трактатѣ мѣста себѣ не нашли. Самая схема сочиненія Aube, и по границамъ темы (bien pres de la fin du second siecle, 390), совпадающаго съ лекціею г. Кулаковскаго, выдержана въ трактатѣ нашего автора аккуратно—до курьезности. Достаточно указать одну частность. Мы увѣрены, что каждый, понимающій дѣло читатель трактата г. Кулаковскаго, съ недоумѣніемъ остановился предъ строками, которыми начинается здѣсь рѣчь о христіанствѣ: „не безъ протеста въ средѣ апостоловъ и насажденной ими первой церкви Христовой въ Іерусалимѣ обошлось распространеніе благовѣстія на всю вселенную. Но возникшій раздоръ былъ улаженъ. Петръ соединился съ Павломъ, и будущее было тѣмъ рѣшено“ (12). Каждый спроситъ себя: какимъ образомъ эта тирада о внутреннихъ дѣлахъ начальной Церкви попала въ небольшой трактатъ объ отношеніи р. закона къ христіанству? Обратимся за разъясненіемъ къ Aube. Первая глава его чиненія надписи-

вается: „Dissentiments interieurs dans l'eglise primitive“. И начинается глава тирадой, даже грамматически построенною, какъ тирада г. Кулаковскаго: „ce ne fut ni sans lutttes, ni sans dechirements que le Christianisme parvint a conquerir son independance et a se degager de liens du judaisme d'où il etait sorti“. Рѣчь идетъ о событіяхъ, приведшихъ къ апостольскому собору, о встрѣчѣ ап. Петра съ ап. Павломъ въ Антиохіи, о борьбѣ Павла съ іудействующими... Можно и здѣсь, читая главу Aube, подумать, какъ она вяжется съ содержаніемъ всего сочиненія. Но Aube въ предисловіи разрѣшаетъ недоумѣніе. Эта первая глава есть собственно совершенно отдѣльный этюдъ, написанный, какъ и двѣ слѣдующія главы, за много лѣтъ до всего сочиненія, и помѣщенный въ издававшемся когда-то *Revue Contemporaine*. Внесенный теперь въ новое сочиненіе, какъ 1-я глава, онъ такъ и стоитъ особнякомъ, какъ отдѣльный этюдъ, что особенно открывается изъ сопоставленія его со 2-й главой, которая, трактуя о гоненіяхъ іудейскихъ на первыхъ христіанъ, на апостоловъ, и даже о преслѣдованіи самого Христа, слѣдовательно, касаясь того же времени, что и первая глава, но со стороны, имѣющей внутреннюю связь съ матеріей остальныхъ главъ, и есть собственно прелиминарная глава всего сочиненія. Первая глава такъ и остается этюдомъ, непосредственнаго отношенія ко всему сочиненію не имѣющимъ, и—пожалуй—лишнимъ въ книгѣ. Г. Кулаковскій не обратилъ на это вниманія, и, точно выдерживая схему Aube, отмѣтилъ хоть однимъ,—правда, неудачнымъ, но за то либеральнымъ,—штрихомъ содержаніе стоящаго особнякомъ этюда,—бѣды мало, что къ содержанію его трактата отношенія это не имѣетъ.

Всю эту экскурсію мы сочли излишней, чтобы пособить читателю трактата г. Кулаковскаго уяснить себѣ вопросъ: какую имѣетъ въ его устахъ цѣну торжественная, широкорѣчь о непрерывно возрастающей въ послѣдніе 10-лѣтія ученой литературѣ по вопросамъ, составляющимъ

предметъ его трактата, о методахъ, матеріалѣ, великихъ результатахъ и проч.? насколько самъ онъ причастенъ къ этой „неустанной, непрерывной работѣ пытливой мысли человѣческой въ важной и близкой равно для всѣхъ насъ области“?

Впрочемъ, вопросъ этотъ для читателя еще болѣе уяснится при разсмотрѣніи самаго содержанія трактата,— къ чему мы и переходимъ.

Сущность воззрѣній г. Кулаковскаго по выставленному имъ въ заглавіи трактата вопросу заключается въ слѣдующихъ тезисахъ: 1) „гоненій отъ римскаго государства и отъ римскихъ государей противъ христіанства не было въ теченіе всего 1-го вѣка; не было и за весь 2-й вѣкъ“ (стр. 24). 2) „Не убѣжденія своихъ подданныхъ и не христіанское вѣроученіе, какъ такое, преслѣдовала власть, ибо 3) она допускала свободный просторъ христіанской пропаганды и позволяла укрываться христіанству подъ защиту тѣхъ признанныхъ и законныхъ учреждений и понятій, которыя дѣйствовали по отношенію ко всѣмъ гражданамъ имперіи“ (стр. 28).

Чтобы читатель видѣлъ, каково обоснованіе этихъ тезисовъ въ трактатѣ, раскрытіе и уясненіе ихъ въ историческомъ обозрѣніи, мы представимъ въ общихъ чертахъ содержаніе самаго трактата, пользуясь, по возможности, словами самого автора.

По самымъ основнымъ чертамъ римскаго народнаго духа, римская религія имѣла мертвый характеръ. Искони выражалась она внѣшнимъ образомъ во множествѣ точно и ясно опредѣленныхъ формъ, культовъ, обычаевъ и обрядностей; она застыла въ нихъ, и самая внѣшность стала ея сущностью. Теоретической догмы и своего вѣроученія не имѣлъ древній Римъ. Ни число боговъ не было ограничено, ни самые образы ихъ не были опредѣлены. Римляне, въ пору воздѣйствія на нихъ греческой образованности, позволили своимъ богамъ слиться съ греческими. Знакомая позднѣе съ богами другихъ народовъ, они свободно отождествляли чужихъ боговъ съ

своими. Государство крѣпко держалось за исконную религію; но, по самой ея сущности, съ вѣрностію ей могъ мириться самый широкій синкретизмъ. Двери римскаго Олимпа были широко открыты. И хотя, при проникновеніи въ Римъ религій съ рѣзко выраженнымъ національнымъ характеромъ, въ началѣ какъ-бы чувствуется сознание диспаратности этого новаго пришельца, но чрезъ нѣсколько времени, уже въ началѣ имперіи, онѣ распространяются и уживаются въ Римѣ... Преслѣдованія за вѣру не знаетъ Римъ за все существованіе республики... Въ Римѣ не было ни особаго трибунала, ни особой формы процесса, ни особаго спеціального органа власти для возбужденія самаго преслѣдованія... Не было и самаго понятія преступленія противъ религіи и потому нѣтъ въ латинскомъ языкѣ особаго общаго термина для обозначенія преступленія противъ религіи (стр. 3, 4, 5).

При такомъ характерѣ религіи и религіозныхъ воззрѣній и установленій римскаго государства, совершенно понятно *полное равнодушіе* государственной власти къ религіямъ народовъ, подвластныхъ имперіи. Религіи эти не исключали римской, какъ не исключала ихъ римская религія. *Безразличіе* государственной власти къ этому вопросу давало возможность сливаться и смѣшиваться всѣмъ этимъ религіямъ съ римской... Если въ нѣкоторыхъ изъ нихъ выяснялись съ теченіемъ времени для Рима противныя римскому религіозному сознанию формы культа, то государство путемъ запретовъ и угрозой казни полагало предѣлъ подобнымъ дурнымъ обычаямъ. То была мѣра административная; религія, какъ такая, не подвергалась здѣсь никакому преслѣдованію. Не по *вѣротерпимости* поступало такъ римское государство, ибо ему чуждо было самое это понятіе, какъ чуждо было и понятіе преслѣдованія за вѣру. Оно лишь искореняло дурной обычай, или карало ослушника (стр. 3. 4. 5). Тоже самое *свободное равнодушіе* къ религіозному вопросу проявилъ Римъ и по отношенію къ іудейству, особой націо-

нальної релігії, съ его исключительнымъ и исключаяющимъ единобожіемъ, говоритъ авторъ. Въ дальнѣйшемъ обзорѣніи исторіи іудейства, какъ его дѣлаєтъ г. Кулаковскій, этого „свободнаго равнодушія“, впрочемъ, не видно. „Релігії іудеевъ и релігіозныхъ установленій, какія застала Римская власть, не коснулась она. Но римляне 1 и 2 в. смотрѣли на эту релігію не только съ *презрѣніемъ*, но и съ *самымъ жестокимъ осужденіемъ*. Іудейская релігія была въ положеніи *religionis licitae*, прѣвильнѣе—релігії терпимой, потому что она дозволена была только для іудеевъ. Сокращеніе въ іудейство влекло за собою уголовную кару; обрѣзаніе язычника подлежало суду палаты, вѣдавшей убійство; переходъ въ іудейство римскаго гражданина разсматривался, какъ атеизмъ, безбожіе, ибо Іегова исключалъ и отрицалъ всѣхъ другихъ боговъ. Но для самаго іудейства іудейское богослуженіе совершалось въ Римѣ свободно подъ охраной римской полиціи. Это не по вѣротерпимости, а по свободному равнодушію“. Римская государственная власть отвелась къ іудейской релігії, этой „противоположности всякой релігії“, безбожному суевѣрію, съ *величавымъ небреженіемъ*, съ *высокимъ презрѣніемъ*, съ *осужденіемъ*. Тѣмъ не менѣе, во *уваженіе* къ релігії (? послѣ величаваго небреженія и проч.), она изъясля тѣхъ, кто исповѣдывалъ ее по наслѣдію отъ отцовъ, отъ разныхъ общественныхъ обязанностей (стр. 11).

Такъ характеризуетъ г. Кулаковскій римскую релігію и римскую релігіозную политику—до появленія христіанства.—Отсюда выходитъ у г. Кулаковскаго разъясненіе и отношенія Рима къ христіанству.

„Христіанство вошло въ міръ подъ покровомъ іудейства. Впервые въ Палестинѣ римская государственная власть привлечена была къ участію въ сужденіи о новомъ фактѣ міровой исторіи, при императорѣ Клавдіи, по случаю раздоровъ и возмущенія въ іудейской общинѣ Рима, куда проникло новое ученіе. Но власть проявила себя, какъ вѣщная сила государственнаго порядка и общественнаго благоустройства“

Представители римской власти къ религіозной сторонѣ дѣла въ этихъ спорахъ изъ-за христіанства отнеслись совершенно безразлично, какъ это было и въ Іудеѣ и въ провинціяхъ: ради общественнаго благоустройства приняли полицейскую мѣру изгнанія безпокойныхъ чужестранцевъ изъ столицы міра. Но римская полиція не отличалась ни особенной бдительностью, ни большой строгостью, и Іудеи опять оказались въ Римѣ; опять у нихъ волненія и беспорядки изъ-за христіанства,—въ Римѣ жилъ тогда Павелъ,—и Неронъ воспользовался этимъ въ своихъ цѣляхъ, чтобы снять съ себя обвиненіе въ поджогѣ Рима. Какъ и почему оказалась возможность признать поджигателей въ христіанахъ,—это намъ неизвѣстно... Мы можемъ лишь гадать объ этомъ... Какъ-бы то ни было... не за вѣру привлекли христіанъ къ отвѣтственности и казнили: первые христіанскіе мученики въ Римѣ пострадали по простой случайности; то былъ простой произволъ верховной власти. Послѣ паденія Іерусалима, христіанская церковь въ Римѣ умножилась выѣстъ и рядомъ съ іудейской общиной. И христіанская пропаганда велась въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что при Домиціанѣ дошла даже до дворца. Отсюда, мы съ полнымъ правомъ можемъ заключить, говорить авторъ, что христіане пользовались и въ концѣ 1-го вѣка въ Римѣ такой-же полной свободой—*de la plus large*,—какъ и въ годъ пребыванія тамъ ап. Павла. И при Домиціанѣ гоненія на христіанъ не было. Клементъ и Домитилла, уличенные въ атеизмъ, т. е. въ христіанствѣ, пострадали вслѣдствіе чуждости своей къ престолу. Но выходящія изъ ряда, исключительныя условія этого событія не даютъ никомъ образомъ права утверждать, что христіанство, какъ такое, было осуждено и признано ученіемъ запрещеннымъ, подлежащимъ, какъ вѣрованіе, строгому взысканію“ (17).

„Первый указъ, въ которомъ христіанство признавалось было ученіемъ вреднымъ и его исповѣдники подлежащимъ наказанію, изданъ былъ въ началѣ 2-го вѣка Траянномъ, 1

сударство осудило христіанство устами Траяна за атеизмъ упорные въ немъ подвергались карѣ. Это и создало *видимость* что римская власть караетъ самое имя „христіанинъ“. Но, по существу дѣла, государство карало только за сопротивленіе власти въ ея законныхъ требованіяхъ, а не за вѣрованія и убѣжденія. Власть относилась *безразлично* къ самому существованію христіанской религіозной пропаганды въ населеніи. Государство не имѣло никакихъ спеціальныхъ органовъ, на обязанности которыхъ лежало бы слѣдить за этимъ дѣломъ; его это не интересовало. Намѣстникамъ не вѣнялось искать и казнить нечестивцевъ; они должны были входить въ дѣло только тогда, когда кто-либо изъ общества предъявлялъ обвиненіе противъ христіанина“. Это свое толкованіе г. Кулаковскій пытается подгвердить самыми актами мученическими, разборъ которыхъ приводитъ его къ заключенію, что процессы христіанскіе не были уголовными въ юридическихъ формахъ процессами, но это было лишь *случайное* вмѣшательство—говоря нашимъ языкомъ, поясняетъ авторъ,—полиціи, по вызову ея вниманія къ дѣлу самой публикой,—полиціи, принуждающей гражданина исполнять повелѣніе, которое она дѣлаетъ въ силу своей власти, а не преслѣдованіе религіи, какъ такой.—Но если были мученики, то это преслѣдованіе шло изъ той среды, гдѣ распространялось христіанство, т. е. первоначально въ низшихъ слояхъ общества, въ простомъ народѣ и городской черни; здѣсь борьба идей шла напряженно, а въ иныхъ мѣстахъ съ яростію и ожесточеніемъ. *Христіанскіе апологеты запальчиво и яростно борются* противъ язычества. Тогда какъ просвѣщенное общество не проявляло интереса къ новому вѣроученію. А государственная власть, хотя подъ часъ (римская полиція вѣдь не отличалась ни особенной строгостью, ни большой бдительностію) и карала христіанъ за вызванные ими общественныя волненія и безпорядки, но не вникала въ религіозныя убѣжденія христіанъ и по прежнему относилась съ высокомѣрнымъ невниманіемъ къ этому внутреннему про-

цессу борьбы новыхъ и старыхъ идей и представлений. Даже болѣе: она допускала свободный просторъ христіанской пропаганды и позволяла христіанству укрываться подъ защиту признанныхъ и законныхъ учреждений и понятій. Авторъ разумѣетъ *collegia fideiatisia*. Подъ охрану этой законной формы и стала христіанская Церковь съ раннихъ поръ въ столицѣ имперіи. Подъ охраной римскаго закона христіанство росло, ширилось, развивало свои учрежденія, свою администрацію. Когда-же римская государственная власть должна была прійти къ сознанію, что она своимъ попусценіемъ дозволила развиваться союзу единомышленниковъ, покрывшему своею сѣтью весь римскій міръ, союзу, который успѣлъ выработать сильную и централизованную внутреннюю организацію, со своей іерархіей, со своими капиталами и съ прочнымъ единствомъ вѣроученія, тогда оно должно было взглянуть на христіанство, какъ на фактъ политическаго значенія, признать въ немъ политическую опасность. Еще при Септиміи Северѣ изданъ былъ указъ, воспрещавшій принимать вновь христіанство, но государство, издавая этотъ законъ, не создавало особыхъ органовъ для наблюденія за своими подданными въ дѣлахъ ихъ религіозныхъ убѣжденій, а потому серьезныхъ преградъ пропагандѣ при Северѣ поставлено не было, и уже только въ половинѣ III вѣка начались гоненія на христіанство отъ государства, но они не были послѣдовательны по неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, въ какихъ стояло тогда государство, и закончились провозглашеніемъ эдикта о вѣротерпимости, а дальнѣйшее историческое развитіе превратило это состояніе имперіи въ господство христіанства и полное отсутствіе религіозной терпимости... Принципъ религіозной нетерпимости повеленъ былъ въ государственнѣйшій строй христіанскими императорами древняго Рима. До него не могъ дойти древній міръ безъ помощи христіанства.

Таково содержаніе любопытнаго въ своемъ родѣ трактата г. Кулаковскаго. Выразимъ общую его схему исключи-

тельно словами автора: римская государственная власть съ полнымъ равнодушіемъ относилась къ религіямъ народовъ, подвластныхъ имперіи. Ни преслѣдованія за вѣру Римъ не зналъ, ни вѣротерпимости: онъ относился къ религіозному вопросу съ совершеннымъ безразличіемъ. То же *свободное равнодушіе*, жестокое осужденіе, величавое небреженіе, высокоумѣнное презрѣніе Римъ проявилъ къ іудейству. Съ такимъ же высокоумѣннымъ невниманіемъ отнесся Римъ и къ вошедшему въ міръ подъ покровомъ іудейства христіанству. Власть относилась безразлично къ самому существованію религіозной (христіанской) пропаганды въ населеніи; ее интересовала не религія, какъ такая, а только полицейскій порядокъ. Если были мученики, то это по вызову не просвѣщеннаго общества, а низшей среды, гдѣ распространялось христіанство и гдѣ борьба идей шла напряженно, а въ иныхъ мѣстахъ съ яростію и ожесточеніемъ (по вызову самого христіанства), потому что апологеты христіанскіе запальчиво и яростно борются противъ служенія идоламъ. За вызванныя этой борьбой волненія и беспорядки судили и казнили христіанъ, но не за религіозныя убѣжденія, не за ученіе, распространеніе котораго вызвало борьбу. Христіанамъ казалось, что ихъ казнятъ за имя *христіанинъ*. Но такъ оно было только по видимости, а по существу дѣла государство карало только за сопротивленіе власти въ ея законныхъ требованіяхъ. Власть допускала свободный просторъ христіанской пропаганды, позволяла христіанству укрываться подъ охрану закона. Иногда полиція даже въ виду обвинителей покровительствовала на судѣ христіанамъ и предоставляла имъ возможность освободиться отъ суда. Но вообще, не смотря на волненія общественныя, вызванныя распространеніемъ христіанства, не смотря на сильныя требованія народа—обвинителя, смертельнаго врага новой религіи, полиція, карая христіанъ, все-таки дѣйствовала недостаточно внимательно, строго и энергично, потому что государство не создало особыхъ органовъ для наблюденія за подданными въ дѣлахъ ихъ религіозныхъ

убѣжденій, да и полиція римская не отличалась ни особенной строгостью, ни большой бдительностью. Даже съ половины III вѣка, когда Римъ долженъ былъ наконецъ признать въ христіанствѣ политическую опасность для государства, гоненія не были послѣдовательны и закончились провозглашеніемъ эдикта о вѣротерпимости. А затѣмъ началось господство христіанства и полное отсутствіе религіозной нетерпимости: до религіозной нетерпимости и учрежденія особаго суда по дѣламъ религіи и спеціального трибунала, призваннаго вѣдать человѣческую совѣсть, древній міръ не могъ дойти безъ помощи христіанства.

Вотъ абрисъ исторической, вѣрной, фантастической, картины, вышедшей изъ классической мастерской г. Кулаковского!

Исходнымъ пунктомъ здѣсь является аксіома: „римская религія, по самымъ основнымъ чертамъ римскаго народнаго духа, имѣла мертвый „характеръ“. То вѣрно, что римская религія, въ ея исконной формѣ, выражала въ себѣ римскій народный духъ, какъ и вообще религіи всѣхъ древнихъ народовъ, національныя, самобытныя, выражали духовную сущность того или другого народа. Только религіи, принятыя народомъ извнѣ уже развитыми и законченными, не духъ усвоившаго ихъ народа выражаютъ, а сами (напр. христіанство) преобразовываютъ этотъ духъ, даютъ народу новый нравственный обликъ, новыя задачи и цѣли. Но—мертвый характеръ религіи?!?... Мы не будемъ входить въ общее обсужденіе метафизическаго вопроса,—можно ли сказать, что имѣетъ мертвый характеръ религія, которая есть выраженіе живаго духа народа и сама обуславливаетъ духовно-историческое развитіе этого народа. Подходимъ къ факту непосредственно. Моммсенъ хорошо опредѣляетъ: „религія римскаго народа... въ дѣйствительности есть только идеальное отображеніе народнаго духа (Volksgefühls); религіозность его есть проявляющійся въ скральной формѣ патріотизмъ.“ (Historische Zeitschrift. 1893 Н. 390). Она, значитъ, есть (говоримъ вмѣстѣ съ г. Кул

ювскимъ о начальной религіи римской) проявленіе въ сакральной формѣ того юношески свѣжаго, бодрого, кипучаго и могучаго духа народнаго, который имѣлъ создать столько великаго и важнаго во всемірной исторіи человѣчества. И эта религія,— идеальное выраженіе народнаго духа,—имѣетъ, по опредѣленію г. Кулаковскаго, мертвый характеръ,—по самымъ основнымъ чертамъ (по самому существу) этого духа! Почему же мертвый? Потому что она „исkonsи выражалась внѣшнимъ образомъ во множествѣ обрядовъ, въ культѣ, теоретической же огмы не имѣла“. Но вѣдь это есть характерная черта, общая религіямъ всѣхъ народовъ, находящихся еще на низшей ступени духовнаго—умственнаго и нравственнаго развитія. Это е мертвый характеръ, а дѣтская пока ступень развитія религіи, отображающая младенчествующее пока состояніе духа народа. Народы—младенцы, непосредственнымъ чувствомъ ходящіе въ общеніе съ таинственной силой божественной, только въ священныхъ жертвоприношеніяхъ, въ религиозныхъ обрядахъ и выражаютъ свое искреннее и глубокое благоговѣніе предъ Высочайшимъ, и въ нихъ находятъ полное нравственное удовлетвореніе своему духу. Но это никакъ не значитъ, что религія такого народа, не имѣющая пока развитой мифологіи, „застыла въ обрядахъ и внѣшности“. Это, повторяемъ, только начальная дѣтская ступень религіи, полная искренняго чувства и жизненной силы, за которой должны ослѣдовать дальнѣйшія фазы религиознаго развитія. По мѣрѣ общаго развитія духовныхъ силъ народа, непосредственное (хотя и глубокое) религиозное чувство, находившее удовлетвореніе въ символикѣ и обрядахъ, говорившихъ только сердцу, переходитъ въ болѣе или менѣе сознательную вѣру, выражающуюся уже въ болѣе или менѣе сложномъ теоретическомъ вѣроученіи, уясняющемъ и возвышающемъ обрядъ, говорящемъ уже и вѣрующему уму. Такой естественный и неизбежный переходъ совершается скорѣе или медленнѣе,— все зависитъ отъ внутренняго успѣшнаго общаго духовнаго

развитія, а также и отъ ви́шняго благопріятнаго духовно-нравственнаго воздѣйствія. Хотя, разумѣется, безъ помощи Откровенія божественнаго, это развитіе въ сущности не идетъ далѣе теологіи мифологической, какой-бы стройности и возвышенности, она, по видимому, ни достигала. Это соображеніе имѣетъ всю силу въ приложеніи къ начальной религіи римской; и то, что она, чрезъ посредство Великой Греціи, обогатилась новымъ теоретическимъ содержаніемъ изъ ранѣе и болѣе развитой мифологіи еллинской, говоритъ не о мертвенности ея, какъ полагаетъ г. Кулаковскій, а о вступленіи въ новую фазу живаго (насколько есть жизни въ религіи неоткровенной) развитія, во взаимодействіи съ религіознымъ развитіемъ націи, по міросозерцанію все-таки ей родственной.

Отсюда получаетъ надлежащее освѣщеніе и выставленное г. Кулаковскимъ, какъ слѣдствіе открытаго имъ характера римской религіи, полное равнодушіе, безразличіе Рима въ дѣлахъ междурелигіозныхъ. Когда народъ (все равно и отдѣльный человѣкъ) находится на такой ступени духовно-нравственнаго развитія, что религія его „выражается только въ опьяненостяхъ, культѣ, точно и ясно опредѣленныхъ“,—онъ менѣе всего расположенъ къ религіозному безразличію. Для него культъ, обрядъ—все; онъ ревниво охраняетъ завѣщанное предками отъ малѣйшихъ измѣненій, отъ вторженія чужа религіозныхъ новшествъ, иноземщины: вѣрность обряду—вѣрность религіи. Національная исключительность, религіозная нетерпимость здѣсь проявляется въ рѣзкой, иногда даже уродливой формѣ. Считаемо лишнимъ приводить примѣры этого изъ исторіи религіознаго развитія человѣчества. Нѣтъ мѣста религіозному равнодушію и безразличію и тамъ, гдѣ религія получаетъ выраженіе въ развитой теоретической догмѣ но вѣроученіе не разрываетъ связи съ ви́шнимъ культомъ, а только проясняетъ, одухотворяетъ обрядъ и сам опирается на обрядъ. Здѣсь возможна только въ извѣстныхъ границахъ толерантность къ чужому, безъ уступокъ

религии лишенная религиозности мысль. Символика, обрядность осмѣивается и попирается, какъ ненужная грубая оболочка, стѣсняющая (будто) свободное проявленіе высшихъ разумныхъ религиозно-нравственныхъ стремленій духа. Оторванная отъ культа голая теоретическая догма подвергается философической обработкѣ на подкладкѣ либерализма и скепсиса, и—область вѣроученія, освобожденная отъ „оболочки“, превращается въ область (религиозно) философскихъ мнѣній, гдѣ глубоко-сердечный интересъ исчезаетъ, и наступаетъ „полное равнодушіе“, религиозный индифферентизмъ. Собственно, религиозности здѣсь уже нѣтъ, а одна безвѣрная только плохо прикрывающаяся вѣровыми интересами, пустая либеральная софистика. Такъ было оно въ древности, въ эпоху греко-римскаго философскаго скепсиса и невѣрія, такъ оно бываетъ и теперь (и у насъ).

Все это такъ ясно, что мы готовы были-бы признати указанное выраженіе г. Кулаковскаго просто за неудачную обмолвку (*lapsus linguae*), которую достаточно было-бы, какъ парадоксъ, подчеркнуть, не входя въ дальнѣйшее ея обсужденіе. Но у г. Кулаковскаго это есть основное положеніе на которомъ онъ строитъ всю свою теорію о полномъ равнодушіи, безразличіи и т. д. Рима къ другимъ религіямъ, а въ частности и къ христіанству.

Намъ припоминается теперь другая характеристика религии и религиозности Рима, совершенно противоположная характеристикѣ г. Кулаковскаго, сдѣланная тоже романистомъ (не филологомъ, а юристомъ), и также настойчиво проведенная въ одномъ изъ его сочиненій, трактующемъ между прочимъ объ отношеніи римскаго государства къ религии вообще, и къ христіанству въ особенности до Константина Великаго: „Римскій народъ—наиболѣе морализованный и болѣе религиозный, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, изъ всѣхъ народовъ древняго міра“. Выходя изъ этого положенія, юристъ построилъ ту же, по существу, теорію, что и филологъ съ своимъ мертвымъ характеромъ религии.

То же не только безразличіе, но и равнодушіе къ религіямъ

пропагандѣ. „Христіанство долго (до Константина) находило для себя защиту и покровительство въ морально-политическихъ воззрѣніяхъ римскихъ государей“, говоритъ юристъ. Власть допускала „свободный просторъ христіанской пропаганды“ и т. д., говоритъ филологъ. Даже царствованіе С. птимія Севера у обоихъ отмѣчается, какъ начало настоящаго (узаконеннаго эдиктомъ) гоненія на христіанъ. Великая истина, что крайности въ своихъ выводахъ сходятся... Впрочемъ, теорія г. Кулаковскаго есть крайняя крайность, абсурдъ: у него нравственно-религіозному, вообще духовному фактору въ борьбѣ народа—государства за сохраненіе своего историческаго релогіозно-политическаго облика и вѣками сложившагося строя мѣста почти не дается, изъ дѣла устраняется религія, а выступаетъ только внѣшній общественный порядокъ и индифферентная къ вопросамъ религіи полиція...

Въ трактатѣ г. Кулаковскаго промелькнула была мысль, которая должна была послужить ключемъ къ правильной постановкѣ и разъясненію религіознаго вопроса въ римскомъ государствѣ,—это: „религія была по существу тождественна съ государствомъ; она была его выраженіемъ въ иной сферѣ понятій“. Но эта мысль такъ и не была развита; она тотчасъ заслонена была „мертвымъ характеромъ религіи“. Дѣйствительно, религія у римскаго народа (какъ и у всѣхъ древнихъ народовъ) стояла въ самой внутренней связи съ государствомъ; это была сама государственность въ сакральной формѣ. Отсюда, основнымъ началомъ государственной жизни римскаго народа было общественное почитаніе отечественныхъ боговъ (*cultus publicus*). Отсюда и на каждомъ частномъ гражданинѣ, какъ членѣ народа, лежалъ долгъ исключительнаго почитанія отеческихъ боговъ, участія въ установленномъ государствомъ культѣ. Выполненіе всѣхъ религіозныхъ обязанностей, лежавшихъ на государствѣ и въ частности на каждомъ гражданинѣ, обезпечивало государству покровительство боговъ. Отправленіе общественнаго богослуженія (*Sacra pub.*

lica),—молитвы, жертвоприношенія отъ имени всего народа,—совершалось на средства государства представителями государства. Въ начальный, прикрытый миѳической целеной, періодъ жизни Рима, когда зачались всѣ сакральныя учрежденія сложнаго государственнаго культа римскаго, представителемъ религіи, какъ и государства, является царь. Какъ председатель коллегіи понтификовъ (*Collegium pontificum*), царь вѣдалъ всѣ дѣла культа, наблюдалъ за исполненіемъ государствомъ и отдѣльными гражданами ихъ религіозныхъ обязанностей. Его судебная власть простиралась и на преступленія сакральныя, противъ права божест веннаго, какъ и на преступленія противъ правъ частнаго и общественнаго *Collegium pontificum*, которымъ по преимуществу принадлежало имя *Sacerdotes publici populi Romani*, и коллегія авгуровъ со времени республики особенно выступаютъ изъ ряда великихъ жреческихъ коллегій съ ихъ разнообразными отправленіями сложнаго культа общественнаго. Понтифики, во главѣ которыхъ послѣ царей стоитъ одинъ изъ понтификовъ, какъ *Pontifex Maximus*, имѣли особенно важное значеніе въ политической и религіозной, общественной и частной жизни Рима. На ихъ отвѣтственности лежали различныя религіозныя церемоніи (*Sacrificia*). Имъ принадлежало сохраненіе и право истолкованія *juris divini* (*interpretes religionum*). Такъ какъ все гражданское и уголовное право римлянъ развилось изъ права сакральнаго, а слѣдовательно имѣло характеръ сакральный, а понтифики, хранители сакральныхъ преданій, имѣли авторитетъ глубокихъ знатоковъ юриспруденціи, то ихъ обязанностью было не только указывать, но и объяснять необходимый законъ властямъ, что они и дѣлали посредствомъ декрета коллегіи. Но самостоятельно дѣятельными совершителями культа общественнаго они не были. Отъ имени *populi Romani* совершали жертвоприношенія и возносили молитвы магистраты. Понтифики при этомъ наблюдали за точнымъ и правильнымъ исполненіемъ всѣхъ традиціонныхъ религіозныхъ церемоній, упущеніе которыхъ, даже въ мелочахъ, лишало жерт-

воприношеніе дѣйственной силы акта религіознаго. Тоже нужно замѣтить и о коллегіи авгуровъ. Магистраты сами вопрошали *auspicia* (откровеніе воли боговъ). Авгуры только присутствовали при этомъ, и, какъ хранители *divinatio*, т. е. традиціонной науки истолкованія *auspicia* или *auguria*, они руководили выполненіемъ всѣхъ обрядовыхъ подробностей (имъ принадлежало *inauguratio* мѣста для совершенія *auspicia*), наблюдали за правильностію совершенія *auspicia*, но *jus auspiciorum*, самое вопрошеніе воли боговъ, опредѣленіе благопріятнаго или неблагопріятнаго результата ауспцій принадлежало только магистратамъ, которые могли совершать ихъ и въ отсутствіи авгуръ. Авспіціи и жетвоприношенія внутренно были связаны со всѣми отправленіями жизни общественно-государственной. Вся государственная инсти-туція пропитана была религіозностію. А это и власти магистратовъ сообщало характеръ священный. Каждый магистратъ обязанъ былъ отправлять свою должность согласно съ волею боговъ, дознанною чрезъ *auspicia*. *Nihil publice sine auspiciis nec domi, nec militiae gerebatur* (Cicer. de divin. 1, 2). Та-кимъ образомъ, дѣла религіи государственной вѣдалъ, какъ высшая инстанція государственная, сенатъ; отправленіе куль-та было правомъ магистратовъ; жреческія же коллегіи понти-фиковъ и авгуровъ выступаютъ не какъ представители и со-вершители культа, а только какъ ассистенты и юрисконсульты. Къ понтификамъ обращались сенатъ и магистраты въ случаѣ сомнѣнія на счетъ исполненія религіозныхъ обязанностей, ко-торыя лежатъ на государствѣ относительно боговъ, на счетъ обрядовъ и проч. Коллегія понтификовъ опредѣляла церемо-ніаль новыхъ культовъ, принятыхъ сенатомъ или народомъ она заботилась о томъ, чтобы общественные и частные культы совершались сообразно предписаніямъ *jus divinum*. Но сама коллегія власти магистратской не имѣла; эдиктовъ по дѣ-ламъ культа не издавала: не была она и судебнымъ трибуна-ломъ, разбиравшимъ процессы, относившіеся къ культу, хотя *pontifex Maximus* и имѣлъ нѣкоторую власть *coercitionis*, нѣ-

которую уголовную юрисдикцію (*jus multae*—право налагать денежную пеню на виновных жрецовъ, и даже право предать смерти нарушившихъ цѣломудріе Весталокъ). Высшій надзоръ за благочиніемъ культа принадлежалъ сенату; сенатъ опредѣлялъ запретительныя и карательныя мѣры относительно неразрѣшенныхъ иностранныхъ обрядовъ; сенатъ же, по консультациіи понтифексовъ, декретировалъ церемоніаль вновѣ принятыхъ въ національный культъ иностранныхъ культовъ и обрядовъ. Въ стрѣхъ римской магистратуры были органы, которые должны были смотрѣть за благочиніемъ культа. Эдиламъ поручено было, *ut animadverterent, ne qui nisi Romani dii neu quo alio more quam patrio colerentur*¹⁾.

Можно ли послѣ этого говорить о „полномъ равнодушіи Рима къ религіозному вопросу“ о „безразличіи государственной власти въ отношеніи къ другимъ религіямъ, о незаинтересованности въ пропагандѣ чужихъ религій“, когда Римъ такъ внутренне и живо былъ связанъ съ своею національною религіею, когда культъ былъ одною изъ функцій государственнхъ, когда акты жизни государственно-общественной обставлены были сложнымъ церемоніаломъ публичнаго культа, жертвами, куреніями, либаціями, когда *domi militiae* que все совершалось подѣ авеніціями, по староотеческому обряду, когда особые органы государственные наблюдали за точнымъ исполненіемъ обряда религіознаго, когда весь народъ,—власть и граждане,—глубоко убѣждены были, что все величіе, сила и слава Рима, все его міровое владычество есть божественная отплата за благочестіе народа, за почитаніе только *patrii dii, Romani dii*, и при томъ не иначе, какъ *more patrio*?...

Но въ римскомъ религіозномъ вопросѣ есть и другая существенная сторона: Римская національная религія была

¹⁾ Подробно о культѣ римскомъ съ необходимыми цитатами смотр. у Marquardt'a: *Handbuch der Römischen Alterthümer* В. 6.; а общій правовой обзоръ у Вилленса: „Римъ и государственное право“, который слѣдуетъ Marquardt'у.

политеистическая. Римъ крѣпко держался своихъ отеческихъ боговъ, покровителей города и народа; въ могуществѣ своихъ боговъ онъ видѣлъ залогъ своего благоденствія, и, наоборотъ, въ своихъ политическихъ успѣхахъ видѣлъ доказательство силы своихъ боговъ. Но эти національные римскіе боги не исключали бытія другихъ боговъ. По основному политеистическому принципу, боги другихъ городовъ и народовъ, чествуемые мѣстными національными культами, были такіе же дѣйствительные боги, какъ и римскіе, хотя иные изъ нихъ, быть можетъ, и менѣе могущественны. Каждый народъ по праву имѣетъ своихъ національныхъ боговъ—защитниковъ и свой національный культъ. И Римъ, по политеистическимъ воззрѣніямъ и политическимъ соображеніямъ, съ уваженіемъ относился къ чужимъ національнымъ богамъ. Для объясненія этого факта нѣтъ нужды прибѣгать ни къ мнимому „полному равнодушію“, ни къ „религіозному безразличію“, ни къ вѣротерпимости, ни къ „мертвому характеру религіи“. *Въ сущности политеизма—ключъ къ пониманію междурелигіозныхъ отношеній Рима.* Включая въ свой государственный организмъ сосѣдніе союзные города, а затѣмъ и народы, Римъ включалъ въ свой національный культъ и ихъ болѣе или менѣе сильныхъ боговъ. Сенатъ, по совѣщаніи съ коллегіей понтификовъ, устанавливалъ церемоніаль вновь принятыхъ боговъ, сообщалъ имъ римскія національныя черты, такъ сказать, дарилъ имъ право гражданства въ римскомъ Пантеонѣ, чтобы на будущее время имѣть въ нихъ покровителей римскаго народа. Даже боги враговъ не были лишаемы благоговѣйнаго римскаго почитанія. Къ этимъ *divi, quorum est potestas nostrorum hostium*, обращались съ молитвами о помощи противъ ихъ же народа. Во время войны, при осадѣ города, обращались съ молитвеннымъ вызовомъ къ богамъ, защитникамъ города, чтобы они оставили этотъ городъ и народъ, его *loca, templa, sacra*, и перешли бы въ Римъ, чтобы имъ пріятнѣе были *loca templa, sacra* римскаго народа; въ случаѣ, какъ каза-

лось, согласія и помощи боговъ противъ ихъ же народа, обѣщали построить имъ въ Римѣ храмы, установить игры. Эта *evocatio* боговъ, только и возможная при наивномъ, дѣтски ограниченномъ міросозерцаніи, въ древнѣйшій періодъ Рима была, по видимому, очень употребительна; существовала даже особая формула *evocationis* (Morquardt, t. 6, pag. 21). Добрый благочестивый римлянинъ стараго времени полагалъ, что Римъ одолженъ своимъ всемірнымъ владычествомъ не только вѣрности своимъ староотеческимъ богамъ, но и тѣмъ добрымъ отношеніямъ, въ какія онъ ставилъ себя къ національнымъ богамъ всѣхъ народовъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ увеличенія римскаго государства, путемъ союзовъ и завоеваній, все расширялся цыклъ римскихъ боговъ и осложнялся римскій культъ. Саса завоеванныхъ народовъ, по опредѣленіямъ сената, становилась саса *populi Romani*. Правда, культъ чужихъ, но принятыхъ въ національный культъ римскій, боговъ не сразу уравнивался съ культомъ староотеческихъ боговъ; различали боговъ *patrii*, *indigetes* отъ боговъ *povensides*, *regrini*, и послѣднимъ на первыхъ порахъ устроили святилища внѣ *romoerium* (внѣ городской черты); но постепенно грань между тѣми и другими сглаживалась. Такая религіозная политика Рима понятна. Политеизмъ исключительности религіозной не знаетъ; и римлянинъ, почитая однихъ изъ національныхъ или национализированныхъ боговъ, тѣмъ самымъ не отказывалъ въ почитаніи другимъ. Боги язычества ревнивы не были и мирно уживались въ Пантеонѣ. Выработалось представленіе, что боги, принятые въ культъ римскій, это тѣ-же римскіе боги, только подъ другими именами, чтимые у своего народа другимъ національнымъ культомъ. Постепенно Зевсъ и Аммонъ отождествлены были съ Юпитеромъ, Юнона съ Изидой, Астарта съ Венерой и т. д. И римлянинъ спокойно молился въ Египтѣ Юпитеру Аммону, какъ сиріецъ въ Римѣ—Цибелѣ Доброй богинѣ (*Bona Dea*). Впрочемъ, опредѣляя и узаконяя культъ новыхъ боговъ, принятыхъ и при-

соединенныхъ къ богамъ отеческимъ, Римъ не относился враждебно къ національнымъ культамъ, къ богамъ, еще не принятымъ законно въ римскій культъ, къ культамъ народовъ, еще непоглощенныхъ окончательно всепоглощающимъ организмомъ Рима, и даже независимыхъ отъ Рима. Римъ уважалъ и такіе культы, какъ національные, и читателямъ такихъ боговъ, все-таки настоящихъ національныхъ боговъ, была предоставлена свобода культа, во всемъ государствѣ и въ самомъ Римѣ. „Изъ тысячи націй собираются въ городъ (Римъ) и почитаютъ отеческихъ боговъ по своимъ отечественнымъ уставамъ—*τοὺς πατρίους θεοὺς τοῖς οἰκόμεν νόμιμοις* (Діонисій Галикарн.). Но прозелитизмъ такихъ неузаконенныхъ пока римскою государственною властью культовъ не былъ разрѣшенъ. И римскимъ гражданамъ участіе въ такихъ культахъ, принятіе ихъ вмѣсто отеческихъ, государственныхъ, было воспрещено. Это характерное различіе въ дѣлахъ культа и разумѣть Цицеронъ, когда говоритъ, что никто не долженъ имѣть своихъ особыхъ боговъ; никто не долженъ почитать новыхъ или чуждыхъ боговъ, кромѣ признанныхъ закономъ государственнымъ (*separatim nemo habessit deos, neve novos, sed nec advenas, nisi publice adscitos. Cic. De legibus, 11, 8*).

Къ концу Республики римскій Пантеонъ переполнился богами союзными, вызванными, завоеванными. Культы различныхъ божествъ сливались между собою, объединяясь въ государственномъ культѣ римскомъ. Поэтъ Овидій съ гордостью говоритъ: Римъ—мѣсто, достойное того, чтобы тамъ былъ всякій богъ (*Dignus Roma locus quo deus omnis est*). И Римъ имѣлъ то, чего былъ „достойнъ“. По выраженію христіанскаго писателя Арнобія, Римъ сталъ государствомъ, поклоняющимся всѣмъ божествамъ (*Civitas omnium numinum cultrix*). Но, принимая въ свой національный культъ новыхъ боговъ, посредствомъ установленія церемоніала ихъ культовъ придавая имъ религіозно-національный римскій обликъ, римское государство не націонализовало, въ смыслѣ римскомъ,

эти культы, а, напротивъ, содѣйствовало денаціонализаціи своего староотеческаго культа, охрана и выполненіе котораго (*more patrio*) было кореннымъ закономъ религіозно - государственной политики Рима. Денаціонализованная религія города Рима, какъ ее въ теченіе вѣковъ сложило государство, стала религіей міра (римскаго, не *urbis Romae*, а *orbis Romani*). Но, какъ по мѣрѣ усиленія политическаго могущества Рима, расширенія его владѣній, накопленія богатствъ, ознакомленія съ восточною роскошью и изнѣженностью, римское гражданство теряло свои староримскія добродѣтели, величавое достоинство, простоту и строгость нравовъ, неподкупную честность, ревность ко благу отечества,—такъ и въ дѣлѣ религіи: по мѣрѣ обогащенія новыми, особенно восточными, культами *религии* государства римскаго, извращалась и ослабѣвала *религіозность* въ обществѣ римскомъ. Законъ о строгой охранѣ староотеческаго культа стоялъ по прежнему; церемоніаль культа въ случаяхъ, установленныхъ закономъ, соблюдался по прежнему. Но древне-римскаго староотеческаго духа религіознаго уже не было. Фактъ, извѣстный въ исторіи римской культуры послѣдняго времени республики. Процессъ духовнаго развитія римскаго „общества“ (т. е. высшаго), совершавшійся подъ вліяніемъ греческихъ риторовъ и софистовъ, принялъ скептическое и прямо безвѣрное направленіе. Люди просвѣщенные въ боговъ не вѣрили, и чѣмъ болѣе было собрано боговъ на Олимпѣ, тѣмъ язвительнѣе ихъ осмѣивали, говоря, что скоро не хватитъ на всѣхъ небожителей нектара и амброзіи. Церемоніаль культа, въ старое время имѣвшій такое важное значеніе, что отъ точнаго его исполненія ставился въ зависимость успѣхъ или неуспѣхъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ,—былъ пренебреженъ. Государственные магистраты, тѣ же просвѣщенные невѣры, продолжали, правда, ассистуемые понтификами и авгурами, съ важностію совершать въ необходимыхъ случаяхъ предписанные религіозные обряды, совершали жертвоприношенія, гадали по авспиціямъ о волѣ

боговъ,—но это была важность комическая; сами авгуры, по свидѣтельству современника римлянина, продѣлывая церемоніаль, не могли безъ смѣха взглянуть другъ другу въ глаза. Въ среднихъ, и особенно въ низшихъ, классахъ еще сильна была *pietas* къ богамъ, но они потеряли уже староримское религиозное чутьѣ. Если наверху хвастали скепсисомъ и невѣріемъ, то внизу царило грубое уродливое суевѣріе. Изъ-за чужихъ культовъ, одобренныхъ и введенныхъ сенатомъ, замѣнившихъ древнепатріархальный культъ и слившихся съ нимъ, народъ уже не различалъ культовъ, неразрѣшенныхъ, постепенно пахлынувшихъ въ Римъ преимущественно съ востока, вообще обозванныхъ иноземными суевѣріями (*religio externa, superstitiones externae*). Народъ увлекался ими, потому что они льстили его суевѣрнымъ стремленіямъ. Онъ, и не въ низшихъ, а во всѣхъ, даже высшихъ, слояхъ, гдѣ грубое суевѣріе уживалось съ самымъ фривольнымъ невѣріемъ, становился жертвою наполнившей Римъ толпы религиозныхъ фантастовъ, ватцинаторовъ, астрологовъ, гоэтовъ, и просто шарлатановъ, авантюристовъ, прикрывавшихъ религіей корыстныя, грубыя цѣли... Религиозныя и національныя устои римскаго государства были поколеблены. Подъ блестящей, могущественной внѣшностью Римъ переживалъ тяжелый нравственный и политическій кризисъ.

Съ принцепатомъ (имперіей) началась государственная реакція въ пользу возстановленія силы староримскаго культа, оживленія религиозности. Былъ-ли самъ Августъ вѣрующій человекъ, это особый вопросъ. Вѣрнѣе, онъ только игралъ, но искусно, роль; играли роль и его преемники, и въ этомъ именно недостатокъ искренности и вѣры—слабая сторона ихъ религиозно-политическихъ усилій. Но Августъ видѣлъ въ религіи могущественное средство къ возвращенію староримской добродѣтели, къ оживленію и поднятію нравственной силы одряхлѣвшаго, разлагавшагося общества, къ скрѣпленію и усиленію самаго организма государственнаго. И онъ поста-

вилъ староримскую религію въ основу своего правленія, и постарался возратить ей утраченное ею значеніе. Въ своей частной и общественной жизни онъ старался быть вѣрнымъ исполнителемъ всѣхъ отеческихъ религіозныхъ обрядовъ, подавая этимъ внушительный примѣръ и другимъ, обновлялъ запущенные, полуразрушенные храмы, возобновлялъ оставленные, полузабытые обряды, церемоніи, праздники, обновлялъ жреческія коллегіи, въ жертвоприношеніяхъ и авспиціяхъ хотѣлъ быть вѣренъ самымъ мелкимъ подробностямъ древняго церемоніала,—словомъ, хотѣлъ возродить староримскій культъ во всей его древней цѣлости. Чтобы поднять значеніе культа и культомъ авторизовать свои государственно - религіозныя мѣропріятія, Августъ принялъ званіе члена всѣхъ высшихъ жреческихъ коллегій и другихъ религіозныхъ корпорацій, и наконецъ за 12 лѣтъ до Р. Христова онъ сдѣлался, по торжественному избранію народа, Верховнымъ Первосвященникомъ (Pontifex Maximus). Такимъ образомъ онъ сталъ во главѣ римской религіи, какъ охранитель неприкосновенности національной религіи, блюститель точнаго выполненія церемоній культа не въ обществѣ только, но даже и въ частной жизни. Само собою разумѣется, онъ долженъ былъ стѣснить вторгавшіеся въ римскую религію культы недозволенные, „суевѣрія иностранныя и новыя“, ограничить свободу дѣйствій толпы математиковъ, халдеевъ, ватипинаторовъ и проч., морочившихъ народъ: одною изъ первыхъ мѣръ его, какъ Pontifex Maximus, было уничтоженіе сборниковъ ватипиній, которыя смущали народъ въ то тяжелое время. Не религія, конечно, сама по себѣ интересовала Августа, но она была въ рукахъ его, какъ принцепса государства и Верховнаго Первосвященника, сильнымъ орудіемъ его государственной политики. Діонъ Кассій влагаетъ въ уста Мецената словъ Августу, въ которомъ хорошо выражены мотивы, смыслъ и цѣль религіозной политики Августа, вообще государства того времени: „всячески почитай боговъ по староотеческимъ законамъ, и при-

нуждай другихъ такъ почитать ихъ. Тѣхъ же, кто вводитъ въ этотъ дѣлъ что-нибудь чуждое, ненавидь и наказывай, не ради боговъ только,—поелику кто презираетъ боговъ, для того нѣтъ уже ничего священнаго,—но потому, что такіе съ новыми божествами вводятъ и чуждые законы. Отсюда—заговоры, тайныя общества, вредныя для монархіи. Никому не позволяй ни быть *безбожникомъ* (*ἄθεος εἶναι*, т. е. отрицать римскихъ боговъ), ни заниматься волшебствомъ“. Въ государственной дѣятельности Августа мы не видимъ ни „свободнаго“, или „полнаго равнодушія“ къ религіямъ, ни между-религіознаго „безразличія“...

Въ то самое время, какъ божественный Обновитель міра, небесный Первосвященникъ и Царь, вступалъ въ міръ, принося ему познаніе Бога и жизнь, религію истинную,—припечень и Великій Понтифексъ Рима, Августъ, выдвинулъ подорванный староотеческій культъ римскій со всѣми его ресурсами, ища въ немъ обновленія вѣковаго народнаго организма римскаго. И спустя не очень много лѣтъ, искавшая своего національнаго самообновленія въ своей религіи Имперія должна была враждебно столкнуться съ религіей новой, зачавшей дѣйствительное обновленіе міра, но—*безбожной* (*ἄθεος*—обыкновенное ругательство на христіанъ), т. е. совершенно исключавшей староримскихъ боговъ и въ корни подрывавшей староримскую религію...

Августъ въ теченіе многолѣтней своей государственной дѣятельности задалъ основной религіозно-политическій тонъ народу и власти римской, который въ существенномъ выдерживали principes—императоры, его преемники въ теченіе цѣлыхъ трехъ вѣковъ. Уже Тиберій, у котораго религіозности искать нечего, чрезвычайно заботился о дѣлахъ религіозныхъ и о совершеніи культа со всѣми, до мелочей, древними церемоніями. Набожный Клавдій весь отдался древнему культу. Въ правленіе этого принцепса—Понтифекса издавъ былъ

сенатконсулътъ, повелѣвавшій понтификамъ, чтобы древніе обряды гаруспиціевъ ревностно были поддерживаемы и охраняемы, дабы древнѣйшая дисциплина Италіи, по нерадѣнію—и поелику берутъ перевѣсъ чужеземныя суевѣрія (*externae superstitiones*)—не вышла изъ обыкновенія (*ne vetustissima Italiae disciplina per desidiam exolesceret*). Даже Неронъ, открыто смѣявшійся надъ римскими богами, совѣтовался съ гаруспиціями, поддерживалъ древній культъ... Примѣръ Августа нашелъ себѣ вѣрныхъ подражателей въ цѣломъ рядѣ достойныхъ императоровъ, особенно 2-го вѣка. Чѣмъ серьезнѣе они были, чѣмъ болѣе они заботились объ укрѣпленіи государства и упроченіи его національныхъ основъ, тѣмъ болѣе заботились они о поддержаніи національнаго культа, о восстановленіи древнихъ религіозныхъ учреждений и обрядовъ.

Въ религіозномъ движеніи эпохи императоровъ мы должны отмѣтить еще особый религіозный моментъ, имѣвшій сказаться большимъ значеніемъ въ исторіи борьбы Рима съ христіанствомъ. Это—обоготвореніе императоровъ (*consecratio, ἱποθέσις*). Почва для этого давно была подготовлена, особенно вліяніями восточными. Апоѳеоза Юлія Цезаря, которому лѣтъ еще при жизни предлагала божескія почести, какъ настоящему богу, Юпитеру Юлію, провозглашена была послѣ его смерти; официально утвержденъ культъ новаго бога, установленъ ему праздникъ. Начало было сдѣлано, и Августу тоже при жизни предлагали божескія почести, но благо-разумный принцесъ отклонялъ это въ Римѣ, вообще впроемъ не настолькоъ прямо и рѣшительно, чтобы не дать возможности установиться культу живаго императора по мѣстамъ, въ Италіи и провинціяхъ. По смерти Августа, сенатъ официально декретомъ призналъ новаго бога, а затѣмъ апоѳеоза Августа была отпразднована съ торжественными религіозными церемоніями, ставшими образцомъ для новыхъ апоѳеозовъ. Божественному Августу посвященъ былъ храмъ на

Палатинъ (*templum divi Augusti*); въ честь его установлены годовичные праздники; учреждена была коллегія жрецовъ (*sodales augustales*), которая должна была блюсти культъ Юліева рода. Послѣ обоготворенія слѣдующихъ императоровъ учреждались для культа ихъ родовъ новыя коллегіи (для рода Веспасіана—*gens Flavia*, *sodales Flaviales* и т. д.). Въ самомъ Римѣ относились съ равнодушіемъ невѣрія и съ ироніей къ апоэозѣ императоровъ, хотя такіе боги—императоры, какъ Калигула и Домиціанъ, требовали себѣ настоящаго божескаго поклоненія. Люди просвѣщенные, все-таки какъ вѣрные римляне, поклонялись генію императора, курили благовонія предъ его бюстомъ, поставленнымъ среди статуй боговъ. Но народъ простой, но солдаты, но жители провинцій, особенно восточныхъ, съ увлеченіемъ приняли новый культъ боговъ—императоровъ, и онъ быстро распространился по всей имперіи. Римъ обоготворилъ самъ себя въ своихъ императорахъ, выразителяхъ его міровой власти и могущества. Еще при жизни императоровъ начали устроить имъ храмы, назначали для ихъ культа жрецовъ, стали ставить статуи ихъ въ храмахъ и въ домахъ частныхъ лицъ между статуями боговъ; въ оффиціальной присягѣ между Юпитеромъ и богами пенатами стояли имена умершихъ императоровъ, какъ *divi*, и *genius* живаго императора. Понятно, что культъ императоровъ занялъ теперь самое видное мѣсто въ общемъ національно-государственномъ культѣ римскомъ. Клясться геніемъ императора, курить благовонія предъ его бюстомъ было чуть ли не болѣе важною обязанностью, чѣмъ жертвы старымъ богамъ. Это былъ религіозный и гражданскій непремѣнный долгъ каждаго гражданина, каждаго подданнаго Рима, каждаго, кто былъ *homo romanis legibus vivens* (*Acta disput. S. Achatii Ruinart. Acta Martyr. p. 199. Edit. Ratisb.*). Отказъ отъ этой неизбежной церемоніи былъ въ одно и то же время преступленіемъ и противъ религіи, и противъ императора, и противъ народа рим-

скаго: *crimen laesae Maiestatis* и *crimen laesae publicae Religionis* совпадали ¹⁾).

Такъ сложилось національно - религиозно - политическое теченіе жизни Римскаго государства въ эпоху первыхъ римскихъ принцевовъ—Императоровъ, когда навстрѣчу ему направились духовное теченіе силы новой—христіанства.

Sub umbraculo licitae judaeorum religionis, по выраженію Тертуліана, христіанство вошло въ міръ и развивалось на первыхъ порахъ. Іудейская нація, какъ и всѣ другія націи, вошедшія въ составъ римскаго государства, пользовалась свободой своего національнаго культа (была *religio licita*). Римъ, по политеистическому своему привципу, считая національныхъ боговъ различныхъ народовъ одинаково истинными, и, хотя не въ равной мѣрѣ (смотря по силѣ націй), сильными богами, и іудейскаго Бога считалъ дѣйствительнымъ національнымъ богомъ, и даже богомъ сильнымъ. Не съ „высокомѣрнымъ презрѣніемъ“ относилась римская государственная власть къ іудейскому богу и къ его культу: самъ Августъ послалъ дары въ храмъ іерусалимскій. Римъ не затруднился бы и національный культъ этого народа, находившагося „въ разсѣяніи“ по всему государству римскому и составлявшего замѣтную часть населенія важнѣйшихъ центровъ государства, принять въ составъ римскаго культа и опредѣленіемъ сената установить церемоніаль этого новаго культа, *sacra Judaeorum* сдѣлать *sacra populi Romani*, учредить *collegium* для совершенія обрядовъ культа. Но Іегова іудейскій есть „Богъ ревнитель“, исключаящій всѣхъ другихъ боговъ, какъ ложныхъ. И іудей ревнито охранялъ славу своего Единого истиннаго Бога; точнымъ соблюденіемъ обряда оберегалъ свой

¹⁾ Для характеристики римской религіи къ концу республики и при первыхъ императорахъ смотр. Буассье: Римская религія отъ Августа до Антониновъ и Marquardt. В. 6.

культъ отъ смѣшенія съ культомъ языческимъ. Религіозная исключительность только укрѣпляла исключительность національную. Іудей съ презрѣніемъ и ненавистью относился къ поработителямъ своего народа, „кляняющимся истуканамъ“. Вездѣ онъ ограждалъ себя стѣною своихъ обрядовъ отъ смѣшенія съ языческими,—въ самомъ Римѣ держался особнякомъ,—хотя, понятно, чѣмъ было далѣе отъ центра—Палестины, тѣмъ въ менѣе рѣзкихъ формахъ проявлялась эта исключительность. Естественно, и римляне въ свою очередь стали ненавидѣть и презирать этотъ народъ, отрицавшій великихъ боговъ великой націи. Въ толпѣ, въ обществѣ, даже въ литературѣ подвергались ѣдкому осмѣянію національныя черты и обычаи іудейства; на счетъ культа и самого Бога стали распускать всякій вздоръ, въ родѣ выдумки о поклоненіи іудеевъ оливною головою, чтобы представить гордую, замыкающуюся въ себѣ націю въ смѣшномъ и нелѣпномъ видѣ. Понятно, что религіи іудейскаго народа, дѣйствительности бога котораго римляне все-таки не отрицали, рѣшительно воспрещенъ былъ прозелитизмъ среди римскихъ гражданъ, какъ культу, прямо исключающему обязательный для гражданъ государственный культъ Рима. Обмѣна богами и сліянія ихъ, какъ въ культахъ политеистическихъ здѣсь, не могло быть. И можетъ быть ни къ одной національной (непринятой официально въ составъ римскаго культа) религіи не были такъ строго, послѣдовательно и настойчиво примѣняемы мѣры охраны государственнаго культа, какъ къ іудейству, прозелитизмъ котораго съ его ненавистными Риму религіозными обрядами подлежалъ уголовной карѣ. Дозволенное въ границахъ своей національности, для Рима іудейство было атеизмъ (отрицаніе государственныхъ боговъ), *judaicus ritus* былъ *superstitio externa*, *externae ceremoniae*. Нація, въ своей исключительности чуждавшаяся всѣхъ и чуждая всѣмъ, общеніе съ необрѣзанными считавшая для себя оскверненіемъ, іудейство общимъ говоромъ народа римскаго обвиняемо было въ

отвращеніи и ненависти къ роду человѣческому (*odium generis humani*) и въ свою очередь было ненавидимо и презираемо римскимъ человѣчествомъ.

Подъ такимъ неблагопріятнымъ *Umbraculo* христіанство должно было открыть свою великую миссію въ грекоримскомъ мірѣ.

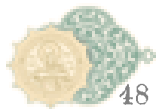
Рѣшительно праздный вопросъ: какъ отнеслась римская государственная власть къ христіанству въ первые годы его существованія? Просто никакъ! потому что она вовсе не знала тогда христіанства. Г. Кулаковскій и упомянутый уже нами юристъ согласно утверждаютъ, что римская власть знала христіанство при самомъ его появленіи, но затѣмъ расходятся по противоположнымъ крайностямъ. Юристъ, опираясь на сказаніи апокрифическомъ, строящемся на документахъ, если они когда-нибудь и существовали, безусловно положительныхъ, развиваетъ цѣлую теорію о благопріятномъ отношеніи римской власти къ христіанству: какъ Тиверій предлагалъ помѣстить Христа въ реестръ римскихъ боговъ, какъ, потерпѣвши съ своимъ предложеніемъ неудачу, справедливымъ нашелъ закономъ оградить христіанъ отъ преслѣдованій, конечно, въ Іудеѣ. Это—хотѣлъ включить іудея въ реестръ римскихъ боговъ Тиверій, жестоко преслѣдовавшій въ Римѣ іудеевъ, имѣвшихъ даже право римскаго гражданства (по поводу прозелитскихъ успѣховъ іудеевъ) и ревновавшій о староотеческомъ культѣ, и, по римскому политическому принципу, вовсе не имѣвшій основанія вмѣшиваться во внутреннія дѣла національной религіи! И все это—на основаніи сказки, которая давно выброшена изъ исторіи; и если еще и годилась въ свое время для Тертулліана, какъ адвокатско-апологетическій пріемъ, то совсѣмъ неумѣстна въ серьезномъ объективномъ изслѣдованіи. Исторія знаетъ, что къ году смерти Тиверія ученики Христа почти еще не выходили за стѣны Іерусалима; сами іудеи въ Іерусалимѣ еще не видѣли новаго общества, а только отдѣльныхъ проповѣдниковъ опасныхъ идей, къ

которымъ и самъ высшій трибуналь іудейскій не зналъ, какъ отнестись: отъ людей ли это дѣло или отъ Бога? возставаъ противъ него, какъ бы не оказаться и богоборцами (Дѣян. с. 38—40): самое имя христіанъ еще не было придумано и усвоено „ученикамъ“, „вѣрнымъ“, „спасающимся“. А Тиверій издаетъ въ пользу христіанства, которое самимъ іудеямъ еще неизвѣстно было, не говоримъ о римскихъ властяхъ въ Іудеѣ, какъ новое самостоятельное общество, по крайней мѣрѣ представлялось очень смутно,—покровительственный указъ... Г. Кулаковскій оставляетъ Тиверіа въ сторонѣ, хотя здѣсь на-шель-бы хорошее подтвержденіе своей теоріи о покровительствѣ римской власти христіанской пропагандѣ. Но для другаго пункта своей теоріи онъ хочетъ извлечь кое-что изъ исторіи императора Клавдія. Мы не намѣрены поддерживать сказаніе о рапнемъ посѣщеніи Рима ап. Петромъ и основаніи имъ въ этомъ городѣ церкви христіанской, мы считаемъ только несомнѣннымъ, что вѣсть о явленіи Мессіи—Христа очень рано принесена въ Римъ іудеями эллинистами, слушателями проповѣди апостольской въ Іерусалимѣ, и, конечно, должна была вызвать движеніе іудеевъ римскихъ; здѣсь начатокъ будущей церкви римской. Но, безъ сомнѣнія, не это религіозное броженіе *внутри* общины іудейской (сила и размѣръ его намъ вовсе неизвѣстны, но, конечно, не были пока велики) привлекло къ себѣ вниманіе власти римской при Клавдіѣ. Обстоятельства преслѣдованія іудеевъ Клавдіемъ, по осторожно-ученому замѣчанію Моммсена (Religionsfrevel... стр. 408), еще менѣе намъ извѣстны, чѣмъ преслѣдованіе ихъ немного раньше, при Тиверіѣ. Вызвавшее строгую мѣру Клавдія движеніе іудейское было, по всей вѣроятности, однимъ изъ тѣхъ внѣшне-общественныхъ (а не внутри самаго іудейскаго общества—религіозныхъ), затрогивавшихъ внѣшній римскій порядокъ и благоустройство, смятеній, которыми не разъ давалъ себѣ знать этотъ неспокойный элементъ въ государствѣ. Смуту общественную римскія власти связали (если

только это замѣчаніе Светонія не есть его личный домыселъ на основаніи послѣдующихъ событій іудейства) съ смутно представлявшимся имъ именемъ Христа, котораго онъ считали живымъ еще политическимъ агитаторомъ, какихъ немало появлялось около этого времени въ самой Іудеѣ. Г. Кулаковскій, по своей основной тенденціи, обрабатываетъ этотъ неясный для историка фактъ совершенно иначе. Безъ всякаго основанія и историческаго оправданія, онъ открываетъ, что „въ іудейской общинѣ Рима, куда еще задолго до прибытія ап. Павла проникло новое ученіе, вышли изъ-за этого препирательства, раздоры, возмущеніе“, — раздуваетъ эти препирательства въ крупное общественное явленіе большого города и привлекаетъ на него вниманіе государственной власти. „На этомъ именно моментѣ, говоритъ онъ, римская государственная власть была привлечена къ участию въ сужденіи о новомъ фактѣ міровой исторіи, и она проявила себя, какъ вышняя сила государственнаго порядка и общественнаго благоустройства“.

Эту свою любимую теорію объ отношеніи римской власти къ дѣламъ религіи г. Кулаковскій раскрываетъ подробнымъ анализомъ неправильно освѣщеннаго имъ факта: что изъ-за христіанства произошли волненія въ средѣ римскихъ іудеевъ, привлекшія вниманіе полиціи, что для римскаго правительства были совершенно безразличны раздоры и споры въ нѣдрахъ синагоги, оно и не вмѣшалось въ это частное ихъ дѣло; что о сущности самыхъ споровъ полиція не интересовалась узнать ничего точнѣе, но такъ какъ изъ-за этихъ споровъ страдало общественное благоустройство, то, по приказанію императора, принята была полицейская мѣра изгнанія этого безпокойнаго чужаго элемента изъ столицы (стр. 12—13). Это—свободная фантазія г. Кулаковскаго на весьма сухую тему Светонія Все дѣло въ томъ, что іудеи чѣмъ-то навлекли на себя неудовольствіе власти римской, вообще непріязненно относившейся къ іудейству; за-

тронуть былъ, конечно, общественный римскій порядокъ, чѣмъ и вызвана была соотвѣтствующая, обычная въ то время мѣра,—изгнаніе іудеевъ изъ Рима. Христіанство тутъ совершенно ни причесть. Оно также мало замѣнено въ дѣлѣ теперь, какъ и въ преслѣдованіи іудеевъ при Тиверіѣ. Изгнаніе іудеевъ изъ Рима при Тиверіѣ и Клавдіѣ—факты одной категоріи. Римская власть и при Клавдіѣ еще не знала христіанства, какъ и при Тиверіѣ, и не могла ни входить въ обсужденіе этого явленія, по своему желанію, ни не входить. Это—несомнѣнно. И лучшее подтвержденіе данному нами объясненію мы находимъ въ отношеніяхъ представителей римской государственной власти къ христіанству даже тамъ, гдѣ имъ прямо приходилось имѣть дѣло съ его представителями. Когда около времени изгнанія іудеевъ изъ Рима Клавдіемъ іудеи въ Коринѣ представили на судъ проконсула Галліона и обвиняли Павла, что онъ учитъ людей чтить Бога не по закону, т. е., конечно, іудейскому, то Галліонъ счелъ это внутреннимъ фактомъ національнаго іудейскаго богословія, и отказался войти въ разсмотрѣніе того, что къ нему не относилось; даже о крупномъ безпорядкѣ, учиненномъ по этому поводу іудеями предъ самымъ трибуналомъ, „Галліонъ нимало не беспокоился“ (Дѣян. 18, 14—17). Когда, спустя уже почти четверть вѣка отъ основанія Церкви, въ области самаго происхожденія христіанства, римскія власти, на глазахъ которыхъ протекла эта четверть-вѣковая жизнь Церкви, привлечены были іудействомъ къ сужденію о христіанствѣ,—онѣ не пошли дальше Галліона въ Коринѣ. Закончился, съ окончаніемъ свободной проповѣднической дѣятельности ап. Павла, цѣлый періодъ исторіи Церкви, полный событій, церковь живетъ уже, какъ самостоятельное, организованное общество съ іерархіей во главѣ, а Лисій нашель только, что Павла, изъ-за котораго произошелъ настоящій бунтъ въ Іерусалимѣ (вѣроятно, нѣсколько большій, чѣмъ предполагаемое г. Кулаковскимъ „возмущеніе изъ-за новаго

ученія въ іудейской общинѣ Рима“), іудеи „обвиняють въ спорныхъ мнѣніяхъ, касающихся закона ихъ, но что нѣтъ въ немъ никакой вины, достойной смерти или оковъ“ (Дѣян. 23, 29). Даже правитель Іудеи Фестъ, благодаря продолжительной судебной волокитѣ, начавшейся еще при его предшественникѣ, вынужденный внимательнѣе войти въ дѣло, и, благодаря рѣчамъ Павла и его противниковъ, имѣя желаніе и возможность понять сущность дѣла, все-таки видитъ одно: „іудеи имѣютъ *нѣкоторые* споры съ Павломъ объ ихъ богопочитаніи и о какомъ-то Іисусѣ умершемъ, о которомъ Павелъ утверждаетъ, что онъ живъ“. Фестъ, и послѣ тщательнаго разсмотрѣнія дѣла, затрудняется даже, что и писать о человѣкѣ, апеллировавшемъ къ Кесарю, такъ какъ ничего вѣрнаго объ немъ написать не имѣетъ (Дѣян. 25, 19. 26). Вотъ какъ ясно представлялся „новый фактъ міровой исторіи“ представителямъ римской власти въ самой Іудеѣ, дѣйствительно „привлеченнымъ къ участию въ сужденіи“ объ этомъ фактѣ. „*Нѣкоторые* споры іудеевъ объ ихъ богопочитаніи“—и больше ничего,—такъ могъ сообщить Фестъ Нерону о Павлѣ; не больше могли бы сообщить его предмѣстники Клавдію (если бы сообщали—чего не было). И вся тирада г. Кулаковского о привлеченіи римской государственной власти въ самомъ Римѣ, при Клавдіѣ, „къ участию въ сужденіи о новомъ фактѣ міровой исторіи“, закончившемся полицейской расправой, есть *нѣкоторая* неудачная выдумка г. Кулаковского—и больше ничего... Повторяемъ: Римская государственная власть доселѣ ничего не знаетъ о христіанствѣ, какъ христіанствѣ, какъ религіи новой („новомъ фактѣ міровой исторіи“); она видитъ только нѣкоторые незначительные споры внутри самаго іудейства о богопочитаніи, и ея мѣропріятія, по этому поводу, сообразны съ законнымъ положеніемъ іудейства въ имперіи, такъ и должны быть поставлены на счетъ только іудейства, хотя, понятно, на судьбу христіанства все это, *мимо сознанія Рима*, имѣло немалое, такъ и отмѣчаемое христіанскою ис-

Все дѣло въ томъ, что само іудейство довольно долго считало христіанское движеніе совершенно внутреннимъ фактомъ своей религіозно-національной жизни, къ мѣропріятіямъ по поводу котораго оно неохотно привлекало римскую власть. „Мы имѣемъ законъ, и по закону нашему онъ долженъ умереть“,—вотъ религіозно-національно-правовой принципъ, представленный іудеями предъ Пилатомъ. Этотъ принципъ въ теченіе немалаго времени іудеи выдерживали и въ борьбѣ съ апостолами, не вынося дѣла за стѣны Синедріона. Но когда христіанство, прорвавши національныя границы іудейства, вышло въ міръ языческій, іудеи постарались привлечь къ дѣлу уже и римскую власть. Они направили теперь усиліе къ тому, чтобы снять съ христіанства *umbraculum iudeitatis*, и выставить его, какъ силу опасную для Рима. Къ обвиненіямъ въ нарушеніи закона іудейскаго, какъ оказывалось, не привлекаяшимъ вниманія римскихъ властей, они присоединили новое: „это—всесвѣтные возмутители; они поступаютъ противъ повелѣній Кесаря, почитая другого Царемъ Иисуса“ (Дѣян. 17, 6—7). „Павель—язва общества, возбудитель мятежа между іудеями, живущими по вселенной“ (Дѣян. 24, 5). И накопецъ этихъ опасныхъ людей прямо выдѣляютъ изъ іудейства, и отдѣляютъ, какъ новое самостоятельное общество—„Назорейскую ересь“ (тамъ же). Но обвиняемые были налицо. И римская власть, по разслѣдованіи дѣла, не находившая непосредственнаго фактическаго подтвержденія тяжкихъ обвиненій, продолжала видѣть одно: „нѣкоторые споры объ ихъ богопочтаніи“... Представители римской власти пока не предчувствовали, что, спустя немного, это обвиненіе выступитъ съ новою ужасающею силою, и окажется въ рукахъ той же власти тяжелымъ, кровавымъ гнетомъ, который будетъ давить христіанство въ теченіе 2½ вѣковъ. Но языческое общество было въ это уже время болѣе чувствительнымъ и точнымъ, чѣмъ представители римской власти, показателемъ значенія дѣла христіанства. При первой же встрѣчѣ пропо-

вѣдниковъ евангелія съ невостоchnымъ обществомъ, незамедлилъ заявиться противъ новаго ученія протестъ *во имя Рима*. „Эти люди, будучи іудеями, возмущаютъ нашъ городъ и проповѣдуютъ обычаи, которыхъ намъ, римлянамъ, не слѣдуетъ ни принимать, ни исполнять“ (Дѣян. 16, 20, 21), объявили властямъ представители общества филиппійскаго. Этотъ Павелъ не только въ Ефесѣ, но почти во всей Асїи, своими убѣжденіями совратилъ немалое число людей, говоря, что дѣлаемые руками человѣческими не суть боги (Дѣян. 19, 26),—возбуждалъ Ефесянъ Димитрій, и произвелъ въ городѣ страшное возмущеніе противъ проповѣдниковъ. Эти два случая показали, изъ какой языческой среды долженъ былъ начаться протестъ, имѣвшій стать кровавымъ, противъ христіанства, какъ религіи новой: выступило *общество* языческое въ защиту боговъ, нравовъ, обычаевъ римскихъ,—во имя религіозно-національныхъ интересовъ Рима. Сюда-то и направили іудеи, особенно асїйскіе, свою злую интригу противъ „ереси назорейской“, мало успѣшную пока предъ римскими властями. Они употребили всѣ усилія, чтобы внушить обществу языческому, все же считавшему проповѣдниковъ новыхъ идей іудеями (выше—въ Филиппахъ), что эта „ересь“, выброшенная изъ іудейства, не имѣетъ ничего съ нимъ общаго. О характерѣ этого новаго общества, отъ котораго они отрекались, о его нравахъ, обычаяхъ, религіозныхъ церемоніяхъ, вѣрованіяхъ, о личной нравственности его членовъ, іудеи распускали самыя низкія клеветы, грубыя и грязныя сплетни, вещи самыя постыдныя, чтобы даже имя христіанинъ сдѣлать позорнымъ и срамнымъ (1 Петр. 4, 16). Церковные писатели ранняго времени, въ пору самаго широкаго распространенія нелѣпныхъ сказокъ о христіанствѣ, прямо указываютъ въ іудеяхъ главныхъ виновниковъ нелѣпныхъ слуховъ на счетъ христіанъ¹⁾.

¹⁾ Иустинъ: „іудеи послали во всю землю агентовъ, и чрезъ нихъ посредство вездѣ оповѣстили, что возникла новая секта, которая проповѣдуетъ атеизмъ и разрушаетъ всѣ законы.. Всѣ клеветы, какія распространяютъ на христіанъ

Таково было внѣшнее положеніе и отношенія христіанства въ то время, когда Павелъ, прервавши дѣятельность на Востокѣ, шелъ въ Римъ, и съ нимъ должно было изъ-подъ umbrasclo іудейства выступить на мировую римскую сцену само христіанство. Приближалось кровавое зрѣлище, устроенное чудовищнымъ актеромъ—Нерономъ.

Оффиціальныи Римъ въ это время еще не имѣлъ представленія о христіанствѣ. А такой оффиціальныи докладъ, какой—мы видѣли—имѣлъ послать Фестъ о Павлѣ, давалъ не много. Въ обществѣ ходили смутныя, дикіе слухи, заносимыя съ Востока. Само іудейство римское, по видимому, не было въ курсѣ того, что совершалось на Востокѣ. Представители его прямо говорятъ Павлу, что они ни писемъ не получали объ немъ изъ Іудеи, ни изъ приходящихъ братьевъ никто не извѣстилъ объ немъ, и не сказалъ чего-либо худого (Дѣян. 28, 21). И они интересуются услышать отъ него что-нибудь определенное объ этомъ ученіи, о которомъ вездѣ спорятъ (ст. 22). По видимому, христіанская община Рима, члены которой знали (можетъ быть и не лично) Павла, ждала его и вышли далеко ему на встрѣчу, была мало замѣтна для тамошняго іудейства; можетъ быть и состояла она, мы склонны думать (смотри. Посланіе Павла къ Римл., особенно 11, 17: ты, дикая маслина, привился на мѣсто ихъ, и далѣе), по преимуществу изъ необрѣзанныхъ, и съ іудействомъ римскимъ не имѣла соприкосновенія.

Вмѣстѣ съ Павломъ центръ жизни христіанства на время передвигается въ Римъ. Здѣсь отношенія осложняются и обостряются. Событія слѣдуютъ ускореннымъ ходомъ. Кри-

изнающіе ихъ, идуть отъ эгихъ, распространенныхъ во всемъ мірѣ іудеями“. Тертуллианъ: „іудеи—первые авторы дурныхъ представлений, какія имѣютъ о нашей религіи язычники“. Оригенъ: „какъ только явилось христіанство, іудеи стали распространять о членахъ его ложныя слухи, чтобы сдѣлать его ненавистнымъ всему міру. И въ этомъ они такъ успѣли, что эти ложныя впечатлѣнія не изгладились и теперь, спустя два столѣтія“.

вись, имѣющій измѣнить отношенія, быстро приближается. Около - четырехлѣтняя (до пожара) дѣятельность Павла въ Римѣ вызвала этотъ кризисъ. „Узникъ Иисуса Христа (Филим. 1, 1. 9. 23), не стыдившійся своихъ узъ, всегда „дерзновенный“, далекий отъ унынія, началъ апостолъ въ Римѣ проповѣдь евангельскую. Его обстоятельства послужили только къ большому успѣху евангелія. Ободренные имъ римскіе христіане начали смѣло и безбоязненно проповѣдь слова Божія,—такъ характеризуетъ свое дѣло въ Римѣ самъ Павелъ (Филипп. 1, 12. 14). Г. Кулаковскій, по видимому, подозреваетъ сильное дѣйствіе проповѣди Павла въ Римѣ, но центръ тяжести дѣла видитъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Для него сфера дѣятельности Павла въ Римѣ—іудейская община. Здѣсь онъ ищетъ ключа для разгадки слѣдовавшей за пожаромъ катастрофы, и разгадываетъ, не задумываясь долго. „Опять, іудеи, картинно изображаетъ онъ свой вымыселъ, въ тревогѣ и волненіи по тому же вопросу о христіанствѣ въ ихъ средѣ. Безпорядками, происшедшими въ ту пору,—то было время, когда ап. Павелъ жилъ въ Римѣ,—воспользовался императоръ въ своихъ цѣляхъ“. Волненія въ іудействѣ и общественные безпорядки (неизвѣстно, откуда авторъ взялъ ихъ), какъ и при Клавдіи, полицейская расправа, своеобразно видоизмѣненная личнымъ вмѣшательствомъ, въ своихъ цѣляхъ, Нерона, простой произволъ верховной власти, простая случайность,—вотъ и все. „Не за вѣру привлекли къ отвѣтственности, не за вѣру осудили, не за вѣру казнили“. Но какъ же такъ случилось: безпорядки произошли отъ іудейской общины, а ударъ палъ на христіанъ? Отвѣтъ у г. Кулаковского простой: это намъ неизвѣстно; но самая возможность признать поджигателей въ христіанахъ была найдена“. Присмотримся-же мы ближе къ проповѣди Павла въ Римѣ и положенію дѣла христіанства, ею созданному. Не среди іудеевъ развилъ свою дѣятельность въ Римѣ Павелъ. Въ первые-же дни Іудеи отнесли къ его проповѣди несочувственно, и онъ объявилъ

имъ, что переносить Евангеліе къ язычникамъ (Дѣян. 28, 23—29). Въ средѣ языческаго населенія Рима проповѣдь Павла, который не съизнова начиналъ здѣсь дѣло, а, опираясь на существующую уже Церковь,—преданную ему, и присутствіемъ великаго апостола ободренную до „смѣлости и безбоязненности“,—поддержанъ былъ прибывшими вмѣстѣ съ нимъ ближайшими его учениками и вновь прибывавшими вѣрными съ Востока, получила скоро весьма широкую извѣстность во *всѣхъ*, самыхъ различныхъ, кругахъ Римскаго Общества: „узы мои о Христѣ сдѣлались извѣстными всей преторіи и всѣмъ прочимъ“ (Филипп. 1, 13). Вліяніе апостола проникло до дворца Неронова; и „въ домѣ кесаря“ онъ нашелъ вліятельныхъ и „наипаче“ ревностныхъ къ дѣлу христіанства послѣдователей (Филипп. 4, 22). Это было вызовомъ іудейству римскому на борьбу.—и борьба со стороны іудеевъ началась, или, точнѣе, продолжалась борьба, съ такимъ изступленіемъ начатая въ Іерусалимѣ, и съ такою ожесточенною настойчивостью въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ поддержанная предъ римскою властію въ Кесаріи. Іерусалимскіе враги Павла, уполномоченные іудейства, должны были поспѣшить за нимъ въ Римъ, чтобы и поддержать противъ него обвиненіе на судѣ кесаря,—иначе дѣло не разбиралось бы: *accusator ubi non est, ibi non est iudex*,—и отразить имѣвшее послѣдовать со стороны Павла, какъ они могли опасаться (Дѣян. 28, 19), обвиненіе на народъ іудейскій. Не въ общественныхъ безпорядкахъ, какъ совершенно неосновательно предполагаетъ г. Кулаковскій, выразилась эта борьба, а велась оружіемъ, которое мы уже охарактеризовали: интригой, тайнымъ, огражденнымъ клятвой, заговоромъ, сплетней, клеветой. Еще въ Іерусалимѣ и Кесаріи, какъ только дѣло Павла (и самъ онъ) перешло изъ рукъ Синедріона въ руки власти римской, враги Павла, вмѣсто возбужденія общественныхъ страстей, обратились къ этому оружію. Первосвященники, въ сопровожденіи адвоката, являютя къ Правителю Римскому съ клеветниче-

скимъ извѣтомъ, и въ то же время, съ вѣдома Первосвященниковъ и Синедріона, составляется заговоръ о тайномъ убійствѣ Павла... Съ этимъ оружіемъ явились враги Павла въ Римъ, и продолжали здѣсь предъ кесарскимъ трибуналомъ свою работу, не имѣвшую успѣха предъ трибуналомъ кесарійскимъ. Въ придворныхъ римскихъ сферахъ іудейство имѣло сильныхъ покровителей, во главѣ которыхъ стояла наложница Нерона Поппея (по замѣчанію Іосифа Флавія, *θεοσεβής*, т. е. прозелитка іудейства); и здѣсь оно, конечно, начало сильную агитацію противъ христіанства и Павла. Въ полумракѣ, какимъ прикрито для историка это придворное движеніе, выступаютъ и со стороны христіанства опредѣленныя личности, наложница Актея, кравчій Нерона, но и безъ нихъ характеръ и значеніе придворной интриги іудейской противъ христіанства понятны. Узникъ, пеллировавшій къ суду кесаря, получилъ отъ іудеевъ освѣщеніе, въ какомъ уже не разъ они представляли его римскимъ властямъ на Востокѣ. И хотя при первомъ разборѣ дѣла (при первой апологіи, 2 Тим. 4, 16) іудейскія обвиненія Павла въ мятежъ и проч. не подтвердились официально, но въ глазахъ представителей римской власти іудейство все таки успѣло наложить на Павла и на все дѣло христіанства особый колоритъ, какъ на секту (Назорейскую ересь), съ которою іудейство не имѣетъ ничего общаго,—вредную по распространяемымъ ею идеямъ, по ея стремленіямъ и цѣлямъ. Но еще шире шла антихристіанская работа іудейства среди общества римскаго, особенно въ низшихъ сферахъ народныхъ, гдѣ христіанство главнымъ образомъ нашло себѣ многочисленныхъ послѣдователей. Палестинскіе и малоазійскіе іудеи—враги Павла, прибывшіе въ Римъ, для участія въ процессѣ на судѣ кесаря, принесли всю накопившуюся противъ Павла ненависть, весь запасъ клеветы, сплетень, гнусныхъ выдумокъ, собранныхъ на востокѣ, и пустили въ ходъ среди римскаго населенія. Почва была воспріимчивая. Римъ переполненъ былъ восточными культами, которые имѣли здѣсь много приверженцевъ, но еще болѣе

враговъ. На счетъ этихъ культовъ составилось и ходило въ народѣ много слуховъ и сплетенъ, которыя не разъ подтверждались дѣйствительно гнусными и безнравственными фактами, навлекавшими на эти культы судъ и кару. Теперь въ христіанствѣ увидѣли одно изъ такихъ восточныхъ суевѣрій, отличное отъ іудейства, но въ одеждѣ іудейской (*ritus judaicus*); и, по подстрекательствамъ іудеевъ, всячески старавшихся провести грань между собой и христіанами, перенесли на него всѣ тѣ грубыя представленія и гнусныя обвиненія, которыя уже накопились противъ культовъ восточныхъ, съ прибавкой новыхъ, вымышленныхъ іудеями, или вызванныхъ жетолкованіемъ или непониманіемъ религіозно-обрядовыхъ дѣйствій христіанства. На христіанъ, какъ на фракцію іудейства, за свою гнусность, отвергнутую самими іудеями, перенесены были нѣкоторыя обвиненія съ іудейства, напр. боготвореніе головы осла (Тертулл. апол. гл. 16. Минуцій Феликсъ. „Октавій“ 1. 9.) и тяготѣвшее доселѣ надъ іудеями обвиненіе въ ненависти къ роду человѣческому (*odium generis humani*). Слѣдуетъ замѣтить, что христіанство и само по своей сущности могло вызвать ненависть къ себѣ въ извѣстныхъ сферахъ Рима. Его возвышенныя стремленія, его строгая нравственность, недоступная сдѣлкѣ съ порокомъ, вся его жизнь стояла въ рѣшительномъ и рѣзкомъ противорѣчій съ жизнью великаго города. Христіане были живымъ обличеніемъ порочнаго города, развратъ котораго дошелъ до крайнихъ границъ въ безпутныхъ оргіяхъ Нерона. Подъ впечатлѣніемъ римскихъ безпутствъ, пишетъ Павелъ Филиппійцамъ 2, 15: „среди строптивого и развращеннаго рода вы сіяете, какъ свѣтила въ мірѣ“. А свѣтъ рѣжетъ больные глаза. Вражда къ христіанамъ, чуждавшимся развратнаго міра, была еще болѣе усилена недоразумѣваніемъ ученія христіанскаго. Христіанскія представленія о концѣ міра, который имѣетъ быть истребленъ огнемъ (2 Петр. 3, 10—12), ожиданія втораго явленія Христа, у нѣкоторыхъ христіанъ переходившія въ плотскія хилиасти-

ческія представленія и нетерпѣливыя ожиданія скорого пришествія Христова для суда и казни этого рода развращеннаго, привели римлянъ къ обвиненію христіанъ въ желаніи погибели рода человѣческаго.

Итакъ за четыре года ¹⁾ энергической, „со всякимъ дерзновеніемъ“, дѣятельности Павла въ Римѣ, христіанство сдѣлалось явленіемъ весьма замѣтнымъ во всѣхъ сферахъ римскаго общества (во дворцѣ, въ преторіи и у *остѣхъ прочихъ*). Но и іудеи, въ теченіе всей дѣятельности Павла, а особенно въ его тянувшемся цѣлые годы процессѣ предъ римскими властями, показавшіе, на что они способны,—и въ эти послѣдніе четыре года не дремали. Благодаря имъ, на „новомъ восточномъ суетвѣріи съ іудейскимъ обрядомъ“, и само по себѣ выдвинувшемся весьма замѣтно, сосредоточено было враждебное вниманіе римскаго народа. Ненависть, возбуждаемая настойчиво распространяемыми слухами о постыдныхъ дѣлахъ и преступныхъ желаніяхъ и стремленіяхъ членовъ новаго общества, быстро возрастала. Къ лѣту 64 года дѣло назрѣло, и іюльскій пожаръ вызвалъ катастрофу. Г. Кулаковскій полагаетъ, что христіане пострадали на этотъ разъ по простой случайности, что случайно признали и уличили христіанъ въ поджигательствѣ и—казнили. Нѣтъ! не христіане случайно привлечены были для утоленія ярости народной, а, напротивъ, самый пожаръ былъ случаемъ, который произвелъ уже достаточно подготовленный, и потому неизбежный, взрывъ накопившейся въ народѣ ненависти къ таинственнымъ людямъ, quos ob flagitia invisos vulgus Christianos appellabat. Не будь случайно—пожара, взрывъ все раздуваемой ненависти можетъ быть нѣсколько отсрочился бы, до новой случайности—наводненія Тибра, засухи, эпидеміи,—какъ это не разъ бывало впослѣдствіи, но—*онъ послѣдовалъ-бы неизбежно*. Было ли это страш-

¹⁾ Мы не поддерживаемъ гипотезы о двухголичномъ только пребываніи Павла въ Римѣ (основывающейся на замѣчаніи дѣянагегія Луки), о новыхъ его апостольскихъ путешествіяхъ и вторыхъ узлахъ.

ное избіеніе христіанъ—за *вѣру*? Г. Кулаковскій отвѣчаетъ: нѣтъ! Мы говоримъ: да! Христіанъ хватали и казнили, какъ людей *ob flagitia invisos*; какъ людей, которые *haud perinde in crimine incendii, quam odio humani generis convicti sunt*. Мы знаемъ, что это за гнусныя и постыдныя дѣла. Это—умерщвление ребенка, яденіе человѣческаго мяса—крови, это гнусный развратъ подъ покровомъ ночи и т. д.,—все то, во что гнусная клевета и грубая сплетня превратила христіанскую Евхаристію, агану, обряды и все благоповеденіе христіанъ. А *odium*...? это возвышенныя христіанскія вѣрованія и стремленія, которыя выразилъ апостолъ: наше чаяніе на небесахъ, откуда и Христа славы ждемъ. Словомъ, не за пожаръ (не столько за пожаръ) казнили христіанъ, а за ихъ культъ, жизнь, идеи,—за ихъ вѣру. И притомъ, прямо исповѣданную. Казнили всѣхъ, говорить Тацитъ, *qui fatebantur*, признавались, конечно, не въ зажигательствѣ, а въ томъ, что они дѣйствительно тѣ, которымъ приписывается все это гнусное и ненавистное, т. е. въ виду опасности, безстрашно исповѣдывали свою вѣру христіанскую. Было ли безпристрастное разслѣдованіе дѣла? Хотѣли ли законнымъ процессомъ спокойно уяснить дѣло? Конечно, нѣтъ! Независимо отъ безпутнаго жестокаго произвола Нероновской власти, это было невозможно при крайнемъ возбужденіи народа, на дымящемся пепелищѣ города. Хватали всѣхъ, на кого указывала давно накипѣвшая ненависть, и *qui fatebantur*, не отрицали своей принадлежности къ христіанству,—чего было достаточно. Былъ ли изданъ въ это время Нерономъ противъ христіанъ формальный письменный указъ? Нѣкоторые древніе христіанскіе писатели говорятъ: да! Мы, согласно съ новыми, полагаемъ, какъ и г. Кулаковскій, что нѣтъ. При всемъ возбужденіи противъ людей, которыхъ простой народъ (*vulgus*) называлъ христіанами, яснаго представленія объ этомъ предметѣ общей ненависти въ Римѣ не имѣли. Видѣли какое-то чужеземное суетвѣріе: съ виду, по обычаямъ похоже на іудейство, но іудеи рѣшительно отъ него отрекаются; и ни къ какой другой на-

ціональності не можетъ быть привязано. Видѣли множество людей (*multitudo ingens*), приверженныхъ къ этому суевѣрію, надъ которыми тяготѣетъ обвиненіе во всякихъ гнусностяхъ, но не могли уловить, чтобы это сборище наполнившихъ Римъ людей разныхъ національностей представляло определенное организованное общество, можетъ быть по самому отсутствію въ тогдашней христіанской общинѣ Рима болѣе осязательныхъ на глазъ римлянина, прочно сложившихся формъ общественности; а можетъ быть и потому, что христіане въ тайнѣ держали свою организацію, и Римъ имѣлъ объ ней такое-же смутное представленіе, какъ и о христіанскомъ культѣ и вѣрованіяхъ. А безъ этого не было основанія для изданія спеціальнаго распоряженія противъ новаго общества. Да въ немъ и нужды не было. Противъ этого гнуснаго иноземнаго суевѣрія, какимъ представлялось тогда Риму христіанство, достаточно было коренныхъ органическихъ римскихъ законовъ, которые уже не разъ примѣнялись противъ недозволенныхъ культовъ и всяческихъ преступныхъ суевѣрій, на которые одинаково могло опереться и законное преслѣдованіе этого суевѣрія новаго, и дикое, безпутное, кровожадное *глумленіе* надъ нимъ. Было-ли это глумливое истребленіе христіанъ въ Римѣ въ собственномъ смыслѣ первымъ „Римскимъ“ гоненіемъ, то есть, во имя религиозныхъ, національных, государственныхъ интересовъ Рима, *proprio motu* возбужденное Римомъ, и сознательно веденное римскою властью государственною? Древніе христіанскіе апологеты отвѣчали: да. А открытіе собственно римскихъ гоненій на христіанъ такимъ извергомъ, какъ Неронъ, они выставляли, какъ лучшее доказательство незаконности, несправедливости гоненій. Мы, на основаніи всего вышеизложеннаго, позволяемъ себѣ на поставленный сейчасъ вопросъ отвѣтить: нѣтъ! Непримируемыми гонителями христіанъ во имя и для блага Рима были лучшіе римскіе императоры, а не худшіе. Но—*Quid Nerone rejus?* Избіеніе христіанъ Нерономъ было не—первое „Римское“ гоненіе, а—послѣднее

іудейское, но орудіемъ закона римскаго, рукою власти и народа римскаго. Безпутный во всѣхъ отношеніяхъ Неронъ, „привлеченный къ участию въ сужденіи о новомъ фактѣ міровой исторіи“, не способенъ былъ понять его значенія въ жизни великаго религіознаго политическаго тѣла римскаго; онъ видѣлъ въ христіанахъ только подходящія жертвы для успокоенія волненія народнаго. Vulgus-же въ безсознательной ненависти выдавалъ на казнь ob flagitia invisos, и шелъ смотрѣть эффектное зрѣлище казни челоуѣконенавистниковъ. Но іудеи хорошо знали, на *кого* и за *что* они направили сокрушительный ударъ такого тяжелаго орудія, какъ власть и народъ римскій. Нероновское избіеніе христіанъ было послѣднимъ, чудовищнымъ актомъ трагедіи, которая началась на ступеняхъ башни Антонія въ Іерусалимѣ, продолжалась въ Кесаріи, и кроваво закончилась на всемірной римской сценѣ. Въ первомъ всеобщемъ іудейскомъ гоненіи на христіанъ, разгромившемъ начальную церковь Іерусалимскую, палъ первый кровавый свидѣтель за Христа,—первомученикъ Стефанъ. Во второмъ и послѣднемъ великомъ іудейскомъ гоненіи, разгромившемъ рукою Нерона церковь Римскую, палъ во главѣ многочисленныхъ христіанъ тотъ всемірный свидѣтель и узникъ за Христа, который въ первое гоненіе, какъ излихареивный іудей, стерегъ одежды побивавшихъ Стефана и былъ крѣпкой опорой разъяреннаго, и никогда послѣ не простившаго ему измѣну отцовъ,—іудейства. Кто озираетъ широкимъ историческимъ взглядомъ великія событія жизни челоуѣчества, тотъ согласится съ нами. что роковое событіе, отмѣченное исторіей христіанства, и сейчасъ нами разсмотрѣнное, не было „простымъ произволомъ“ безумца, „простою случайностью“ (Кулак. стр. 15), подобной случайному проявленію неразумной стихійной силы—огня. Это былъ сложный историческій кризисъ, въ которомъ гнетъ на христіанство переходилъ изъ рукъ іудеевъ въ руки римлянъ; это былъ тяжкій симптомъ, давшій понять высвобож-

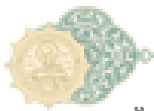
давшемуся изъ-подъ umbraculo іудейства и выступавшему на великую римскую сцену христіанству, на встрѣчу какой грозной опасности оно идетъ, и какія испытанія ему предстоятъ отъ новаго, вооруженнаго духовной и матеріальной силой, врага—государства (народа и власти) римскаго.

Тайнозритель Іоаннъ, современникъ и, можетъ быть, жертва—очевидецъ ужасовъ избіенія христіанъ Нерономъ, въ величественномъ апокалиптическомъ образѣ даетъ намъ понять, что и тогда христіанство видѣло въ этомъ избіеніи не случайную вспышку дикаго произвола, а начало тѣхъ преслѣдованій отъ звѣря (Римской Имперіи), въ которыхъ церковь должна была предпослать ко Христу немало свидѣтелей вѣрныхъ. „И когда Агнецъ снялъ пятую печать (Неронъ—пятый римскій цезарь), я увидѣлъ подъ жертвенникомъ души убіенныхъ за слово Божіе и за свидѣтельство, которое они имѣли. И возопили они громкимъ голосомъ, говоря: доколѣ, Владыко святой и истинный, не судишь и не мстишь живущимъ на землѣ за кровь нашу? И даны были каждому изъ нихъ одежды бѣлыя, и сказано было имъ, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники ихъ и братія ихъ, которые будутъ убиты, какъ и они, дополняютъ число“ (Открыв. св. Іоанна 6, 9—11).

Мы не будемъ долго останавливаться на отношеніи къ христіанству импер. Домиціана. Г. Кулаковскій полагаетъ, что „христіане и въ концѣ I вѣка пользовались въ Римѣ такой-же полной свободой, какъ и въ годы пребыванія тамъ ап. Павла при Неронѣ“. Но самъ же ослабляетъ значеніе этой мнимой свободы христіанства замѣчаніемъ, что послѣ разгрома Неронова „христіанская церковь умножилась и упрочилась въ Римѣ *омъ-стѣ и рядомъ* съ общиной іудейской“, что „римляне тогда смѣшивали эту невѣдомую религію съ іудействомъ“ (выходитъ, что это была свобода за счетъ іудейства, которое имѣло извѣстныя права на свободу религіозную). Мы не находимъ возмож-

нымъ принять сужденіе автора объ отношеніи между іудействомъ и христіанствомъ при Домиціанѣ въ такой рѣшительной формѣ послѣ того, что мы знаемъ о катастрофѣ при Неронѣ, показавшей весьма замѣтную грань между ними. Но, дѣйствительно, и теперь еще не представлялся ясно сознанію римлянъ характеръ и значеніе новой религіи: видѣли безбожныхъ людей, которые не были іудеи (не признавали себя іудеями), но жили по іудейскимъ обычаямъ (*qui improfessi iudaicam vixerent vitam*. Светоній). Въ интересѣ фиска, ради взысканія дидрахмы, ихъ готовы были насильно поставить въ связь съ іудеями. Но отсюда уже видно все ничтожество этой „полной свободы христіанъ“. Мнимая эта свобода кончилась, какъ только замѣтили и узнали христіанъ. Какъ въ гоненіи Нерона, такъ и здѣсь, г. Кулаковский пытается ослабить силу факта преслѣдованія его случайностью, исключительностью. „Преслѣдованіе Домиціана вызвано событіемъ, выходящимъ изъ ряда: совращеніемъ того семейства, въ которомъ росли и воспитывались наслѣдники римскаго престола; это было дѣло чрезвычайное, и мѣру оно вызвало чрезвычайную, выходящую изъ сферы обычнаго теченія жизни государственной; исключительныя условія этого событія (осужденія Климента) не даютъ никоимъ образомъ права утверждать, что христіанство, какъ такое, было осуждено и признано ученіемъ запрещеннымъ“. Выдерживая свою теорію „исключительности“, „чрезвычайности“, единичности факта осужденія Климента, г. Кулаковский намѣренно игнорируетъ вторую половину сообщенія Діона Кассія: „за безбожіе осуждены были и многіе другіе (ἄλλοι πολλοί), склонившіеся къ іудейскимъ обычаямъ“. Это „многіе другіе“ говоритъ намъ много. Оно напоминаетъ намъ Тацитово *multitudo ingens* въ исторіи Нерона, указываетъ на широкіе размѣры и общій характеръ преслѣдованій Домиціана, и во всякомъ разѣ разбиваетъ въ прахъ развитую г. Кулаковскимъ на цѣлой страницѣ теорію объ исключительномъ, чрезвычайномъ и т. д. событіи. Не даромъ нѣкоторые древнѣйшіе церковные писатели ставили рядомъ по силѣ и

жестокости гоненія Нерона и Домиціана. Вообще, въ трактатѣ о Домиціанѣ г. Кулаковскій рѣшительно выражаетъ воззрѣніе Аубе (въ упомянутомъ уже сочиненіи) о непреслѣдованіи христіанства, о широкой терпимости,—*de la plus large tolérance*,—при Домиціанѣ. Но почему же г. Кулаковскій не пошелъ за Аубе дальше, и не отвергъ также рѣшительно мученичества за Христа Климента и Домициллы? Было бы, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно. Признаемся, для насъ былъ неожиданностью такой скачекъ г. Кулаковского. Если „христіанство не признавалось при Домиціанѣ ученіемъ запрещеннымъ, подлежащимъ, какъ вѣрованіе, строгому взысканію“, то какимъ же образомъ „Клементъ пострадалъ за вѣру, за нее онъ пролилъ кровь свою“? А если уже г. Кулаковскій удостоилъ Климента мученическаго вѣнца, то почему же онъ—*первый* мученикъ за Христа? Почему г. Кулаковскій лишаетъ ореола мученическаго прежде Климента „убиенныхъ за слово Божіе и за свидѣтельство“? А если пострадавшіе при Неронѣ за *flagitia* и *odium*—не мученики за Христа, а „замученные по простой случайности“, то и Клементъ, казненный тогда, когда, по утверженію г. Кулаковского, христіанство, какъ вѣрованіе, не подлежало строгому взысканію, не палъ ли просто жертвою придворныхъ интригъ, въ которыхъ только случайно представленъ атеизмъ? и вовсе не есть мученикъ, да еще „первый“, за Христа? Не думаемъ, чтобы самъ г. Кулаковскій, взглянувши на дѣло безъ увлеченія своей тенденціей, призналъ логическую послѣдовательность и историческую вѣрность своей оцѣнки и частныхъ фактовъ, и общаго положенія дѣла христіанства въ періодъ Нерона-Домиціана. На вопросъ: былъ ли изданъ Домиціаномъ указъ противъ христіанъ, мы склонны повторить отвѣтъ, данный нами на тотъ же вопросъ въ исторіи Нерона. Если судить по приведеннымъ выше сообщеніямъ Светонія и Діона Кассія, то со времени Нерона до Домиціана въ Римѣ немного подвинулись въ ясности и опредѣленности представленія о христіанствѣ, какъ религіи самостоятельной—

новой. Законъ объ атеистахъ и о *crimen laesae Majestatis* былъ достаточенъ; а послѣдній въ спеціально Домиціановскомъ смыслѣ, какъ осужденіе за отказъ въ божескомъ поклоненіи ему, Домиціану, примѣнялся съ особенною энергіею далеко не къ однимъ христіанамъ. Что же касается празднаго вопроса: чтó было бы съ христіанствомъ, если бы еще пожилъ и поцарствовалъ Домиціанъ, то гадать объ этомъ и наобумъ увѣрять мы предоставляемъ г. Кулаковскому,—сами-же переходить изъ области историческихъ фактовъ въ область произвольныхъ гаданій—не намѣрены....

Итакъ, въ самомъ Римѣ, еще въ концѣ 1-го вѣка, и власть и народъ не имѣютъ вполнѣ точнаго представленія о христіанствѣ: видятъ и преслѣдуютъ гнусныхъ безбожниковъ, живущихъ впрочемъ по обычаю іудейскому. Это—отчасти и потому, что, послѣ мученической кончины ап. Павла и разгрома христіанства римскаго при Неронѣ, Римъ опять на значительное время пересталъ быть болѣе замѣтнымъ и характернымъ центромъ христіанства. Кипучій центръ жизни христіанской въ концѣ 1-го и въ началѣ 2-го в. былъ въ Сиріи, а особенно въ Асіи (Малой Азіи). Сюда (въ Асію) бѣжали вѣрующіе и изъ Рима отъ ужасовъ Нероновыхъ, сюда (въ Ефесъ) направился свидѣтель этихъ ужасовъ ап. Іоаннъ; здѣсь же стали сосредоточиваться христіане разгромленной Палестины. Здѣсь римская власть должна была впервые составить себѣ ясное, не затуманенное сплетнями и клеветами, определенное представленіе о „новомъ религіозно-общественномъ явленіи“ и установить нормально-правовое отношеніе къ нему. Становилось для народа и власти яснымъ, что эти, давно уже начавшіе смущать римскій народъ и власть загадочные люди составляютъ многочисленную, съ стройно организованными собраніями и культомъ, но непозволенную факцію (*factio illicita*); что это—суевѣріе совершенно новое, грубое, чрезмѣрное, гибельное (*superstitio nova, prava, immodica, exi-*

tiabilis), а между тѣмъ его приверженцы составляютъ чуть не цѣлую „націю“. Но это была нація темная, боящаяся свѣта (*natio latebrosa, licifugax*), не имѣющая ничего общаго со старыми законно существующими въ государствѣ націями и ихъ культами. Это былъ, какъ выражались язычники, третій родъ, *третій, новѣйшій* культъ (*tertium genus, tertius novissimus ritus*. У Тертуліана), отличный отъ іудейства съ одной стороны, и отъ всего, объединеннаго закономъ и культомъ римскимъ, множества націй и культовъ языческихъ—съ другой. Но христіанство на національных основахъ вовсе и не опиралось, и въ границы національныя не было заключено. Оно жило и усиливалось въ то время только прозелитизмомъ (Тертуліанъ: *non nascuntur, sed fiunt Christiani*),—на счетъ всѣхъ другихъ культовъ національных, на счетъ религіи государственной римской,—само не допуская въ ихъ пользу никакихъ сдѣлокъ и уступокъ. Это было отрицаніе самой сущности древняго міросозерцанія, подрывъ самыхъ національно-религіозныхъ основъ, на которыхъ опирался весь строй римской жизни общественной и государственной. Съ точки зрѣнія римскаго закона христіанское общество (*factio, κοινωνία*) не имѣло права существовать. Христіанство было преступно вдвойнѣ: оно вводило культъ новый, ненаціональный, исключительный, непозволенный, и разрушало культъ старый, государственный, увлекая къ себѣ его читателей. Храмы языческіе пустѣли. Праздники прекращались. Жертвы не приносились. „Равнодушно“, „безразлично“ къ этому отнестись нельзя было. Движеніе противъ христіанства въ народѣ, всегда болѣе чутко относящемуся къ охранѣ своего духовнаго достоинства, расло. Клеветы и сплетни не разсѣвались, не ослабѣвали, напротивъ—усиливались, получали болѣе густой колоритъ и распространенность; а это еще болѣе разжигало въ народѣ ненависть къ оскорбителямъ боговъ, разрушителямъ староотеческаго культа. Отказъ отъ жертвоприношеній не только предъ статуями боговъ, но и

предъ изображеніями императоровъ, давалъ дѣлу характеръ религіозно-политическій. Христіане оказывались не только *atheî*, но и съ тѣмъ вмѣстѣ *hostes Caesarum, hostes populi Romani*. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія государственная власть римская обратила вниманіе на дѣло. Положеніе оказалось слишкомъ сложнымъ и опаснымъ; движеніе захватило слишкомъ широкій кругъ. „Суевѣріе это заразило не только города, но села и деревни; имъ увлечены и будутъ увлекаться люди всякаго возраста, состоянія, обоеихъ половъ“. Общій законъ объ иновѣрныхъ суевѣріяхъ не предусматривалъ всѣхъ тѣхъ характерныхъ особенностей, на какія натолкнулся правитель при изслѣдованіи дѣла христіанъ. Плиній (государственный мужъ *просвѣщенный*) возвысился надъ говоромъ толпы. Тщательно (съ пыткой) разыскавши дѣло, онъ представилъ на усмотрѣніе императора Траяна докладъ, который долженъ былъ вызвать ближайшее законодательное опредѣленіе отношенія римской власти къ христіанству.

Мы не станемъ сами подробно анализировать и докладъ и вызванный имъ рескриптъ (а также послѣдовательно излагать дальнѣйшія отношенія народа и власти римской къ христіанству,—мы не пишемъ исторіи этихъ отношеній),—но посмотримъ, какъ трактуется объ этомъ моментѣ въ исторіи христіанства лекція г. Кулаковского.

Г. Кулаковскій признаетъ важность момента, и объявляетъ, что наконецъ при императорѣ Траянѣ „христіанство, какъ такое, было осуждено и признано ученіемъ запрещеннымъ, подлежащимъ, какъ вѣрованіе, строгому взысканію“. Но тутъ же г. Кулаковскій дѣлаетъ отчаянный маневръ, который своею неожиданностью привелъ насъ въ крайнее изумленіе. А затѣмъ—мы не могли удержаться и отъ негодованія. „При этомъ императорѣ изданъ былъ, говоритъ г. Кулаковскій, *первый* указъ, въ которомъ христіанство признано было ученіемъ вреднымъ, и его исповѣдники—подлежащими наказанію“. Но—„я не имѣю возможности излагать здѣсь объ этомъ событіи съ той

Труды Киевской Дух. Академіи Т. II. 1892 г.

полнотой и обстоятельностью, какихъ оно заслуживаетъ“. Какъ?! Вы взялись „выяснить“, и своимъ слушателямъ „уяснить“ вопросъ объ отношеніи римскаго закона къ христіанству, послѣ продолжительныхъ упражненій на тему о мнимой „полной свободѣ христіанъ“, встрѣчаете наконецъ *первый* государственный актъ, относящійся прямо къ христіанству, „законно“ осуждающій христіанство, и—не имѣете возможности говорить объ немъ столько, „какъ онъ заслуживаетъ“? Мало того: въ историческій періодъ, который вы отграничили для своей лекціи, этотъ указъ, по вашимъ воззрѣніямъ, не первый только, а и *единственный*; со времени этого указа, во весь второй вѣкъ вы не встрѣчаете ни малѣйшаго намека на другой подобный актъ; овидывая бѣглымъ взглядомъ весь этотъ вѣкъ, вы находите, что „государственная власть за это время относится съ высокомѣрнымъ невниманіемъ“ къ вызванному христіанствомъ движенію, что „просвѣщенное общество не проявляетъ интереса къ новому вѣроученію“, „самъ Маркъ-Аврелій“, говорите вы, „не удостоилъ проявить ни малѣйшаго интереса къ христіанству“, а не то чтобы издать по его поводу государственный актъ,—и между тѣмъ о такомъ *единственномъ* документѣ—двухъ документахъ, въ которыхъ и выразился взглядъ *просвѣщеннаго* человѣка, и принята высшею государственною властью законодательная мѣра касательно христіанства, въ которыхъ, значитъ, вы должны были видѣть центральный пунктъ своей лекціи; въ которыхъ вы должны были прокомментировать каждое слово, выжать изъ нихъ рѣшительно все, что они могли дать для уясненія дѣла,—сдѣлать, по вашему выраженію. „всестопонній разборъ“ памятника (стр. 1),—вы не имѣете возможности говорить *такъ* обстоятельно, *какъ они того заслуживаютъ!!!* Мы постараемся удержаться отъ невольно напрашивающагося при этомъ рѣзкаго слова, но не можемъ не сказать, что такой пріемъ г. Кулаковскаго... оскорбителенъ для науки, о которой онъ говоритъ въ началѣ лекціи такимъ высокимъ тономъ... Можетъ

быть, г. Кулаковский захочетъ извернуться, и свое „не имѣю возможности“ отнести на счетъ краткости даннаго для лекціи времени (одинъ часъ;—впрочемъ, издавая въ свѣтъ не стенографическую же записъ, онъ „имѣлъ возможность“ и пополнить),—но мы спросимъ, зачѣмъ же онъ болѣе чѣмъ пятую часть лекціи отдѣлилъ для матерій, совсѣмъ къ дѣлу не относящихся? На шести страницахъ изъ тридцати онъ излагаетъ исторію іудейства отъ Моисея и—до момента „вступленія іудеевъ въ новый міръ, когда на развалинахъ единой державы зародились новыя государства“; входитъ при этомъ въ подробности, о которыхъ одинъ разъ и самъ наивно замѣчаетъ, что онѣ „для насъ въ данномъ случаѣ безразличны“ (стр. 8); приплетаетъ сюда же, для „выясненія“ предмета лекціи, также „безразличный“, но за то пикантный, анекдотъ (который рассказанъ непримиримымъ личнымъ врагомъ Каллиста Ипполитомъ, и достовѣрность котораго не выше сомнѣнія ¹⁾, какъ Каллистъ, *будущій папа Римскій*, за іудеевъ „подвергнуть наказанію розгами“ ²⁾). А впереди еще предстоитъ г. лектору сообщить слушателямъ въ не менѣе пикантной формѣ и не менѣе лишній,—потому что уже изъ 5-го, а не 2-го, о которомъ должна идти рѣчь, столѣтія,—фактъ, какъ „фанатизованная толпа черни съ монахами во главѣ, по наущенію (будто!) *епископа Кирилла*, растерзала на улицѣ просвѣщеннѣйшую женщину того времени, *профессора философіи и математики, Гипатію*“ Да еще нужно пофилософствовать на счетъ полного отсутствія религіозной тер-

¹⁾ См. Döllinger. Hippolitus und Kallistus. pag. 117 и далѣе.

²⁾ Навѣ кажется, что г. Кулаковский приплелъ анекдотецъ о Калистѣ именно ради его пикантности, рассчитанной на вкусъ слушателей. Будущій римскій папа и—розги! (почему же не бичеваніе)? Слушатели г. Кулаковского, не ходившіе въ церковной исторіи далѣе „уроковъ дѣтства“, не знали, конечно, что цѣлый рядъ не будущихъ только, а дѣйствительныхъ папъ въ то время были не розгами посѣчены, а совсѣмъ-таки усѣчены—мечемъ. А можетъ быть, г. Кулаковский, какъ либералъ, не жалуется Каллиста, какъ антисемита?

пимости, и учрежденія спеціального трибунала, вѣдающаго человѣческую совѣсть, въ восторжествовавшемъ христіанствѣ... А для Траяна-Плинія онъ „не имѣлъ возможности“ удѣлить болѣе какъ полстраницы (смотри стр. 16, отъ словъ: „Таковъ былъ“ . до: „Съ тѣхъ поръ и почти до половины III вѣка“...; восемнадцатую страницу не беремъ въ счетъ,—она только излагаетъ содержаніе обоихъ документовъ)! Потому-ли это, въ самомъ дѣлѣ, что некогда было?? Тутъ, очевидно, съ Г. Кулаковскимъ произошла какая-то заминка.—Не поможетъ ли намъ разрѣшить недоумѣніе Aubé? У Aubé глава о Траянѣ исполнена очень неудачно. На страницахъ десяти онъ усиленно развиваетъ свои сомнѣнія касательно подлинности писемъ, которыми обмѣнялись Плиній и Траянъ по дѣлу христіанъ, и затѣмъ вдругъ дѣлаетъ крутой поворотъ: „какъ-бы тамъ ни было съ этими сомнѣніями, но, предполагая (!) полную подлинность письма Плинія“ ¹⁾... и далѣе слѣдуютъ разсужденія и характеристики на основаніи этихъ документовъ, какъ подлинныхъ. Мы уже видѣли, какъ Aubé колеблется и туда и сюда въ этихъ своихъ разсужденіяхъ о значеніи и слѣдствіяхъ рескрипта Траянова. Г. Кулаковскій, который, какъ мы уже знаемъ, беретъ у Aubé только отрицательныя сужденія, въ этомъ случаѣ, когда и самъ Aubé прямо отказался отъ своихъ сужденій,—затруднился и замаялся. У него не достало смѣлости заподозрить, а то и прямо отвергнуть, подлинность этихъ важныхъ документовъ (а—напрасно: въ нѣмецкой и французской литературѣ нашелъ бы ободряющіе въ этомъ направленіи примѣры...), и онъ порѣшилъ нейтрализовать силу крайне для него неудобныхъ, стоящихъ прямо въ

¹⁾ Только уже въ подстрочномъ примѣчаніи Aubé замѣчаетъ, что останавливается на подлинности послѣ серьезныхъ размышленій, такъ какъ не находитъ въ письмѣ признаковъ подлога, напротивъ,—довольно соответствія, съ характеромъ Плинія. Но не слѣдовало-ли бы послѣ этихъ „серьезныхъ размышленій“ совсѣмъ иначе редактировать страницы, на которыхъ вложены сомнѣнія? Стр. 218 и 219.

разрѣзъ со всей его теоріей, актовъ косвенно, недостойнымъ науки приемомъ: „че имѣю возможности излагать объ этомъ событіи такъ полно, какъ оно заслуживаетъ, и укажу только общія черты“. И эти черты онъ проводитъ по этимъ актамъ такъ, что они въ его обработкѣ теряютъ почти всю свою силу и значеніе. Первая черта, т. е. ударъ въ самый корень, это: „указъ Траяна изданъ былъ не въ видѣ общаго закона на всю имперію, а какъ *личный отвѣтъ* императора одному изъ намѣстниковъ“ (стр. 17). Романистамъ извѣстно значеніе этого опредѣленія (личный отвѣтъ) въ римскомъ правѣ періода первыхъ принцевовъ—императоровъ. Для оцѣнки его войдемъ въ небольшую подробность. Еще со времени Августа императорамъ предоставлено было актомъ *lex de imperio* право законодательное. Это особенно выражено въ *lex de imperio Vespasianu*: „и да принадлежитъ ему право и власть такая же, какая была у божественнаго Августа, дѣлать и исполнять все то, что онъ найдетъ полезнымъ для государства и содѣйствующимъ возвеличенію *религіозныхъ*, свѣтскихъ, общественныхъ и частныхъ дѣлъ (*divinarum, humanarum, publicarum, privatarumque rerum*). Это право и власть обыкновенно выражались въ *constitutiones principum*, которыя издавались въ формѣ *decreta, edicta, mandata* и *epistulae* или *rescripta*. *Constitutiones principum*, какъ *leges*, были обязательны для всякаго магистрата. „*Nec unquam dubitatum est, quod id (constitutio principis) legis vicem optineat*“. Для нашего дѣла мы обратимъ вниманіе на *mandata* и *epistolae* или *rescripta*. Первыми *principes*, какъ высшій магистратъ, получалъ свою юрисдикцію другимъ магистратамъ, *praefectis urbi* или *praetorio*, а особенно легатамъ—намѣстникамъ, посылаемымъ въ провинціи. Эти *mandata* содержали въ себѣ указанія касательно отправленія юрисдикціи по всемъ отраслямъ, въ томъ числѣ и религіозной (*rerum divinarum*—въ *lex de imperio*), слѣдовательно и предписанія права, которымъ долженъ былъ слѣдовать уполномоченный. Обязательность такихъ *mandata* съ одного лица

переходила на другое; шандата правителямъ различныхъ провинцій по содержанію имѣли между собою много общаго Epistolae или rescripta—отвѣты императоровъ на consultatio nes магистратовъ. Судебно-административныя власти, чащ всего praesides—намѣстники провинцій, встрѣчая при исполненіи mandata, и вообще въ управленіи и судѣ, дѣла, примѣненіе къ которымъ наличнаго права, по ихъ новости для самихъ правителей, вызывало недоразумѣніе, обращались въ такихъ сомнительныхъ случаяхъ съ просьбою о разъясненіи положеній права и ихъ примѣненіи къ самому принципсу—императору. Такія разъясненія и совѣты въ затруднительныхъ случаяхъ и давалъ императоръ правительственнымъ инстанціямъ въ формѣ rescripta epistolae. Constitutiones principum и въ этой формѣ имѣли значеніе актовъ законодательныхъ потому что, по разъясненію правовѣда Ульпіана, quod principi placuit, legis habet vigorem. Въ развитіи Римскаго періода императоровъ epistolae principum имѣли весьма немало важное значеніе, какъ очень употребительный способъ законодательныхъ разъясненій. Существовалъ цѣлый департаментъ ab epistolis, гдѣ изготовлялись эти императорскіе акты. Какъ и другія constitutiones principum, онѣ заносились въ регистры (commentarii, βιβλίον), которые хранились въ императорскихъ архивахъ. Но въ правѣ римскомъ различались epistolae generales и personales. Первые, касавшіяся явленій общаго характера, имѣли legis vigorem не для отдѣльнаго только случая, ихъ вызвавшаго, а заключавшееся въ нихъ разъясненіе имѣло силу и въ другихъ однородныхъ дѣлахъ; въ этихъ generalia rescripta несомнѣнно высказывалось положеніе права, подлежащее *общему* примѣненію, и, конечно, содержаніе такихъ рескриптовъ становилось оффиціально извѣстнымъ и другимъ правителямъ провинцій, гдѣ возможно было возникновеніе однородныхъ дѣлъ. Constitutiones personales же (rescripta personalia) заключали въ себѣ разъясненіе и опредѣленіе императора только касательно отдѣльнаго случая: изъ

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ И РИМСКИЙ ЗАКОНЪ.

самого содержанія ихъ видно было, что дальнѣйшее общее примѣненіе содержащагося въ нихъ постановленія не соотвѣтствовало волѣ императора, и потому общаго законодательнаго значенія они не имѣли. Г. Кулаковский, отмѣчая рескриптъ Траяна Плинію, какъ „личныи отвѣтъ императора одному изъ намѣстниковъ, а не въ видѣ общаго закона на всю имперію“, прямо низводитъ его въ рядъ этихъ *Constitutiones personales*. Выходитъ, что Плиній обращается къ императору за совѣтомъ по совершенно особому случаю, а императоръ своей *constitutio* разрѣшаетъ частный юридическій казусъ, что случай этотъ въ *общемъ* теченіи жизни самой провинціи Вивиніи значенія не имѣетъ, и примѣненіе рескрипта, какъ *personale*, на дальнѣйшее время въ ней не обязательно, не говоря уже о другихъ провинціяхъ, къ которымъ все это отношенія не имѣетъ. Словомъ г. Кулаковский въ двухъ строкахъ низводитъ до минимума значеніе Плиніе-Траяновскаго юридическаго казуса, и спасаетъ свою „полную свободу христіанской пропаганды“, не прибѣгая къ щекотливому отрицанію подлинности документовъ, стоящихъ поперекъ этой мнимой свободы.

Посмотримъ, таковъ ли характеръ этого рескрипта? Императоръ Траянъ съ перваго же времени своего управленія государствомъ очень озабоченъ былъ существованіемъ множества сообществъ, коллегій, учреждавшихся съ самыми разнообразными интересами религіозными, торговыми, промышленными, рабочими, какъ разрѣшенныхъ правительствомъ, такъ еще болѣе недозволенныхъ (гетерій). Онѣ затрудняли надлежащій ходъ управленія государствомъ; не рѣдко, измѣняя своимъ начальнымъ задачамъ, онѣ превращались въ общества политическія, характера антиправительственнаго, революціоннаго,—прямо опасныя для государства. Вопросъ о гетеріяхъ, которыми полонъ былъ не только Римъ, но и маленькіе провинціальныя города, становился въ глазахъ Траяна однимъ изъ вопросовъ первой государственной важности.

Траянъ подчинилъ строгому надзору коллеги законно существующія, отказывалъ въ открытіи новыхъ и запрещалъ незаконныя (гетеріи). Эта его общая государственная политика нашла себѣ законодательное выраженіе въ *mandata* правителямъ провинцій. Такіе *mandata* получилъ и Плиній; въ нихъ безусловно воспрещались гетеріи. И императоръ такъ послѣдовательно выдерживалъ свой законъ, что, когда умѣренный и гуманный Плиній, послѣ опустошившаго Никомидію пожара, сталъ ходатайствовать предъ нимъ объ утвержденіи сформировавшейся въ этомъ городѣ *collegium fabrorum* (общества пожарныхъ), принимая эту небольшую (150 человѣкъ) коллегію на свою отвѣтственность, ручаясь, что она не будетъ преслѣдовать никакихъ другихъ цѣлей,—онъ отказалъ: „припомнимъ, говоритъ въ своемъ рескриптѣ Траянъ, что эту провинцію, и особенно ея города, волнуютъ сообщества этого рода (*ab ejusmodi factionibus*). Какое бы имя мы имъ ни дали, и съ какою-бы цѣлью они ни соединились,—превратятся въ гетеріи“ (мятежныя общества). Таковую, настоятельно проводимую государственную политику о гетеріяхъ предписалъ императоръ въ своихъ *mandata* Плинію.

Исполняя *mandata* (*secundum mandata tua*), Плиній эдиктомъ (обычный, въ силу *juris edicendi* издаваемый при вступленіи въ должность правителя *edictum perpetuum*), воспретилъ гетеріи, и—въ первое же время пришелъ въ столкновеніе съ христіанствомъ. *Factio christiana*, подведенное подъ законъ о гетеріяхъ, не укладывалось въ обычные рамки гетерій. Оно оказалось непозволенной религіей (*superstitio*), отрицавшей поклоненіе богамъ и императору, и между тѣмъ чрезвычайно распространившейся. „Упорство и законѣность“, съ какими христіане не переставали принадлежать къ запрещенному обществу, вызвали Плинія на мѣры строгія: производя дознаніе, онъ три раза допрашивалъ нежелающихъ отстать отъ христіанства, угрожая при этомъ казнью, а упорствующихъ и казнилъ. Но это только осложняло дѣло: на допросъ пред-

ставлено было множество лицъ всѣхъ возрастовъ, состояній и обоихъ половъ, и по мѣрѣ производства слѣдствія число обвиняемыхъ увеличивалось. Положеніе правителя становилось затруднительнымъ. Исполняя точно законъ о гетеріяхъ и не дозволенныхъ суевѣріяхъ, онъ долженъ былъ подвергать уголовной карѣ значительное число людей, которые при томъ вовсе не обвинялись въ общихъ уголовныхъ преступленіяхъ, и повинны были только въ принадлежности къ суевѣрію, въ сущности невинному, и для государства, онъ полагалъ, не опасному. А между тѣмъ, имѣя въ виду, что часть изъ подвергшихся *пристрастному*, въ три приѣма, допросу отrekliсь отъ христіанства, хулили Христа, совершили куреніе и либацию предъ изображеніемъ императора и статуями боговъ, не сочувствовавшій крутымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ гуманный Плиній полагалъ, что можно, не казня, многихъ возвратить къ староотеческому культу, давъ, подъ угрозой казни, мѣсто раскаянію. Въ сомнѣніи и нерѣшительности предъ такимъ крупнымъ явленіемъ, каковымъ при разслѣдованіи оказалось христіанство, „заразившее“ всю провинцію,—въ недоумѣніи предъ неожиданнымъ оборотомъ, какой принимало дѣло, благодаря „уперству и закосяблости“, т. е. мужеству и твердости въ вѣрѣ, христіанъ,—Плиній приостановилъ слѣдствіе. По видимому, въ *mandata* о гетеріяхъ все это не было предусмотрено. И онъ рѣшилъ обратиться съ *consultatio* къ императору. Траянъ, который и въ другихъ случаяхъ слегка упрекалъ Плинія за нерѣшительность и недостатокъ инициативы (ер. 51, 70, 80), и теперь тономъ тонкаго упрека замѣтилъ, что въ дѣлахъ подобнаго рода нельзя установить какого-нибудь общаго и точнаго правила (*neque enim in universum aliquod, quod quasi certam formam habeat, constitui potest*); но одобрилъ образъ дѣйствій, какому Плиній слѣдовалъ, на основаніи *mandata*, въ дѣлахъ христіанъ. Слѣдовательно, рескриптомъ Траянъ только подтвердилъ законную силу *mandata*; впрочемъ, разъясняя, или, можетъ быть, во вниманіе къ представ-

ленію Плинія, ограничивая свою конституцію, онъ прибавляетъ, что дѣйствительно, кто отречется отъ христіанства и покажетъ это самымъ дѣломъ, поклонившись богамъ,—такому раскаяніе да послужитъ извиненіемъ. Таковы обстоятельства появленія этихъ двухъ актовъ. Было ли дѣло христіанъ въ Виѳиніи, вызвавшее эти документы, частнымъ случаемъ, или оно представляло собою явленіе болѣе крупнаго размѣра и общаго интереса въ теченіи жизни цѣлой области? Отвѣтъ никого не затруднить. Но не было ли усиленіе христіанскаго общества явленіемъ еще болѣе общимъ? Не тоже ли самое, въ большей или меньшей мѣрѣ, происходило и въ другихъ областяхъ имперіи? О самомъ городѣ Римѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ сказать этого пока, можетъ быть, нельзя. У насъ идетъ рѣчь о христіанствѣ спустя 10 съ небольшимъ лѣтъ послѣ Домиціана, положеніе дѣла христіанскаго при которомъ въ Римѣ мы уже охарактеризовали. За 10 лѣтъ положеніе, конечно, много должно было измѣниться, но и теперь мы не видимъ, чтобы римское христіанство дало римской власти поводъ составить опредѣленное представленіе о новомъ обществѣ, и—рескриптъ вызывается изъ провинціи. За то о провинціяхъ,—разумѣемъ собственно восточныя и греческія,—мы безъ сомнѣнія скажемъ, что дѣло здѣсь было аналогично съ дѣломъ Виѳинскимъ. Правители другихъ провинцій, получавшіе отъ Траяна, судя по указанному нами направленію его внутренней политики, *mandata*, конечно, одного содержанія съ *mandata* Плинію, должны были встрѣтиться здѣсь съ тѣми же затрудненіями, что и Плиній, и болѣе разсудительные и умѣренные, можетъ быть, даже докладывали объ этомъ императору. Дѣло христіанское, если даже судить по положенію его въ одной Виѳиніи, представляло *общегосударственный* интересъ; оно закрывало собою дѣла всего множества мелкихъ гетерій, въ родѣ коллегіи пожарныхъ въ 150 человекъ. Послѣ этого можно ли сказать о конституціи, разъясняющей законъ, что это есть только *personale rescriptum*—

личный отвѣтъ императора его намѣстнику, никого и ничего, кромѣ даннаго случая, болѣе не касающійся и не имѣющій значенія общаго закона на всю имперію?! Мы считаемъ себя въ полномъ правѣ сказать, что это было *epistola generalis*, занявшая важное мѣсто въ регистрахъ государственныхъ законовъ; скоро этотъ законодательный актъ сталъ извѣстенъ другимъ правителямъ провинцій, особенно вновь назначаемымъ. Это такъ согласно съ положеніемъ дѣла, что даже Aubé, послѣ экивоковъ, которыми онъ хотѣлъ подорвать значеніе рескрипта Траяна, въ заключеніе признаетъ, что этотъ рескриптъ законно опредѣлилъ положеніе христіанства въ имперіи, что экземпляры его были адресованы и правителямъ другихъ провинцій; а также возможно, что префекты или легаты, находясь въ затрудненіи, какъ и Плиній, обращались въ императорскую преторію къ своимъ коллегамъ за совѣтомъ и получали рескриптъ Траяна, какъ норму для процессовъ этого рода (Aubé, стр. 249). Впрочемъ, и самъ г. Кулаковский по своей, достаточно обнаруженной въ трактатѣ, нелюбви къ логической послѣдовательности, забылъ, что на 17 стр. онъ съ двухъ словъ убилъ рескриптъ Траяна; и на 19-й стр. уже придаетъ ему общегосударственное значеніе; личный отвѣтъ—*personale rescriptum* уже является „общей нормой для представителей власти“, опредѣляющей отношеніе римскаго государства къ христіанству почти до половины III вѣка“. Юристы—романисты знаютъ, что *personale rescriptum* и „общая норма“—одно съ другимъ не вяжется¹⁾...

Отъ формально юридическаго значенія рескрипта Траянова обращаемся къ его матерьяльному содержанію. Г. Кулаковский полагаетъ, что въ рескриптѣ установленъ только *принципъ*²⁾. Если угодно, то *общій законъ* всегда есть прин-

¹⁾ Смотри Видлемаръ. Римское государственное право. Выпускъ 1-й, стр. 490 и дал.—Пухта. Исторія римскаго права, стр. 398 и далѣе; и другіе...

²⁾ Здѣсь г. Кулаковский неудачно перафразировалъ Aubé. Aubé замѣчаетъ, что Траянъ осудилъ христіанъ *en principe*; а онъ говоритъ объ обереганіи традиціонныхъ формъ богопочитанія въ *принципѣ*, о чемъ вовсе нѣтъ ни слова въ послѣднемъ.

ципъ; у насъ онъ развивается въ „Положеніяхъ“, „Инструкціяхъ“, а Траянъ, замѣтивши, что вообще подробныхъ и точныхъ указаній нельзя дать, предоставляетъ приложение общаго закона инициативѣ—усмотрѣнію намѣстника, уполномоченнаго; это усмотрѣніе, управляемое закономъ, далеко—не произволь. Впрочемъ, Траянъ пошелъ дальше установленія принципа. Одобривши практику Плинія въ его *Cognitiones de Christianis*, онъ тѣмъ самымъ на будущее время законно авторизовалъ подробности судопроизводства надъ христіанами.

Впрочемъ, въ рескриптѣ Траяна одинъ важный моментъ въ *Cognitiones de Christianis* выраженъ дѣйствительно пока только въ *принципѣ*. Пусть не удивляется г. Кулаковский, но мы разумѣемъ настоящую инквизицію, съ пытками, къ которой Римъ дошелъ „безъ помощи христіанства“, но ради христіанства. И въ *принципѣ* узаконилъ эту инквизицію *Optimus*—Траянъ. Посмотримъ. Плиній докладываетъ Траяну, что для дознанія истины онъ счелъ необходимымъ учинить розыскъ посредствомъ пытки, которой онъ подвергъ христіанскихъ женщинъ—*necessarium credidi, quid est veri et per tormenta quacere*. А затѣмъ представляетъ императору, что неудобно казнить такую массу объявляющихся христіанъ, что, „давши мѣсто раскаянію, можно было бы множество людей исправить“, что онъ успѣшно практиковалъ такой способъ дознанія: когда къ нему приводили обвиняемыхъ въ христіанствѣ, и тѣ сознавались, что они христіане, онъ допрашивалъ ихъ во второй, въ третій разъ, угрожая имъ казнью, и только упорствующихъ казнилъ, а хулившихъ Христа и приносившихъ жертву богамъ, если они не обвинялись въ другихъ преступленіяхъ, отпускалъ. Сомнѣвается только, правильно ли онъ поступалъ. Императоръ одобрилъ примѣненіе *quaestionis per tormenta* къ христіанамъ, а идея о „раскаяніи“ (*poenitentia*) понравилась Траяну,—и онъ внесъ въ свой рескриптъ юридическій принципъ: „кто отречется, что онъ христіанинъ (*negaverit se christianum esse*), и покажетъ это са-

мымъ дѣломъ, поклонившись богамъ, такому,—хотя бы въ прошломъ онъ и былъ подозрителенъ (т. е. что онъ былъ христіанинъ),—раскаяніе да послужить извиненіемъ“. Вотъ гдѣ и когда заложено законное основаніе не казни только христіанъ за отрицаніе боговъ и принятіе запрещенной религіи, но и всѣхъ тѣхъ нечеловѣческихъ жестокостей, которыми запятнала себя римская власть въ своихъ *Cognitiones* по дѣлу христіанъ, разыскивая преступленія представленныхъ на судъ христіанъ, и усиливаясь *привести ихъ къ раскаянію и возвращенію къ старымъ богамъ*. У Плинія инквизиціонный характеръ суда надъ христіанами обнаруживался пока не совсѣмъ рѣшительно. Плиній не затруднялся посредствомъ пытокъ разыскать (*per tormenta quaerere*) истину въ вѣрованіяхъ и жизни христіанъ; но чтобы привести ихъ къ „раскаянію“, онъ употребляетъ пока пытку болѣе тонкую: *угрозу казни* разъ, второй и третій. Но, авторизованный самимъ императоромъ, этотъ инвизиціонный судъ постепенно принимаетъ формы ужасающія. Это во второй половинѣ 2-го столѣтія, во время Марка Аврелія, а особенно въ III в. При М. Авреліи еще свободно циркулируютъ и принимаются съ довѣріемъ не въ низшихъ только, но и въ высшихъ сферахъ (риторъ Фронтонъ, воспитатель М. Аврелія), всѣ нелѣпыя сказки о постыдной жизни христіанъ. На розысканіе этой вины направляется римская инквизиція. Она изощряется въ самыхъ изысканныхъ пыткахъ, на какія только способна была изобрѣтательность римскаго суда, чтобы заставить христіанъ признаться во взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ. Мы, конечно, не станемъ представлять здѣсь длинный рядъ фактовъ этой безстрастной, спокойной, холодной и черствой судебной инквизиціи; удовольствуемся показаніемъ актовъ ліонскихъ и вьенскихъ мучениковъ, подлинности которыхъ никто не заподозриваетъ. Пытками вынудили у рабовъ гнусныя обвиненія на христіанъ, а затѣмъ проконсулъ сталъ *per tormenta quaerere, quid esset veri* въ этихъ обвиненіяхъ. Огнемъ и желѣзомъ „съ утра до вечера“ мучили

обвиняемыхъ, получая въ отвѣтъ одно: „мы христіане; у насъ „нѣтъ ничего худого“. „Можемъ ли мы ѣсть дѣтей?“ „Мы и людей не ѣдимъ, и не совершаемъ никакого другаго зла“, и проч. Надъ страдальцами ліонскими употребляли и болѣе тонкую пытку: приводили ихъ каждый день смотрѣть на мученія прочихъ и принуждали клясться идолами (Евсев. 5, 1). Но римская инквизиція, безуспѣшно разыскивавшая то, чего не было, имѣла еще и другую задачу, выступавшую все настоятельнѣе, чѣмъ болѣе увеличивалось количество привлекаемыхъ къ суду. Это—приведеніе къ „раскаянію“, т. е. принужденіе къ отреченію отъ Христа. Съ тѣхъ поръ (конецъ II столѣтія), какъ сплетнямъ о постыдныхъ дѣйствіяхъ культа христіанскаго уже почти перестали придавать значеніе, эта задача, въ судѣ надъ христіанами, выступаетъ на первый планъ. Разыскивать, да еще пыткой, вѣру христіанъ—нечего было. Исповѣдники—безстрашно, открыто, безъ утайки, подробно, насколько позволялъ судъ, излагали свою вѣру. Всю свою власть, искусство, энергію, жестокость, судъ направлялъ теперь къ тому, чтобы заставить отречься отъ исповѣданнаго Христа, „раскаяться“ и показать это самымъ дѣломъ,—жертвой богамъ, еиміагомъ императору. Начинали совѣтами, увѣщаніями, угрозами въ виду орудій пытокъ, переходили къ самымъ разнообразнымъ пыткамъ огнемъ и желѣзомъ; и когда страдалецъ изнемогалъ тѣломъ, хотя оставался бодръ духомъ, слѣдовало темничное заключеніе,—продолженіе той же пытки: лишеніе воды и хлѣба, растагиваніе ногъ въ деревянныхъ колодахъ (ἐν τῇ ξύλινῃ διατάξει τῶν ποδῶν) „до пятой степени“ на всю ночь; затѣмъ возобновлялся тотъ же „судебный“ процессъ „во второй, въ третій разъ“... Это были настоящіе ужасы самой изысканно жестокой инквизиціи. Торquemada и его сотрудники могли изъ „актовъ мученическихъ“ „позаимствовать“ кое-что для своей инквизиціонной практики. Судъ per tormenta языческаго Рима надъ христіанами и inquisitio haereticae pravitatis Рима католическаго—это въ сущности и по харак-

теру процессы одной категории: и тамъ, и здѣсь—насильственное и безчеловѣчно-жестокое вторженіе въ дѣло совѣсти человѣческой. Нынѣшніе „либералы“ не находятъ достаточно словъ, чтобы отнестись съ надлежащимъ негодованіемъ къ „созданію христіанской религіозной нетерпимости—инквизиціи“. Но такія же изысканныя инквизиціонныя жестокости Рима языческаго они пытаются прикрыть своей либеральной тогой. Г. Кулаковский прикрываетъ такъ: „если оказывается, что обвиняемый не признаетъ боговъ, и, не смотря на *уговѣщанія одуматься*, на продолженіе срока на это, онъ упорствуетъ, то власть караетъ по своему усмотрѣнію“. Какой злой пропойцей звучитъ это либеральное: *не смотря на уговѣщанія одуматься*,—если вспомнить, какія *уговѣщанія* въ теченіе цѣлаго дня. и опять. и опять, предлагались безбожникамъ Ліонскимъ: Санету, Атталу, Бландинѣ!... Не отрицая, что „казни въ то время были вообще жестоки за всякаго рода преступленія“ (Кулак. стр. 19), они изъ всѣхъ силъ стараются ослабить впечатлѣніе, какое производятъ протоколы римскихъ *Cognitiones de Christianis*, сохраненные актами мученическими. Это—„недостовѣрныя и даже подложныя свѣдѣнія, говорятъ они, въ такой полнотѣ и обиліи собранныя христіанскою церковію *въ пору своего могущества*“ (Кулак. стр. 21). Для нихъ не имѣетъ доказательной силы то, что если даже судить по немногимъ, признаваемымъ ими же за *simplicia*, актамъ,—характеръ языческо-римской инквизиціи по дѣламъ христіанъ отъ этого нисколько не измѣняется. Г. Кулаковский говоритъ, что Римъ не зналъ особаго суда по дѣламъ религіи и спеціального трибунала, призваннаго вѣдать человѣческую совѣсть. Но по отношенію къ христіанамъ въ такомъ особомъ трибуналѣ и нужды не было. Общій государственный трибуналъ, трибуналъ императора и его намѣстниковъ „вѣдалъ“ совѣсть христіанскую, и, добываясь раскаянія въ нечестивомъ преступленіи противъ боговъ и императора, требуя подъ пыткой отреченія отъ Христа, причинялъ тяжкое насиліе этой совѣсти.

И все это—на точном основаніи закона, выраженного въ рескриптѣ Траяна. Напрасно г. Кулаковский совсѣмъ не устранилъ и *consultatio* Нилия, и *rescriptum* Траяна, какъ неподлинные. Они для него весьма неудобны, какъ бы онъ въ кривотолкованіи ихъ ни изощрялся.

Есть въ рескриптѣ Траяна одна черта, которою г. Кулаковский хочетъ воспользоваться для поддержанія своей любимой мысли. Это: „отыскивать христіанъ не слѣдуетъ, но если о нихъ будетъ донесено и доказано, то должно наказывать“. Отсюда г. Кулаковский выводитъ, что государство никоимъ образомъ не взяло на себя обязательство слѣдить за вѣрованіями населенія, что власть безразлично относилась къ самому существованію религіозной пропаганды, потому что особыхъ религіозныхъ интересовъ, какъ сферы государственной политики, не зналъ Римъ (Кулак. стр. 19—20). Еще Тертуллианъ замѣтилъ это распоряженіе и осудилъ его за непослѣдовательность: „Странный законъ! запрещаетъ отыскивать христіанъ какъ невинныхъ, и велитъ наказывать, какъ виновныхъ“. Руководитель г. Кулаковского, Aubé, глумится надъ этой „риторикой“ и „школьными антитезами“ Тертуллиана. Но самъ въ концѣ приходитъ къ тому же заключенію, что это—законъ непослѣдовательный, двусмысленный (*equivoque*), что этимъ закономъ *est inaugurée* эра гоненій, и въ то же время запрещеніемъ отыскивать христіанъ обезоруживается законъ. Мы различаемъ между самымъ закономъ и рекомендуемымъ императоромъ правителю примѣненіемъ закона въ данное время. Законъ выраженъ строго и ясно: наказывать христіанъ. Но въ примѣненіи его рекомендуется умѣренность. Дѣло въ томъ, что Траянъ вообще въ своей внутренней политикѣ возстановленія старыхъ обычаевъ и законовъ, подъ ема римскаго духа, устраненія всего, чт^о онъ считалъ уклоненіемъ отъ староримскихъ порядковъ,—старался дѣйствовать примирительно, исподоволь, снисходительно—ему *placuit temperamentum*, потому что крутое примѣненіе закона могло, какъ выразился онъ по одному случаю, повести ко многимъ

пертурбаціямъ (*multa necesse est perturbari* Plin, l. X. ep. 116). Этотъ принципъ своего государственнаго управленія Траянъ хочетъ приложить и къ дѣлу христіанъ. Онъ, очевидно, не имѣетъ еще яснаго представленія о характерѣ, стремленіяхъ, силѣ и распространенности христіанства (хотя въ Римѣ, какъ можно заключить изъ словъ Плинія, и бывали судебныя разбирательства христіанъ—*cognitiones de Christianis*); онъ еще не видитъ опасности, какою грозило христіанство религіознымъ основаніямъ и опиравшемуся на нихъ государственному строю Рима. Яснѣе представилось ему это нѣсколько позже, въ Азіи, когда онъ познакомился съ христіанствомъ въ процессѣ св. Игнатія. Теперь же Плиній, который поднялъ дѣло и показалъ Траяну грознаго врага, самъ же поспѣшилъ успокоить императора, что, по тщательномъ изслѣдованіи, собранія христіанскія имѣютъ характеръ невинный (а собраній гетерій власть римская особенно опасалась), что это просто грубое, неопасное суевѣріе, такъ что, давши мѣсто раскаянію, многое можно исправить, что храмы уже опять посѣщаются и проч. Этому-то успокаивающему докладу въ тонѣ отвѣчаетъ и рескриптъ: христіанъ за суевѣріе, отрицающее боговъ, казнить, но не отыскивать, чтобы, т. е., крутыми мѣропріятіями не производить общественныхъ пертурбацій. Пока христіане, прекратившіе даже, по эдикту, свои вечернія, особенно пугавшія власть, собранія, не выступаютъ открыто и не угрожаютъ опасностію,—онъ рекомендуетъ игнорировать это суевѣріе, и удерживаться отъ примѣненія закона, но если на него будутъ сдѣланы указанія, и оно станетъ демонстративно заявлять о себѣ, въ оскорбленіе государственному культу, то законъ долженъ быть примѣненъ къ нему, какъ къ силѣ опасной, со всею строгостію.

Изъ того участія, какое рескриптъ Траяна въ преслѣдованіи христіанъ предоставляетъ частнымъ доносамъ и обвиненіямъ, г. Кулаковскій дѣлаетъ выводъ, что „власть при Траянѣ, по собственной инициативѣ не разыскивавшая хри-

стіанъ, неохотно, даже иногда съ неудовольствіемъ (стр. 21) вчинала по доносамъ дѣла противъ христіанъ, что представлятели власти входили въ дѣла христіанъ, только будучи *вовлекаемы* въ нихъ, что преслѣдованіе было возможно только случайно, когда изъ общества *являлся* обвинитель и звалъ на судъ даннаго христіанина“ (стр. 19—20). Г. Кулаковский, очевидно, упускаетъ изъ виду особенность обвинительной части въ римскомъ уголовномъ процессѣ. Въ *judicia publica* (уголовномъ судѣ) не было официальной судебной инстанціи, отъ которой исходили бы обвинительные акты, какъ у насъ изъ камеры прокурора. Всякій гражданинъ, всякій подданный Рима могъ явиться въ качествѣ обвинителя (*accusator*), въ присутствіи магистрата и на обвиняемаго заявить свой доносъ (*delatio nominis*); въ качествѣ слѣдователя (*inquisitor*), онъ получалъ отъ магистрата полномочіе и срокъ для разысканія и собранія необходимыхъ для обвиненія данныхъ, и затѣмъ выступалъ официальнымъ обвинителемъ въ судѣ (*quaestio*). Такимъ образомъ, „обвинители изъ общества“ вовсе не были случайные добровольцы (можетъ быть, даже нежелательные для суда), но они предусмотрѣны были судебно-уголовной организаціей, какъ необходимая инстанція въ *judicia publica*. Эти обвинители—доносчики, *accusatores—delatores*, были такимъ важнымъ и даже необходимымъ органомъ въ римскомъ уголовномъ судѣ, что власть старалась оказывать имъ всякое поощреніе и поддержку. Еще во время республики доносчикамъ обѣщаются награды, и даже безнаказанность (*fides publica*) сообщникамъ. Въ началѣ имперіи система *proemiorum accusatoribus* получаетъ очень важное значеніе въ уголовномъ законодательствѣ. Благодаря поддержкѣ императоровъ, доносничество развилось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Мелпнатъ совѣтуетъ Августу завести шпіоновъ по всей имперіи. Домиціанъ имѣлъ цѣлую армію доносчиковъ. Адріанъ цѣлый отдѣлъ войска обратилъ въ доносчиковъ. Эта система доносовъ рѣшительно терроризовала всѣ классы общества. Это былъ, хорошо замѣчаютъ, бичъ имперіи въ I и II вѣкахъ:

„вся имперія была унижена и порабощена страхомъ; вездѣ сновали шпіоны; не было возможности ни мыслить свободно, ни говорить“, замѣчаетъ современникъ о царствованіи Адріана. Жертвою гнусныхъ корыстныхъ побужденій доносчиковъ падали люди совершенно невинные. Доносами, и въ добавокъ, безыменными, завалены были трибуналы правителей¹⁾). Послѣ этого понятна вся роковая для христіанства сила словъ рескрипта Траянова: *si deferantur et arguantur, puniendi sunt*. Во имя закона, по общей системѣ римскаго уголовного судопроизводства, христіанство отдано было въ жертву доносчикамъ. Римскимъ властямъ не за чѣмъ было разыскивать христіанъ; за-частую, какъ это было и съ Плиніемъ, онѣ едва успѣвали допрашивать и судить законно приводимыхъ предъ ихъ трибуналь. Нерѣдко, особенно во время общественныхъ бѣдствій, весь народъ выступалъ, какъ *accusator* „безбожниковъ“, тащилъ ихъ предъ трибуналь, и *delatio nominis* въ присутствіи магистрата покрывалось ревомъ толпы: *christianos ad leones! christianos ad ignem! tolle christianos! tolle atheos!* — своимъ приговоромъ предупреждавшей приговоръ проконсула. Вездѣ, въ домашней, общественной средѣ христіане должны были ждать доноса и привлеченія въ судъ: мужъ доносилъ на жену, *λέγων αὐτὴν χριστιανὴν εἶναι*, рабъ заявлялъ на господина; не было ни родства, ни дружбы. Жрецы и лица, по своимъ занятіямъ имѣвшіе отношеніе къ культу идолопоклонническому (торговцы принадлежностями культа), возбуждали доносчиковъ, и сами выступали такими. Всякіе негодянъ, темныя личности составили себѣ ремесло изъ доносовъ на христіанъ. Позорное въ глазахъ народа и власти имя „христіанинъ“ сдѣлалось, выражаясь по нынѣшнему, орудіемъ шантажа, стремленія къ легкой наживѣ, а то и

¹⁾ Правовую сторону вопроса *de accusatoribus* смотр. у Виллемса „Римское право“, а бытовую у Фридлендера: „Картины изъ исторіи римскихъ нравовъ“. Т. I, стр. 210 – 211.

мести. Выступая, во имя закона, предъ властью съ обвиненіемъ христіанъ, какъ *христіанъ*, доносчикъ ничѣмъ не рисковалъ (по закону, за недоказанность доноса); *inquisitio* на судѣ не представляла труда, такъ какъ христіане не только не возражали противъ доносовъ—обвиненій, но и рѣшительно подтверждали: да, я христіанинъ! Г. Кулаковскій, конечно, съ большимъ недоувѣріемъ относится къ „запальчивой и яростной“ борьбѣ апологетовъ съ язычествомъ, но не предубѣжденный читатель находитъ въ этихъ благородныхъ и смѣлыхъ жалобахъ вѣрную характеристику тяжкаго положенія христіанства, созданнаго рескриптомъ Траяна. „Вы позволяете, обращается Аѳинагоръ къ М. Аврелію и его сыну, чтобы насъ грабили, притѣсняли, мучили“... „Просимъ васъ позаботиться, чтобы перестали подвергать насъ смерти *сикофанты*“ (Apolog. с. 1). Или—Мелитонъ къ тому-же императору: „нынѣ подвергается гоненію родъ благочестивыхъ, преслѣдуемый злыми указами по Азіи. Безстыдные доносчики и охотники поживиться чужимъ имуществомъ, находя себѣ поводъ въ такихъ распоряженіяхъ, явно разбойничаютъ, днемъ и ночью грабятъ людей ни въ чемъ невиновныхъ“ (Евсев. IV, 26). Какою горечью звучатъ эти жалобы и просьбы къ императору въ виду знаменитаго императорскаго же: *si deferantur!*

Уменьшивши, насколько могъ, „возможность преслѣдованія христіанъ“ по рескрипту Траяна, такъ какъ для возбужденія процесса „необходимо было, чтобы изъ общества явился обвинитель¹⁾ и звалъ христіанина на судъ“ (а это въ то время было очень трудно?!?), г. Кулаковскій задаетъ себѣ вопросъ — полу-отвѣтъ: „много-ли было такихъ процессовъ и такихъ казней за *полтора столѣтія* со времени рескрипта Траяна? сотнями ли надо считать мучениковъ или десятками“? *Десятками?!?* Не слишкомъ ли будетъ мало

¹⁾ А какъ понимаетъ г. Кулаковскій розыскъ Полякарпа (ѣмъ рискаго? Вѣдь въ немъ принимала участіе и городская власть (*εἰρηάρχης*). Церк. Ист. Евсевія. 4, 15.

этого на полтора столѣтія, г. Кулаковскій, если даже мы признаемъ справедливою только одну десятую жалобъ апологетовъ, актовъ мученическихъ и вообще показаній христіанскихъ за это время? Слѣдуя за Aubè въ уменьшеніи количества мучениковъ христіанскихъ, вы и не замѣтили, что онъ ведетъ рѣчь о небольшомъ количествѣ мучениковъ пока только *на порогъ* (au seuil) втораго столѣтія, тотчасъ по изданіи рескрипта Траянова. Вѣдь вамъ на цѣлыхъ *полтора столѣтія* со времени рескрипта слѣдовало бы немножко прибавить...¹⁾.

¹⁾ Г. Кулаковскій не преминулъ подитовать ставшее классическимъ у писателей извѣстнаго направленія мѣсто изъ Оригена *Contra Celsum* 3, 8: ἐλίγοι κατὰ καιρὸς καὶ σφόδρα εὐαρίθμητοι ὕπερ τῆς χριστιανῶν ἐβζεβίας τεθνῆκασι. Если бы читали это мѣсто въ контекстѣ, а не—вырвавши строку изъ текста, то увидѣли бы, что слова Оригена вовсе не имѣютъ значенія указанія статистическаго, хотя бы и самаго общаго („очень не много“), но безотносительнаго. Смыслъ этихъ словъ нравственный, ободрительный, значеніе относительное, въ добавокъ, мотивъ—полемиическій. Цельсь, послѣ страшнаго натиска на христіанъ при Маркѣ Авреліи, по отзыву г. Кулаковского, вовсе не обращавшемъ вниманія на христіанъ, торжествуя полный, какъ ему казалось, разгромъ христіанства, ѣдко замѣчаетъ: „если даже кто изъ васъ и скитается еще скрываясь, то его ищутъ, чтобы предать смерти“ (ὁμῶν δὲ καὶ πλανῶνται τινες ἔτι λανθάνων, ἀλλὰ ζητεῖται πρὸς θανάτου δίκην. Orig. contra Celsum 8, 69). Оригенъ, имѣя въ виду это торжествующее злорадство врага, замѣчаетъ: „ради напоминанія (чтобы, видя немногихъ борющихся за благочестіе, стали бодрѣе и презирали смерть) немногіе и весьма легко сосчитываемые умерли за вѣру христіанъ; Богъ не допускаетъ истребить *весь ихъ родъ* (ἔθνος); потому что восхотѣлъ, чтобы онъ продолжалъ существовать и наполнилъ всю землю этимъ божественнымъ ученіемъ“... „Богъ промышляетъ о вѣрующихъ, разрушая всѣ противъ нихъ козни“... То есть: гоненіями, какъ они ни жестоки, церковь далеко не разгромлена и не уничтожена; *сравнительно со всѣмъ ἔθνος христіанскимъ*, пострадали немногіе, потому что Богъ промышляетъ о вѣрующихъ... О томъ, чтобы вообще, безотносительно, „очень немного“ было по-

Вообще-же, г. Кулаковский, обсуждая рескриптъ Траяна, которымъ, по его же пониманію, опредѣлялось отношеніе римскаго государства къ христіанству почти до половины III вѣка, смѣшиваетъ законъ по существу съ его примѣненіемъ властью въ извѣстныхъ формахъ судопроизводства, и заклю-

страдавшихъ, здѣсь нѣтъ рѣчи. Это просто — *полемическое уменьшеніе* противъ Цельсова *полемическаго же преувеличенія количества пострадавшихъ*. Если бы г. Кулаковский прочиталъ слова Оригена въ контекстѣ, а не въ отрывочной цитатѣ Моммсена, то, вѣроятно, онъ отказался бы связывать съ ними свои „десятки“ мучениковъ. Слѣдуетъ замѣтить и то, что Оригенъ писалъ свое „Contra Celsum“ въ правленіе Филиппа Аравитянина, котораго считали даже тайнымъ христіаниномъ; сравнительный покой церкви въ этотъ небольшой промежутокъ времени отозвался и мягкимъ тономъ въ рѣчи Оригена, далеко не похожимъ на тонъ, какой звучитъ въ его характеристикѣ времени Максимиана (въ увѣщаніи къ мученичеству), когда христіанство переживало „суровую зимнюю непогоду“, „грозу съ проливнымъ дождемъ, бурю, наводненіе“. Правильно могутъ быть поняты соблазняющія слова Оригена, по сопоставленіи ихъ съ отзывами, напр. св. Иринея о положеніи христіанства во 2-мъ вѣкѣ: „Церковь на всѣхъ мѣстахъ и во всѣ времена посылаетъ къ Отцу множество мучениковъ“, и—Климента Александрійскаго, учителя Оригенова, о преслѣдованіи христіанъ въ ранніе годы жизни самого-же Оригена, что „ежедневно были сожигаемы, распинаемы и обезглавливаемы многіе мученики“. Впрочемъ, бесполезно было бы задаваться вопросомъ о подсчетѣ христіанскихъ мучениковъ, хотя бы даже весьма и весьма неприблизительномъ: данныхъ, достаточныхъ для этого, нѣтъ. Важно не количество пострадавшихъ за Христа, какъ бы велико или мало оно ни было (измѣрять ли, какъ г. Кулаковский, сотнями и даже десятками, или же тысячами число страдальцевъ, большею частію оставшихся безвѣстными,—за Христа). Для насъ важно имѣть въ виду тотъ общій матерьяльный и еще болѣе тяжкій нравственный гнѣтъ, которымъ древній міръ,—по выраженію Оригена, совокупныя силы царей, правителей различныхъ провинцій и народа (βασίλεις, οἱ κατὰ τόπους ἡγεμόνες, οἱ δῆμοι),—давилъ всю совокупность христіанства, но подъ которымъ не только не изнемогла, а еще и обнаружила свою великую всепобѣждающую силу церковь.

чаетъ, что римская власть *по существу* относилась безразлично къ самому существованію религіозной пропаганды въ населеніи, что религіозные интересы въ сферу государственной политики Рима не входили. Онъ не замѣчаетъ, что и дѣло-то все поднялось изъ-за того, что чрезвычайно усилилась христіанская пропаганда, что религіознымъ интересамъ язычества она нанесла, и еще болѣе грозила нанести, существенный ущербъ (храмы опустѣли...), что между императоромъ и его намѣстникомъ рѣчь идетъ объ ограниченіи этой пропаганды, объ укрѣпленіи культа боговъ, потому что древняя религія *есть существенный факторъ* въ сферѣ государственной политики Рима.

Указавши „общія черты“ рескрипта Траянова, и окинувши бѣглымъ взоромъ установившееся на основаніи этого рескрипта и продолжавшееся, говоритъ онъ, почти до половины III вѣка отношеніе государства къ христіанству, г. Кулаковский приходитъ къ выводу, который, положимъ, послѣ всѣхъ выраженныхъ имъ доселѣ воззрѣній и соображеній, не долженъ-бы удивить читателя, но все-таки является неожиданнымъ. Оказывается, что и послѣ рескрипта Траянова, и почти до половины III вѣка, римская власть *вовсе не карала христіанства* („имя христіанинъ“). Какъ-же это такъ? Самъ-же авторъ говоритъ: „указомъ Траяна христіанство признано было ученіемъ вреднымъ и его исповѣдники—подлежащими наказанію“, „государство осудило христіанство устами Траяна за атеизмъ“; въ процессахъ противъ христіанъ „власть караетъ обвиняемого въ непризнаніи боговъ, если онъ, не смотря на увѣщаніе одуматься, упорствуетъ“?? „Дѣйствительно, такая форма процесса, отвѣчаетъ авторъ, создавала *видимость*, что римская власть караетъ самое имя христіанинъ (Aubè, стр. 224: *on semblait frapper un nom*). У апологетовъ непрерывно повторяется эта жалоба. Такъ оно было *по видимости*. *По существу* же дѣла государство карало за *сопротивленіе* власти въ ея законныхъ требованіяхъ“. Вотъ это—*идея!* Отправляясь

отъ нея, пришлось бы—таки произвести кое-какія исправленія въ пониманіи смысла внѣшнихъ отношеній христіанства и въ оцѣнкѣ подвиговъ его дѣятелей. Когда апостолы, не смотря на *крѣпкое, съ угрозою*, запрещеніе власти (синедріона) учить о имени Іисуса, продолжали „наполнять Іерусалимъ ученіемъ“ о Христѣ, разсуждая, что должно повиноваться больше Богу, нежели челоувѣкамъ, и за это были биты, съ новымъ запрещеніемъ говорить о имени Іисуса: то, по теоріи г. Кулаковскаго, они заблуждались, „радуясь, что за имя Господа Іисуса удостоились принять безчестіе“ (Дѣян. 5, 27—41). Это только такъ *казалось* и каравшимъ и терпѣвшимъ кару, что все это за имя Іисусово; *по существу-же дѣла*, одни карали, другіе страдали „за сопротивленіе власти въ ея законныхъ требованіяхъ“. Когда апостолъ (1 Петр. 4, 15, 16) ободрялъ вѣрующихъ (это уже въ виду римской власти): „только бы не пострадалъ кто изъ васъ, какъ убійца, или воръ, или злодѣй, или какъ посягающій на чужое; а если какъ христіанинъ, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь“: то хотя здѣсь имя „христіанинъ“ представляется наказуемымъ, какъ преступленіе, подобно цѣлому ряду тяжкихъ преступленій, но—это кара за имя христіанъ только *по видимости*; по существу же дѣла за... что-то другое. Убіенные за слово Божіе и за свидѣтельство Іисуса Христа (Откр. св. Іоанна Богослова 1, 9. 6, 9) только *по видимости* пострадали за *вѣру въ Іисуса* (14, 12), по существу же за сопротивленіе требованіямъ... звѣря (гл. 13—14). Когда Плиній судилъ людей, сознававшихся, что они христіане, хотя съ этимъ именемъ и не были соединены преступленія,—сомнѣваясь, впрочемъ, *слѣдуетъ ли наказывать за одно имя христіанина,—и казнилъ упорно отказывавшихся хулить Христа и приносить жертвы богамъ и предъ изображеніемъ императора*, а Траянъ одобрялъ это, разъясняя, что кто отречется отъ имени христіанскаго и покажетъ это самымъ дѣломъ, принеся жертву богамъ, такого прощать: то здѣсь только „*по видимости*“ пла

рѣчь о христіанствѣ; по существу же дѣла однихъ казнили за упорное сопротивленіе власти, а другихъ отпускали за подчиненіе ея требованіямъ. Когда проконсулъ говорилъ св. Поликарпу: клянись счастьемъ кесаря, скажи: смерть атеистамъ, т. е. христіанамъ, хули Христа, и я отпущу тебя, а Поликарпъ отвѣчалъ: слушай рѣшительное мое показаніе: я—христіанинъ, на что проконсулъ возразилъ: у меня есть звѣри; если не переѣдѣшь своихъ мыслей, я брошу тебя имъ: то здѣсь только *по видимости* замѣшано было имя Христа и христіанина, по существу же дѣла, проконсулъ грозилъ за сопротивленіе власти, хотя Поликарпъ и говорилъ: насъ учили воздавать должную честь поставленнымъ отъ Бога властямъ (Римл. 13, 1). Когда проконсулъ возвыстилъ чрезъ глашатая, что Поликарпъ объявилъ себя христіаниномъ, и отдалъ его на сожженіе, а толпа кричала: отецъ христіанъ, истребитель нашихъ боговъ! львамъ Поликарпа: то только такъ казалось, что все это изъ-за христіанства. А когда Поликарпъ на кострѣ благодарилъ Бога, что Онъ удостоилъ его получить часть въ числѣ мучениковъ и въ чашѣ Христа и т. д., то въ эту трагически-торжественную минуту глубоко заблуждался этотъ, по видимости, мученикъ за имя Христово, а по существу дѣла только застарѣлый ослушникъ полицейскихъ распоряженій, и учитель сопротивленія полиціи во всей Азіи (Церк. ист. Евсев. 4, 15). Когда префектъ римскій Урбикъ, спросивши только у Птолемея, христіанинъ-ли онъ, на что тотъ отвѣчалъ утвердительно,—и замѣтивши Луцію: и ты, мнѣ кажется, такой же,—отвѣтъ: „точно“—новелѣлъ обоимъ ихъ отвести на казнь: то все дѣло тутъ не въ имени христіанинъ, а въ сопротивленіи законному требованію, хотя требованіе не предъявлялось, сопротивленія не оказывалось (Іустин. 2 апол. гл. 2). Когда христіанъ Ліонскихъ цѣлодневно мучили самыми ужасными пытками, добиваясь отреченія отъ Христа, то здѣсь опять имя христіанское связывается съ дѣломъ только по видимости; христіанство тутъ не приче́мъ, а все—отчаянное,

слѣпое сопротивленіе законнымъ требованіямъ власти, которое выражалось въ томъ, что бичеванные и остроганные до обнаруженія внутренностей, полусожженные супротивники власти ослабѣвшимъ голосомъ повторяли: мы христіане; у насъ не дѣлается ничего дурного. Когда, наконецъ, все множество мучениковъ, подобно мученикамъ, акты которыхъ, какъ достовѣрнѣйшіе, привелъ и самъ г. Кулаковскій, на судъ повторяли: „мы служимъ единому Богу, ничего дурного не дѣлаемъ, воздаемъ честь кесарю, уплачиваемъ подати, и на увѣщанія проконсула образумиться, принести жертву богамъ, покланяться геніемъ императора, а также на вопросъ: такъ вы упорствуете, что вы христіане,—отвѣчали: мы христіане; отъ вѣры въ Господа нашего Іисуса Христа—не отступимъ,—то они казнены были не за вѣру, а за сопротивленіе, которое они выразили словами: дѣлай, что хочешь. Самъ проконсулъ, писаннымъ декретомъ чрезъ глашатая объявившій, что осужденные предаются казни за то, что исповѣдали себя христіанами, и не захотѣли жертвами и куреніемъ оказать поклоненіе богамъ и почтеніе императорамъ, ошибался въ своемъ декретѣ, опредѣляя, что караетъ за христіанство; потому что въ сущности онъ каралъ за сопротивленіе своей власти (Кулаковскій, стр. 22—23). Очевидно, что и всѣ писатели христіанскіе, начиная съ Ермы, апологеты, жаловавшіеся, что власти не желаютъ безпристрастно изслѣдовать жизнь обвиняемыхъ въ христіанствѣ, дозвать судомъ, есть ли въ ней что-нибудь преступное, но что достаточно объявить себя христіаниномъ, чтобы за одно это признаніе быть наказаннымъ, и что достаточно отречься отъ имени христіанинъ (и показать самымъ дѣломъ), чтобы быть отпущеннымъ, какъ бы уже и не было никакой вины (Аѳинаг. Прошеніе гл. 2. Іуст. 1 апол. гл. 4),—заблуждались, не понимая, что это—государство карало за сопротивленіе власти въ ея законныхъ требованіяхъ, и своими апологіями только поддерживали и усиливали въ своихъ единомышленникахъ сопротивленіе власти. Особенно—этотъ Тер-

тулліанъ, такъ „запальчиво и яростно“ возстающій противъ власти... „самое имя христіанина въ глазахъ власти—преступленіе; не о разслѣдованіи преступленія заботятся, а о вынужденіи отреченія отъ имени, какъ преступленія. Это—говорить—война противъ имени—*bellum nominis*“ (Тертул. apolog. с. 2). Одно только заблужденіе! власть вовсе не карала имени христіанинъ, не преслѣдовала религіи христіанской. Римъ относился безразлично къ христіанству, допуская его пропаганду, нетерпимости религіозной въ государственной политикѣ онъ не зналъ и не проявлялъ; для него все дѣло было въ государственномъ порядкѣ. А если въ процессахъ христіанъ подолгу идутъ препирательства о Христѣ, съ одной стороны, и о римскихъ богахъ, съ другой, то это только такъ кажется обѣимъ сторонамъ, что тутъ затрогиваются интересы религіозные; просто, сопротивленіе власти, съ одной стороны, кара за сопротивленіе, съ другой. Религія—только по видимости, по существу же дѣла—полиція...

Но, г. Кулаковский, „сопротивленіе власти въ ея законныхъ требованіяхъ“ есть голое, отвлеченное юридическое понятіе (по выраженію криминалистовъ, есть объектъ преступленія пока только съ *формальной* стороны). Для состава преступленія, судимаго и наказуемаго по закону, нуженъ объектъ преступленія (у криминалистовъ—объектъ преступленія съ *матерьяльной* стороны). Въ чемъ же, спросимъ, фактически обнаруживалось это христіанское сопротивленіе власти въ ея законныхъ требованіяхъ?—Въ томъ, принуждены вы сказать, что христіане, объявляя, что они повинуются власти во всемъ, отказывались отречься отъ Христа и принести жертву предъ статуями боговъ; въ томъ, что, воздавая, по ученію Спасителя, честь кесарю, отказывались клясться его геніемъ, и, хотя бы для виду, воскурить оуміамъ предъ его изображеніемъ.—Такъ ихъ казнили за исповѣданіе христіанской вѣры?—Нѣтъ, отвѣчаете вы, за обнаруженіе „сопротивленія власти“... Какая жалкая школьническая игра словами! Попробуйте-ка, г.

Кулаковский. играючи переставить слова такъ: по видимости государство карало за сопротивление власти въ ея законныхъ требованіяхъ; по существу же дѣла римская власть карала самое имя „христіанинъ“—и присмотритесь: такая разстановка словъ, кажется, будетъ болѣе подходить къ „существу дѣла“.

Право, даже какъ-то неловко серьезно доказывать, что очевидная нелѣпость есть очевидная нелѣпость...

(До слѣдующей книги).

Новооткрытый Кіевскій проповѣдникъ второй половины XVII вѣка.

I.

26-го января сего года членъ-корреспондентъ Церковно-археологическаго Общества при Кіевской духовной Академіи Ив. Игн. Яковина передалъ въ даръ Церковно-археологическому музею при той же Академіи рукописный сборникъ проповѣдей и разныхъ выписокъ южнорусскаго письма втопой половины XVII вѣка, полученный имъ изъ села Ярославца, глуховскаго уѣзда, черниговской губерніи, и въ настоящемъ своемъ составѣ заключающій 444 листка, in 4-о. Сборникъ значительно разбитъ, не имѣетъ ни начала, ни конца, и никакихъ надписей, которыя указывали бы на время и мѣсто его происхожденія, и на автора или составителя его. Поэтому пришлось анализировать составъ сборника и его содержаніе, чтобы отсюда извлечь какія-либо данныя о времени и мѣстѣ его происхожденія и авторѣ или составителѣ его.

Сборникъ писанъ разными руками. Основное содержаніе его составляютъ проповѣди, числомъ свыше 50-ти, и „различная собранія, ку проповѣди Слова Божія служащая“, т. е. различныя извлеченія и матеріалы для составленія проповѣдей. Все это писано одною рукою, хотя, повидимому, и въ разное время. Одна только проповѣдь на Успеніе Богородицы, на 423—431 листкахъ, писана другою рукою, съ латинскою замѣткою внизу: *descriptum est*. Этою же, повидимому, другою

рукою написано сказаніе о спасительныхъ страстехъ Господа Бога и Спаса нашего І. Христа, коль много пострада наченъ отъ вертограда Геесиманскаго даже до погребенія“ (л. 62—63), встрѣчающееся и въ другихъ рукописяхъ ¹⁾). Третьею рукою, уже на пробѣлахъ сборника и слѣдовательно позднѣе составленія его или отдѣльныхъ тетрадей его вписаны главы Синописа, частію на латинскомъ, частію на южнорусскомъ языкахъ, заключающія обзорѣніе ветхозавѣтной исторіи, начиная съ 5-й и оканчивая 15-й главой, а въ концѣ Синописа приписаны тою же рукою три силлабическія стихотворенія въ честь какого-то архіерея Стефана, къ сожалѣнію не сохранившіяся въ цѣломъ видѣ (л. 406—512 и 434—444). Кромѣ того, есть въ сборникѣ три приписки. На 194 листкѣ нынѣшняго новѣйшаго счета приписано: „Рокѣ ꙗꙗхꙗз мѣца иптерѣла кѣдъ дна кѣпнаемъ 8 жителѣи ромѣнскихъ Василъ и Герасима Чалинскѣхъ мѣшкающихъ за 68лою лошака шпакоскатого четвѣртымъ лѣтомъ на чотѣхъ часѣхъ вѣдѣчимъ за 8мѣмъ злостихъ тридцѣтѣхъ и три“. Эта приписка сдѣлана, повидимому, тою же рукою, какою писаны проповѣди сборника и матеріалы для нихъ, или же сходною. Подъ этою припискою есть позднѣйшее вычисленіе о древности ея, сдѣланное въ 1803 году. Наконецъ, на 371 листкѣ вписано черновое письмо слѣдующаго содержанія: „Мѣцѣ Пнѣ Префектѣхъ, многотивый Добродѣлю. Вѣдѣчи ꙗ посѣщенихъ всемогущиствомъ Творца немощію немалую, не могашъ и до сего часѣ до кѣцѣ Пна (вашецѣ папа) овозвѣстити писмомъ, типерича жѣхъ маленко ѹбѣловившихъ, прошѣ по семъ писанію донти до оца философѣйскаго професора зѣтихъ словомъ, что Бѣхъ кѣдѣаетъ, чи вѣдѣи живѣхъ, а на кого за тоѣ надобно бити челоуѣхъ вѣдѣетъ, именно на того, хтѣхъ восплативѣхъ монѣхъ непрѣтѣламъ целюрика зѣднатъ, понеже тѣхъ непрѣтѣлѣ сами по мѣмъ желанію имѣѣли росписатѣхъ и многократнѣ про-

сказавъ мнѣ о прощеньѣ, только жъ кѣзъ кѣдома оца филозофическаго профессора не хотѣлъ того счинитъ". По характеру, письмо это можетъ быть отнесено приблизительно къ половинѣ XVIII вѣка.

II.

Весь сборникъ состоялъ первоначально изъ отдѣльныхъ тетрадей, которыя соединены вмѣстѣ только въ послѣдствіи времени. Первые 18 тетрадей сборника перенумерованы были частію славянскими численными буквами, частію арабскими цифрами (1—126 листки нынѣшняго счета). Послѣ 18-й тетради дальнѣйшій счетъ тетрадей прекращается. Но, рядомъ со счетомъ по тетрадамъ, отъ начала сборника и приблизительно до половины его идетъ другая позднѣйшая арабская нумерація уже по листкамъ, которая мѣстами пользуется прежнею арабскою нумераціей по тетрадамъ, переправляя ее на свои цифры, и прерывается на 234 листкѣ новѣйшей нумераціи. Дальше она не продолжена, по всѣмъ признакамъ, потому, что авторъ второй нумераціи, встрѣтившись съ разбитыми и вложенными въ средину сборника тетрадами и листками его, не сумѣлъ расположить ихъ въ должномъ порядкѣ и прекратилъ самую нумерацію. Мы съ своей стороны возстановили порядокъ сборника, нарушенный расплетенными и разбитыми тетрадами и листками его, и сдѣлали свою новѣйшую пагинацію вверху листовъ, карандашемъ, которою и пользуемся при изслѣдованіи сборника.

Судя по удержавшимся въ переплетѣ тетрадамъ сборника, первоначальный порядокъ его проповѣдей былъ слѣдующій. Сначала помѣщены проповѣди на господскіе и богородичные праздники, преимущественно дванадесятые, такъ то: Рождество Христово, Благовѣщеніе, Воскресеніе Христово, Вознесеніе, Св. Троицу, Преображеніе, Воздвиженіе Честнаго Креста, Рождество и Введеніе во храмъ пресв. Богородицы, Срѣтеніе Господне, Успеніе и Покровъ пресв. Богородицы.

Эту серію проповѣдей можно назвать первою частию разсматриваемаго сборника ихъ. Вторую часть составляютъ проповѣди на праздники избранныхъ святыхъ, какъ-то: св. великомученицы Варвары, апостоловъ Петра. и Павла, святителя Николая, рождества Іоанна Предтечи, собора архангела Михаила, преподобныхъ Антонія и Θεодосія печерскихъ и великомученика Димитрія. Третью часть сборника проповѣдей составляютъ проповѣди на дни воскресные церковнаго года, а именно: въ недѣлю Оомину, св. женъ мѣроносицъ, въ недѣлю сыропустную, въ недѣлю страшнаго суда, въ недѣлю пятую великаго поста и въ недѣлю вайй. Соотвѣтственно этимъ частямъ сборника и годовому порядку праздниковъ и недѣльныхъ дней мы и расположили выпавшіе изъ него листы и тетради.

Но этотъ порядокъ проповѣдей сборника не есть первоначальный и хронологическій, а установленъ лишь по завершеніи всего круга проповѣдей и при сведеніи ихъ въ одно цѣлое, въ одномъ сборникѣ. Первоначально проповѣди писались, по мѣрѣ надобности, въ разное время и на особыхъ отдѣльныхъ тетрадахъ. Нерѣдко на одинъ праздникъ или недѣлю встрѣчается въ сборникѣ нѣсколько проповѣдей, очевидно, составленныхъ въ разные годы. Иногда къ одной извѣстной проповѣди придѣлано новое начало, для произнесенія ея, съ варіаціями, въ другое время и, можетъ быть, даже въ другомъ мѣстѣ (какъ напр., на листкахъ 72, 87—88, 93—95, 119, 126 и др.). Притомъ же, одни изъ проповѣдей писаны набѣло, безъ поправокъ, а другія, писанныя тою же рукой, сохранились только въ черновыхъ оригиналахъ, съ поправками и пометками самого автора проповѣдей. Съ такими поправками и пометками дошли до насъ проповѣди сборника: на Рождество Христово (л. 11—18), Воскресеніе и Благовѣщеніе вмѣстѣ (л. 40—46), на Благовѣщеніе и великую пятницу (л. 47—55), на Благовѣщеніе (л. 56—57), Воскресеніе Христово (л. 64—71), недѣлю женъ мѣроносицъ (л. 72—80), Вознесеніе (л. 96—103), Пятидесятницу (л. 104—110), три пропо-

вѣли на Преподобіе (л. 111—134), на Возвѣщеніе честнаго креста (л. 135—142), двѣ на Рождество Богородицы (л. 143—156), на Введеніе во храмъ пресв. Богородицы (л. 157—164), Срѣщеніе (л. 166—172), Успеніе Богородицы (л. 173—179), двѣ на Покровъ пресв. Богородицы (л. 182—192), три на день св. Николая (л. 207—231), соборъ архангела Михаила (л. 240—245), преп. Ѳеодосія Печерскаго (л. 246—252), преп. Антонія Печерскаго (л. 258—263), великомученика Дмитрія (л. 264—271), на недѣлю Ѳомины (л. 272—279), недѣлю Мученицъ (л. 280—287), недѣлю разслабленнаго (л. 288—292), недѣлю сыропустную (л. 293—299) и недѣлю страшнаго суда (л. 304—309). Вообще, большая часть проповѣдей сборника—съ поправками и пометками. А это значитъ, что мы имѣемъ дѣло съ автографомъ самого проповѣдника, который составлялъ свои проповѣди, по мѣрѣ надобности, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и что онѣ только съ теченіемъ времени соединены были въ одинъ сборникъ.

III.

Есть нѣкоторыя данныя и для опредѣленія времени составленія и произнесенія нѣкоторыхъ проповѣдей сборника.

Крайними хронологически опредѣленными пунктами, указывающими на время происхожденія проповѣдей, являются годы 1679 и 1696. Къ 1679 году должна быть отнесена одна изъ проповѣдей на день святителя Николая, въ которой говорится: „градъ Кіевъ темный отъ многоболѣзненной скорби для проліяннаго сими времени подъ своими стѣнами сарацинскаго плѣненія замышляетъ плащемъ ся пріодѣти“ (л. 218 на обор.). Здѣсь говорится о набѣгахъ агарянскихъ подъ самый Кіевъ и объ укрѣпленіи его отъ этихъ набѣговъ. А это было въ 1679 году, при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. „Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ (желая защитить Кіевъ отъ турокъ), посла... боярина и воеводу и намѣстника Смоленскаго, Петра Васильевича Большаго Шереметьева съ особенными многочисленными конными

и пѣшими вои... По его жѣ царскаго пресвѣтлаго Величества указу, и малороссійскіи многочисленніи войска къ Кіеву придоша; (а) гетманъ (былъ)... Іоаннъ Самойловичъ... Благоразумніи же вожди... все лѣто стояху ополчены окрестъ Кіева, съ великимъ опасеніемъ всячески поганныхъ прихода, или похода ожидаху. Тогда же и мосты на Днѣпръ подъ Кіевомъ пространные и крѣпкіе, каковыя отъ древнихъ временъ не бяху, по государеву указу, мудрымъ мастеромъ ратныи Царскаго Величества стрѣльцы, строеніемъ стольника и полковника, пана Стефана Ивановича Янова, на стругахъ, на якоряхъ и на коватахъ, удобнаго ради и скорѣйшаго перехода противу супостатовъ содѣлаша... Въ порожнованю часу оного не трачячи, войска московскіе верхній городъ Кіевъ, идеже церковь св. Софіи и катедра митрополитовъ кіевскихъ, глубокими рвами и высокими валами обведоша и умоцниша; а войска казацкіе, за поводомъ гетманскимъ, городъ Кіевъ, печерскій, откинувши палѣ, ими же былъ обставленъ, тожъ рвами и крѣпкими валами обваровали и уфундовали“ ¹⁾. Позднѣйшею же проповѣдію нужно признать слово на день Рождества пресв. Богородицы, гдѣ, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Гдѣшнѣ Црѣ Материмъ и дѣамъ славо. І дла того же самого к' той часѣ на земаю прихдѣшиа, которого пресвѣтлѣйшии Гдѣхъ Црѣ и великіи князъ Петрѣхъ Алексѣевичъ дла побѣды враговѣхъ крѣта Гдѣна отъ црѣвниного евого ѡдалася быхъ прѣтѣла, а былъ к' мѣсто нго црѣвненнымъ скупитромъ владѣла. Ево прѣто нѣкшнимъ рожденіемъ твоимъ впиши к' родъ царѣхъ нѣснаго ко и онѣхъ тимъ же по црѣю нѣсномъ идѣши слѣдомъ тысящнѣи дла спѣшиа нашего по земаи и по морю понесла неааганѣа, испанѣа, динѣи и нощнѣи единѣа“ (л. 156 на обор.). Здѣсь Петръ I упоминается безъ брата своего Іоанна Алексѣевича, который скончался въ 1696 году, и дѣлается намекъ

¹⁾ „Сборникъ матеріаловъ для исторіи, топографіи Кіева и его окрестностей“. Кіевъ, 1874 г., отд. I, стр. 45.

на обстоятельства взятія Петромъ I Азова у турокъ въ томъ же 1696 году¹⁾.

Между этими двумя хронологическими пунктами можно, хотя приблизительно, расположить хронологически и нѣкоторыя другія проповѣди сборника. Такъ, въ словѣ на день святаго Николая проповѣдникъ дѣлаетъ выписку изъ „Обѣда душевнаго“ Симеона Полоцкаго (л. 222); а эта книга издана была въ 1681 году²⁾, раньше котораго не могла быть составлена и проповѣдь. Между 1682. и 1696 годами, т. е. въ совмѣстное царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей, составлены тѣ проповѣди сборника, въ которыхъ современные проповѣднику Московскіе государи упоминаются или прямо съ этими именами, или во множественномъ числѣ. Таковы проповѣди: на Воскресеніе Христово (л. 87), Преображеніе Господне (л. 125 на обор.), на день апостоловъ Петра и Павла (л. 206), на день успенія преподобнаго Θεодосія Печерскаго (л. 257 на обор.). Въ послѣдней проповѣди авторъ обращается къ преподобному Θεодосію съ молитвою о дарованіи государямъ побѣды надъ видимыми супостатами (л. 257 на обор.), вѣроятно, во время одного изъ походовъ князя Голицина въ Крымъ въ 1687 или 1689 годахъ. Подобная молитва есть и въ словѣ на Рождество Предтечи, гдѣ проповѣдникъ обращается къ Предтечѣ съ такими словами: „Предиди жъ и предъ х^рг^ис^им^ииничими полками нашими и пропосѣждь намъ поскѣдъ на х^рг^ис^ининакистніи краги наши кидимѣи и некидимѣи“ (л. 233). Есть нѣсколько проповѣдей съ описаніемъ герба или съ упоминаніемъ имени гетмана Ивана Степановича Мазепы, который выбранъ въ это достоинство послѣ перваго крымскаго похода московскихъ и казацкихъ войскъ, въ 1687 году³⁾, и слѣдовательно составленныхъ въ періодъ времени съ 1687 года и до завершенія

¹⁾ „Лѣтопись Самойла Величка“, Т. III, Кіевъ, 1855 г., стр. 86—88.

²⁾ „Очеркъ славянорусской библиографіи“, Л. М. Ундольскаго, Москва, 1871 г., 107 стр. № 978.

³⁾ Величко. III. стр. 22 и слѣд.

сборника въ 1696 году. Таково, наприм., слово на Рождество Христово, гдѣ такимъ образомъ описывается гербъ Мазепы: „Мѣщѣи и благочестивый кожѣ нашѣ в гетманомъ тѣмъ знаменіи таковое древо, въ нѣмъ образъ ясли алко колѣнки, к' горѣ образъ крѣста знаменѣи“ (л. 26)¹⁾. Подобное описаніе герба Мазепы есть и въ словахъ сборника на Воскресеніе Христово (л. 71), и на Воздвиженіе честнаго креста (л. 142), а въ словѣ на недѣлю женъ муровосиць прямо упоминается гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Іоаннъ Стефановичъ (л. 72).

Наконецъ, есть въ сборникѣ и такія проповѣди, годъ составленія которыхъ можно опредѣлить съ большею или меньшею точностію. Такъ, слово на Благовѣщеніе пресв. Богородицы, 25 марта, сказано было въ страстную пятницу, на которую падалъ этотъ праздникъ (л. 52); слѣдовательно, пасха въ этомъ году была 27 марта, что могло быть только въ 1687 году²⁾. Въ словѣ на Покровъ Пресв. Богородицы проповѣдникъ говорить: „ясли въ ясли горѣи чѣ и лючѣише время подобаетъ намъ и снѣ Бжій и дѣи Матери горячіе молитвы проливати, яко въ нѣкшій, когда на стѣкѣи окрестніи вѣды, нѣжди и вранѣ окрестит. Посмотримо в' кѣсманскѣи сторонѣ; тамъ яко лючѣи зкѣи на здравіе наше збѣлами скрежирѣт. Сосѣди и братѣ наши власными тѣлами власніе пороги свои постигали (на сторонѣ противъ этихъ словъ замѣчено: „на той чѣ покѣи было на Запорожѣ“), а що ни жалоснѣиша, зъ самой адской пропасти нестѣищаа черезъ вывѣхнѣи хотѣ на гладомъ поморити, зъ власныхъ вѣстѣи нашихъ хлѣбъ намъ выдала и выдѣи“ (л. 190 на обор.). А моровая язва въ Запорожьи, и саранча, и тревожное время были, по свидѣ-

¹⁾ См. гербъ Мазепы съ его портретомъ на гравюрѣ Иларіола Матуры, 1705 г., по „Указателю Церковно-Археологическаго музея“, Кіевъ, 1880 г., стр. 15, № 9.

²⁾ „Краткія таблицы, необходимыя для исторіи, хронологіи“ и проч., Н. Горбачевскаго, Вильна, 1867 года.

тельству Самуила Величкі, въ 1690 году ¹⁾). Повидимому на то же безпокойное, тревожное время указываетъ и слово на день святителя Николая: „под часъ тѣхъ нѣсп койныхъ часокъ, враны и кроки полныхъ, вѣдетъ намъ Сѣтигель Хрѣтосъ Николай знакомъ вѣчного примѣра“,—говоритъ проповѣдникъ (л. 170). Слово на соборъ архангела Михаила сказано было проповѣдникомъ въ городѣ Стародубѣ, съ обращеніемъ къ Стародубскому полковнику Михаилу (л. 145 на обор.), подѣ которымъ нужно разумѣть стародубскаго полковника Михаила Миклашевскаго, бывшаго на этой должности съ 1690 по 1706 годъ ²⁾; слѣдовательно, составлено не раньше 1690 года. Одно слово сказано на второй день Пасхи и вмѣстѣ на Благовѣщеніе пресв. Богородицы (л. 39); слѣдовательно, Пасха въ этомъ году была 24 марта, что могло случиться лишь въ 1694 году ³⁾. Въ тотъ же годъ сказана проповѣдь на день преставленія преп. Оеодосія Печерскаго, 3 мая, совпадавшій съ по праздниствомъ Вознесенія Господня (л. 246) ⁴⁾. Въ вариациі слова на Воскресеніе Христова проповѣдникъ цитуетъ Четь-Минею, говоря: „слова сѣтѣ написанніи кѣ житіюхъ гѣтыхъ лицѣ Іанваріа во ктосый денѣ на листѣхъ чѣтѣхъ“ (л. 95). А вторая часть Четь-Миней св. Димитрія Ростовскаго, заключающая въ себѣ Январь мѣсяцъ, въ первый разъ напечатана въ Кіевѣ въ 1695 году ⁵⁾, раньше котораго не могла быть составлена и проповѣдь.

Остальныя слова сборника могутъ быть распредѣлены хронологически только приблизительно, по сличеніи ихъ въ палеографическомъ отношеніи съ точно датированными проповѣдями, причѣмъ за общій признакъ сравнительнаго стар-

¹⁾ „Лѣтопись Самуила Величкі“, Т. III, стр. 86—88; см. „св. Димитрій Ростовскій и его время“, Н. А. Шляпкина, С. П. Бургъ, 1891 г., прилож. стр. 8.

²⁾ „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“, т. I, Кіевъ, 1876 г., стр. 745.

³⁾ „Краткія таблицы“, Н. Горбачевскаго.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ См. „Сочиненія св. Димитрія, митроп. Ростовскаго“, Кіевъ, 1825 г. ч. 1, стр. 9.

шинистра проповѣдей нужно признать ихъ шрифтъ: чѣмъ старше письмо, тѣмъ мелче шрифтъ, въ силу того общаго закона, что въ болѣе молодые годы авторъ пользуется лучшимъ зрѣніемъ, чѣмъ подъ старость, и потому мелче пишетъ, чѣмъ въ позднѣйшіе годы. А въ разсматриваемомъ сборникѣ различіе шрифтовъ одного и того же письма въ этомъ отношеніи весьма замѣтно.

IV.

Мѣсто составленія или произнесенія проповѣдей сборника нерѣдко указывается въ нихъ самихъ.

Больше всего произнесено проповѣдей въ монастыряхъ и церквахъ города Кіева и его окрестностей. Въ словѣ на Благовѣщеніе и вмѣстѣ Страстную Пятницу, 1687 года, проповѣдникъ, между прочимъ говоритъ: „презанныхъ искрениа Могіліанского кѣридарѣ (viridarium) предстоащихъ цвѣтк младицкхъ киждѣ, толнко вѣдѣтїю тѣмю цитѣющихъ цвѣтокъ кити сѣждѣ... Мѣшицъ кѣкѣмъ, — обращается далѣе проповѣдникъ къ Богородицѣ, — к семъ кнѣзградѣ тѣмѣмъ Бѣгомъ данного к Бѣгъ при(елевного) Теофана сѣдоостроителя, мѣшицъ к мѣсто оуричника тѣмю Іосифа, Іосифа дѣскаго кнѣзграда сего Хѣа дѣлателя. Сѣи то Бѣгомъ насажденїи цвѣтѣи кѣкѣрѣ по томъ такъ кѣкоце и далѣе короню процвѣтѣтѣ, же нинѣ з нихъ овиширю примѣдрости сѣмъ ѣчителскѣ заѣвѣшии катедри, и дѣхѣнїи амѣони, не тѣлко широко землю, але и самѣе найвысшїе нѣса наполнѣт славою. Інїе на полю Марѣкомъ нпрѣмѣтелскомъ скроплени росю вѣнїи отчизнѣ процвѣтѣт лавры“ (л. 55). Слѣдовательно, проповѣдь сказана въ Благовѣщенской Церкви Кіево-Братскаго монастыря, въ присутствїи воспитанниковъ Коллегїи и начальствующихъ лицъ ея Теофана и Іосифа. Изъ нихъ Теофанъ судостроитель есть бывший ректоръ Кіево-Могилянскои Коллегїи Теофанъ Прокоповичъ I, который, по словамъ Аскоченскаго, былъ ректоромъ сей Коллегїи съ 1676

до 1684-го года ¹⁾, а по свидѣтельству св. Димитрія Ростовскаго, и скончался въ Кіево-Братскомъ монастырѣ 3 апрѣля, 1689 года ²⁾. Въ словѣ на день св. Николая, 6 декабря, проповѣдникъ говоритъ о Кіевѣ слѣдующее: „Шитилса къ прадѣ нигдѣ и втормый нашъ Іосанн посланый градъ Кіевъ золотилин коротамин, подлагъ инсанѣ пррчкскго Преслакиа глѣшася о тебѣ градѣ Кѣѣ, аюентъ Гндъ кратъ Сіонъ паче ксѣхъ селеній Іаковлыхъ. Але тѣнъ золотѣнъ кратъ беззаконій ради нашихъ к' рѣки зашедши іноплемянническѣи потѣмнѣли и очирнѣли, и злато премѣнилось къ влато“ и проч. (л. 208 и на обор.). Другое слово на день святителя Николая сказано было проповѣдникомъ въ Кіевскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ. „Пришедши здѣ ко пѣстыню, ко преслакиѣ чокъ оентель пѣстынножителнѣю, — говоритъ проповѣдникъ, обращаясь къ святителю Николаю, — ни подокантъ ми нѣ о чемъ такъ далече яко о дръкскѣхъ глѣти“. А въ другомъ мѣстѣ той же проповѣди перечисляются Кіевскіе монастыри и церкви во имя святителя Николая: „Николай Добрый, Мокрый, Притискій, Набережный, Пустынный“ (л. 219 и 220 на обор.). Въ словѣ на недѣлю Страшнаго суда проповѣдникъ говоритъ о себѣ, какъ житель Кіево-Печерской Лавры: „Пронзойдѣтъ и отъ нхъ пиреръ нашихъ подземныхъ, свѣтила мѣрѣ россійскомѣ, Варлаамин, Іоаннин, многострадалнин, Екстратин, Павлин прпростѣи“, и проч. (л. 305). Одно изъ словъ на Преображеніе Господне сказано въ Межигорскомъ Преображенскомъ монастырѣ близъ Кіева, какъ видно изъ начала этого слова: „Не могли, влѣтчиный слѣхачѣ, — говоритъ проповѣдникъ, — спосокнѣишиго ократи мѣстца, з' которого вѣсно нѣѣшнмѣ пргласномѣ Христа Спѣнтгелѣ нашего на горѣ Фаворетнѣи пргмострѣлѣхъ прокраженію, яко сѣи пргласной окнтелѣи Межигорской іпснѣи и влѣсловоинѣи горы“ (л. 127).

¹⁾ „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академією“, В. Аскаченскаго, ч. 1, Кіевъ, 1856 г., стр. 212.

²⁾ „Счащенія св. Димитрія, м. Ростовскаго“, Кіевъ, 1825 г., ч. 1, стр. 326.

Есть въ проповѣдяхъ сборника указанія и на другіе города, кромѣ Кіева, въ которыхъ проповѣдникъ произносилъ нѣкоторыя изъ своихъ словъ; но эти указанія всегда сопровождаются какими-либо оговорками, которыя показываютъ что проповѣдникъ былъ въ томъ или другомъ городѣ только временнымъ, случайнымъ гостемъ, а не постояннымъ жителемъ. Такъ, въ словѣ на Покровъ пресв. Богородицы, сказанномъ въ Нѣжинской Покровской церкви, проповѣдникъ говоритъ „возлюбленнѣйшій слухачѣ, загралилося для нѣжинскаго до знаменитого и прелестнаго града Нѣжина, абысмо тѣмъ цѣсколки продали и купили“ (л. 186). Слово на соборъ архангела Михаила и всѣхъ безплотныхъ силъ произнесено было проповѣдникомъ въ Стародубѣ, въ нынѣшней черниговской губерніи съ упоминаніемъ имени Стародубскаго полковника Михаила Миклашевскаго¹⁾. Трапезу небесную „Жителямъ града сего нестѣнне свѣщю,—говоритъ проповѣдникъ,—а найказѣйшій неслучомъ въ імени своемъ їма архистратига сѣаго Михаила, начальника полка сего Стародубовскаго“ (л. 245 на обор.). Проповѣдникъ не называетъ Стародубъ нашимъ городомъ, какъ онъ называлъ Кіевъ, а прилагаетъ къ нему только указательное мѣстоименіе *сей*. Есть еще одно слово на день св. великомученика Димитрія, сказанное въ какомъ-то полковомъ городѣ съ обращеніемъ къ мѣстному полковнику Димитрію. „Борѣ насъ преддѣли Дѣка племеніи христіановъстнѣй Агаръ и Махометъ. Подай престо и намъ непсѣднимѣю чкою крѣпостъ и силъ а найказѣйшій тѣзонминитомъ ти Димитрію, хуаѣромъ и мѣжитвинномъ полкъ сего предводителемъ, аки и снѣ помощію твоею добръѣ по вса дни подвижалса и побѣждалъ полки противны агоранъ, ако жъ уже и самимъ дѣломъ истъ“ (л. 270 на обор.). А полковники съ именемъ Димитрія въ концѣ XVII вѣка встрѣчаются въ полкахъ Переяславскомъ—Думитрашко Раичъ 1672—1676 г.г., и Прилуцкомъ—Димитрій Чернявскій съ

¹⁾ См. выше, та 101 стр. примѣч. 2.

1679 года и Дмитрій Лазаревичъ Горленко, 1693—1708 г. г. Скорѣ здѣсь разумѣется послѣдній полковникъ, построившій въ Густынскомъ монастырѣ церковь¹⁾. Во всякомъ случаѣ, проповѣдникъ былъ въ томъ или другомъ изъ этихъ городовъ только случайно, проѣздомъ, какъ онъ говоритъ объ этомъ въ припискѣ къ своему слову: „Же к градѣ сѣмъ здарнаомисѣ поклонѣ мой отдавати к дѣнъ Ангѣла и патрона милости кашей, что очъ его жъ самого мою мѣсѣ зачинаю“ (л. 271).

Изъ приведенныхъ выписокъ видно, что проповѣдникъ былъ постояннымъ жителемъ г. Кіева, по бывалъ проѣздомъ и проповѣдывалъ въ городахъ Нѣжинѣ, Стародубѣ и еще какомъ то полковомъ городѣ, или Череевѣ, или Прилукахъ.

V.

Другая основная часть разсматриваемаго Сборника заключаетъ въ себѣ „Различнаѣ собраніѣ, къ проповѣди слова Бжїѣ сѣбѣжаща“. Въ этой части помѣщены выписки изъ разныхъ книгъ и замѣтки самого автора, писанныя тою же рукою, какою и проповѣди, а иногда и помѣщающіяся среди самихъ проповѣдей, въ пробѣлахъ между ними. Смотря по различію источниковъ, эти выписки и замѣтки писаны частію на южнорусскомъ литературномъ языкѣ того времени, частію на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Между прочимъ здѣсь есть: „Собраніе различныхъ вещей отъ книги глаголемой Житія Святыхъ Отецъ“ (л. 535); *Significationes psalmorum nonnullae et varia, notata* изъ блаженнаго Августина (л. 344); выписки изъ Бернарда (л. 342); *Digressiones morales, ex Phisica excerptae ad utilitatem cancionatoris* (л. 376—377); *Notata z kaznodzieie Kaczynskiego, societatis Jesu* (л. 357—370); *Ex patre Mlodz. т. е. Młodzianowskiego* (л. 381 и сл.). и проч.

¹⁾ „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I,

Эти выписки и замѣтки служили матеріаломъ для составленія проповѣдей, заключающихся въ первой, основной части сборника. Такъ, напр., въ выпискахъ и замѣткахъ есть статья, подъ заглавіемъ: „Скѣтѣй ідиноначалнои и живѣтѣформѣй Тройци славацѣа“, гдѣ помѣщенъ одинъ рассказъ изъ „Луга духовнаго“ Софронія о явленіи пустыннику діавола, который не могъ произнести словъ: „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа“, и приведенъ, на южнорусскомъ и латинскомъ языкахъ, цѣлый рядъ разныхъ богословскихъ и моральныхъ примѣненій и толкованій къ этимъ словамъ (л. 325—327). И въ словѣ о Св. Троицѣ на праздникъ Пятидесятницы повторяется тотъ же рассказъ изъ „Луга Духовнаго“ и почти буквально приводятся тѣ же самыя моральныя примѣненія къ тремъ лицамъ Св. Троицы. „Мы прето,—говорить проповѣдникъ,—во имя Тройци Прѣтымъ кѣлкое дѣло доброе начинаючи коздадемъ кѣгда слава Бѣѣ, а найкарзѣй:

Во имя Отца Іамнѣмага Корѣн', отверзѣмъ корѣн' кѣѣмъ злымъ сѣролюбѣе, а к' любѣѣ Бжѣей прѣвдѣѣмъ к' крѣнѣны.

Во имя Сѣа отъ Отца рождѣнна, породѣмъ и сотворѣмъ плоды достѣйны покланѣя.

Во имя Дхѣ отъ Отца происхождѣща, произведѣмъ коздыхѣнѣмъ ірѣчнаѣмъ о грѣсѣхъ и ісхѣдѣнѣа коднаѣмъ отъ очѣѣхъ нашихъ“, и проч. (л. 109 на обор.).

Особенный же интересъ въ проповѣдническихъ матеріалахъ сборника представляютъ выписки изъ проповѣдей польскихъ іезуитовъ, ксендзовъ Качинскаго и Млодзяновскаго. Изъ нихъ Павелъ Качинскій, попеременно управлявшій обществами іезуитовъ въ Ярославѣ, Люблинѣ и Краковѣ, въ теченіи 12 лѣтъ проповѣдывалъ въ Люблинѣ и оставилъ послѣ себя много проповѣдей, изъ числа коихъ напечатаны были: „Проповѣди на недѣли всего года“, въ Калишѣ, въ 1675 году (томъ второй вышелъ въ 1697 г.); „Проповѣди на праздники всего года“ въ Калишѣ въ 1684 году. Самъ онъ

умеръ въ 1676 году¹⁾. Оома же Млодзяновскій родился въ 1622 году, а умеръ въ 1686 году. Онъ оставилъ послѣ себя „проповѣди и бесѣды на недѣли и праздники“, изданныя въ 1681 году въ Познани, въ четырехъ томахъ²⁾. Въ числѣ выписокъ изъ проповѣдей ксендза Качинскаго въ нашемъ сборникѣ есть между прочимъ выписка о томъ, — „почему Богъ человека падшаго избавилъ, а ангела нѣтъ“? (л. 365). Этимъ же вопросомъ задается и нашъ проповѣдникъ въ словѣ на Богоявленіе и мѣстами рѣшаетъ его точно такъ же, какъ онъ рѣшенъ въ выпискѣ изъ Качинскаго. „Суть еднакъ нѣкоторыя причины прозконтѣн, — говоритъ нашъ проповѣдникъ, — для чого барзѣн члѣка откупилъ Бгъ, а нѣжеан Агла. Перкал ит' блжнннаго Августина. Поникаж меншаа част' Агловъ упала и погнела; вса же натѣра члѣчкаа проклатѣмъ была зараженна; поникаж Адамы к' себѣ нѣбы к' коринѣ заразила ксе племе члѣчкое, и з' погнешимн Аглан вѣчноу стдала караню. Итакъ ксе созданіе члѣчкое погнело бы для которого вса суть созданна“, и проч. (л. 38). Что же касается Млодзяновскаго, то нѣкоторыя мысли его, именно изъ его слова на очищеніе Богородицы (л. 381) мы нашли въ словѣ нашего Сборника на Срѣтеніе Господне (л. 170 и 172 на обор.). Эти и подобныя заимствованія показываютъ зависимость нашего проповѣдника въ матеріалахъ и пріемахъ проповѣди отъ польско-католическихъ проповѣдническихъ образцовъ второй половины XVII вѣка. Но духъ и направленіе проповѣдника неизмѣнно оставались православными. Въ словѣ на недѣлю Оомину проповѣдникъ мимоходомъ отвергаетъ католическій догматъ объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына (л. 274).

Итакъ, проповѣди сборника и выписки и замѣтки, слу-

¹⁾ *Historja Wymowy w Polsce*, K. Mecherzyńskiego, Krakow, 1860, Tom. III, стр. 310

²⁾ Тамъ же, стр. 285 и 286. О Млодзяновскомъ см. изслѣдованіе Д. С. Мацѣевича въ „Трудахъ Киевской Дух. Академіи“ за 1870 годъ.

VI.

¹⁾ „Обзоръ русской духовной литературы“, Филарета, изд. 3, С. Петербургъ, 1884 г., стр. 263.

оубѣѣ и воинскѣ к' црѣткѣ свое прихѣдит'. Тѣшилъ и вто-
рый приходъ его на рѣкѣ Иорданскѣ, бо и тамъ з' нѣтъ и
природн лѣвъ отъ колѣна Юдова сынъ в' тихого и смиренного
премѣнившись Агнца, такъ свое отъ самаго преланика своего ото-
бралъ бѣднѣе: се Агнецъ Бжїи въ землѣи грѣхъ и
мїѣ (Ісан. 53, 7) А нѣтъ виждѣ, о члвчѣ, акъ тогѣ жѣ
тихїи и незлобїи Агнца, в' ака сродно рыкающего, Младенца
убоими покрѣтъ, к' мѣжа совершена: рабѣ и слѣга кѣмъ к' жесто-
кого црѣ и сдѣю мечъ к' сѣтѣхъ погнѣного премѣнился"
(л. 304) ¹⁾.

Есть въ сборникѣ и несомнѣнное произведеніе св. Ди-
митрія, это—Синописъ съ пятой главы по пятнадцатую, пи-
санный на пробѣлахъ сборника частію на латинскомъ, частію
на южнорусскомъ книжномъ языкѣ и представляющій изъ
себя первичную редакцію его „Лѣтописи, сказующей вкратцѣ
дѣянїя отъ начала міробытія до Рождества Христова“, съ при-
бавленіемъ въ концѣ трехъ силлабическихъ стихотвореній въ
честь архіерея Стефана Яворскаго, съ которымъ св. Димитрій
находился въ дружескихъ отношенїяхъ ²⁾.

Но именно этотъ Синописъ или лѣтопись и приложен-
ныя къ нему вирши въ честь Стефана Яворскаго прежде всего и
доказываютъ, что проповѣди сборника не принадлежать св.
Димитрію Ростовскому. Какъ Синописъ, такъ и вирши пи-
саны собственноручно св. Димитріемъ Ростовскимъ, какъ мож-
но убѣдиться въ томъ изъ сличенїя почерка ихъ съ несомнѣн-
но собственноручнымъ письмомъ сего святителя отъ 20 ок-
тября 1709 года къ М. Г. Грохольскому ³⁾. А между тѣмъ

¹⁾ См. „Сочиненїя св. Димитрія, митрополита Ростовскаго“, Кїевъ, 1825
г., ч. 2, стр. 8 и 9.

²⁾ Въ полномъ видѣ Лѣтописъ издава тамъ же,
дальше ея см. „Св. Димитрій Ростовскій и его время“
Бургъ, 1891 г., стр. 415 и сл..

³⁾ См. его въ книгѣ „Бѣлоруссія и Литва“, изд.
1890 г., стр. 269.

проповѣди Сборника, представляющія тоже чей-то автографъ, съ черновыми дополненіями и поправками автода. писаны другою рукою, не св. Димитрія. Притомъ же, хронологическія дѣйствія нѣкоторыхъ проповѣдей сборника, особенно же сказанныхъ проповѣдникомъ въ Кіевѣ, не совпадаютъ съ извѣстными доселѣ свѣдѣніями о времени пребыванія св. Димитрія въ этомъ городѣ. Такъ, напримѣръ, 25 марта 1687 года, когда сказано было слово сборника на Благовѣщеніе пресв. Богородицы въ Кіево-Братскомъ монастырѣ, падаетъ на то время, когда св. Димитрій былъ игуменомъ Батуринскаго монастыря¹⁾. Сходство же мыслей нѣкоторыхъ проповѣдей св. Димитрія съ соотвѣтствующими проповѣдями сборника можно объяснять или общностію ихъ источниковъ, или просто тѣмъ, что св. Димитрій несомнѣнно имѣлъ въ рукахъ этотъ сборникъ, вписавъ въ него свой Синописисъ, знакомъ былъ съ заключающимися въ немъ проповѣдями и могъ пользоваться ими въ своихъ собственныхъ проповѣдяхъ.

Тѣмъ не менѣе, автографъ св. Димитрія въ разсматриваемомъ сборникѣ даетъ понять, что авторъ проповѣдей сборника близокъ былъ къ св. Димитрію Ростовскому въ какомъ либо отношеніи и либо подарилъ, либо передалъ для округленія и изданія, либо оставилъ ему сборникъ своихъ проповѣдей послѣ своей смерти. Кто же такой былъ авторъ проповѣдей сборника, и когда этотъ сборникъ могъ перейти къ св. Димитрію Ростовскому?

VII.

Какъ мы видѣли выше, въ сборникѣ находятся определенно датированныя проповѣди 1679, 1687, 1690, 1694 и 1696 годовъ. Синописисъ же св. Димитрія и вирши его въ честь архіерея Стефана Яворскаго вписаны на пробѣлахъ сборника

¹⁾ „Св. Димитрій Ростовскій в его время“, Шляпникова, стр. 46 и 47 и прилож. стр. 8.

уже по его завершевіи, слѣдовательно послѣ 1696 года. Стефанъ Яворскій сдѣланъ архіереемъ, съ званіемъ митрополита Рязанскаго, въ 1700 году ¹⁾, а въ слѣдующемъ 1701 году самъ св. Димитрій вызванъ былъ въ Москву, рукоположенъ во архіерея ²⁾, навсегда оставивъ югъ Россіи, и вѣроятно вывезъ съ собою на сѣверъ нашъ сборникъ. Здѣсь около 1703 года, къ которому относятъ начало работъ св. Димитрія по составленію его келейной лѣтописи ³⁾, вписаны были отрывки первоначальной редакціи ея въ нашъ сборникъ. Такимъ образомъ, разсматриваемый нами сборникъ проповѣдей и проповѣдническихъ матеріаловъ могъ перейти въ руки св. Димитрія Ростовскаго между 1696—1701 годами. Отъ кого же?

Въ Діарѣ или дневныхъ запискахъ св. Димитрія изъ лицъ духовныхъ города Кіева, къ которымъ св. Димитрій имѣлъ такія или иныя близкія отношенія, упоминаются: митрополитъ Кіевскій Гedeонъ Святополкъ-Четвертинскій; кіево-печерскіе архимандриты Иннокентій Гизель, Мелетій Вуяхевичъ, Варлаамъ Ясинскій (впослѣдствіи митрополитъ кіевскій) и Іоасафъ Браковскій; игумены кіевскихъ монастырей Мелетій Дзикъ, Ѳеодосій Гугуревичъ, Иннокентій Манастирскій, Захарій Корниловичъ, Стефанъ Яворскій и бывший ректоръ Кіево-Могилянской Коллегіи Ѳеофанъ Прокоповичъ ⁴⁾. Но изъ нихъ пережили 1696 годъ, къ которому относится послѣдняя хронологическая дата сборника, только слѣдующія лица: Иннокентій Манастирскій, скончавшійся 17 января 1697 года; Варлаамъ Ясинскій, скончавшійся въ 1707 году ⁵⁾; Захарій Корниловичъ, умершій въ 1715 году въ санѣ Переяславскаго

¹⁾ „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академію“, Аскаченскаго, ч. 1, стр. 246.

²⁾ „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, Шляпкина, прилож., стр. 10.

³⁾ Тамъ же, стр. 415 и др.

⁴⁾ „Сочиненія св. Димитрія, митрополита Ростовскаго“, Кіевъ, 1825 г. ч. 1, стр. 316 и сл.; „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, Шляпкина, приложеніе, стр. 7 и слѣд.

⁵⁾ Тамъ же.

епископа; Іоасафъ Краковскій, умершій въ санѣ Кіевскаго митрополита въ 1718 году, и Стефанъ Яворскій, скончавшійся въ 1722 году ¹⁾. Но ни къ кому изъ этихъ послѣднихъ лицъ не подходятъ болѣе раннія хронологическія даты нашего сборника проповѣдей, начинающіяся съ 1679 года, кромѣ Варлаама Ясинскаго. Иннокентій Манастирскій явился въ Кіевъ только въ 1681 году ²⁾; Стефанъ Яворскій, послѣ заграничнаго образованія, возвратился въ Кіевъ въ 1689 году. Немного раньше Яворскаго возвратился въ Кіевъ изъ-заграницы и Іоасафъ Краковскій ³⁾. Неизвѣстна подробно жизнь Захаріи Корниловича до его епископства; но, повидимому, онъ все это время прожилъ въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, исполняя здѣсь разныя послушанія ⁴⁾, и не жилъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, какъ жилъ авторъ проповѣдей нашего сборника.

Что же касается Варлаама Ясинскаго, то онъ проживалъ въ Кіевѣ всѣ тѣ годы, къ которымъ относятся датированныя проповѣди нашего сборника, и дѣйствительно могъ составить и произносить ихъ. По окончаніи ученія въ Кіевской Коллегіи, Варлаамъ Ясинскій учился еще въ Краковской академіи и тамъ, не смотря на препятствія, увѣнчанъ „философскимъ колпакомъ“. Съ 1669 по 1673 годъ онъ былъ ректоромъ Кіевской Коллегіи ⁵⁾ и въ этомъ званіи произнесъ скорбное слово надъ тѣлами трехъ монаховъ Кіево-Братскаго монастыря, убитыхъ поляками близъ Кіева, за Бѣлогородкою ⁶⁾.

¹⁾ „Обзоръ русской духовной литературы“, Филарета, изд. 3, 1884 г., стр. 213, 214 и 269.

²⁾ „Св. Димитрій Ростовскій и его время“, Шляпкина, стр. 161.

³⁾ „Обзоръ русской духовной литературы“, Филарета, стр. 213, 314 и 269.

⁴⁾ „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею“, Аскаченскаго, ч. 1, стр. 215 и 216.

⁵⁾ „Обзоръ русской дух. литературы“, Филарета, стр. 209.

⁶⁾ „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею“, Аскаченскаго, ч. 1, стр. 202.

По оставленіи ректуры въ Коллегію, Ясинскій является въ 1674 году проповѣдникомъ Кіево-Печерской лавры ¹⁾, затѣмъ игуменомъ Кіево-Никольскимъ, съ 1684 года архимандритомъ Кіево-Печерскимъ, а съ 1690 года Кіевскимъ митрополитомъ ²⁾. Тотчасъ по вступленіи на Кіево-Печерскую архимандрію, Варлаамъ Ясинскій вызываетъ изъ Батуринскаго монастыря къ себѣ въ лавру св. Дмитрія Ростовскаго и поручаетъ ему составленіе Житій святыхъ, назначивъ его официальнымъ проповѣдникомъ лавры. Въ 1686 году св. Дмитрій снова принялъ на себя игуменство въ Батуринскомъ монастырѣ; но и послѣ того нѣсколько разъ возвращался въ Кіевъ для составленія и печатанія Житій святыхъ, а въ 1697 году назначенъ въ игумены Кіево-Кирилловскаго монастыря, гдѣ и оставался до 10 июня 1697 года. Вообще св. Дмитрій находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ Варлааму Ясинскому и пользовался особеннымъ его расположеніемъ. Вѣроятно, Ясинскій самъ и передалъ рукописныя свои проповѣди св. Дмитрію въ 1697 году. Около этого времени престарѣлый митрополитъ Варлаамъ Ясинскій настолько уже одряхлѣлъ, что нѣсколько разъ просилъ московскаго патріарха назначить ему помощника, съ титуломъ епископа Переяславскаго ³⁾, едва ли могъ самъ проповѣдывать, а потому и могъ передать сборникъ незаконченныхъ въ литературномъ отношеніи своихъ проповѣдей св. Дмитрію Ростовскому или для окончательной отдѣлки и приготовленія къ печати, или въ даръ, навсегда.

Что проповѣди разсматриваемаго нами сборника дѣйствительно принадлежатъ Варлааму Ясинскому и писаны имъ соб-

¹⁾ См. рукописную реторику латинскую Георгія Беккера Ельбингскаго въ библиотекѣ Кіевской дух. Семинаріи, № VIII. 1. 89, приписки на оборотѣ послѣдняго листа и на задней доскѣ.

²⁾ „Обзоръ русской дух. литературы“, Филарета, стр. 209.

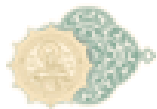
³⁾ „Св. Дмитрій Ростовскій и его время“, Шляпкина, стр. 38, 43, 46, 261, 267 и прилож. стр. 8—10; см. „Сочиненія св. Дмитрія, митрополита Ростовскаго“, Кіевъ, 1825 г., ч. I, стр. 334 и 335.

Труды Кіев. Дух. Акад. Т. II. 1892 г.

ственноручно, это подтверждается, во-первых, сличеніемъ очерка проповѣдей сборника съ собственными замѣтками Варлаама Ясинскаго на реторикѣ Георгія Беккнера, 1674 года ¹⁾, и подписями его на антиминсахъ 1705 и 1707 годовъ ²⁾, а во-вторыхъ—нѣкоторыми указаніями на его личность въ самыхъ проповѣдяхъ сборника. Въ одномъ изъ словъ на день святителя Николая, сказанномъ въ Кіевскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, проповѣдникъ говоритъ: „если образомъ пастыря нинго считаемъ Хрѣа Николаа, сїю насчкѣ отъ кышнего пастыра на мѣхъ рѣченнѣю цѣло, кодро и кѣрно сохранимо, констннѣ отъ самой истинны Сїа Блска Бїжнѣ еѣ слокае хлѣбнмъ“. И нѣсколько ниже: „подаеатъ кѣблмъ намъ, котрынемъ отъ нанкышного пастыра сїю прижлн пасткѣ..., настаклачнѣ“ (л. 221 на обор.). Эти слова могъ сказать только или настоятель Кіевского Пустынно-Николаевского монастыря, или мѣстный кіевскій архіерей, т. е. митрополитъ; а то и другое одинаково приложимо къ Варлааму Ясинскому. Въ концѣ той же проповѣди проповѣдникъ дѣлаетъ такое обращеніе къ святителю Николаю: „Сохраниѣ и козакленнаго ти соладжителя отцемъ отца и пастыремъ пастыря просѣннаго пастыря нїнго, и подаждь емѣ ко долготѣ днѣй яко второмѣ птенцѣ финнкѣ чистїю и слакою ко кѣбѣхъ концѣхъ зѣмни процѣтати. Я поемъ такъ рѣководителствомъ твоямъ стѣмъ яко и настоящего намѣ пастыра бѣмѣдрымъ и блѣгоразумнымъ правленїемъ, отъ зѣмныѣ еѣ пѣстнѣ прїеан на ко кѣртоградъ и кнпоградъ нѣснѣй“ (л. 224 на обор.). Подъ пастыремъ пастырей здѣсь нужно разумѣть или московскаго патріарха, или кіевскаго митрополита. Наконецъ, если проповѣди сборника приписывать Варлааму Ясинскому, то сдѣлается понятнымъ и то,

¹⁾ См. выше примѣч. 1 на стр. 113.

²⁾ Въ Церковно-археологическ. музеѣ при Кіевской дух. Академіи, вновь составленному каталогу №№ 2735 и 2736.

почему нѣкоторые изъ нихъ произнесены не въ Кіевѣ, а въ другихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Нѣжинѣ, Стародубѣ, Переяславѣ или Прилукахъ. Сдѣлавшись кіевскимъ митрополитомъ, Варлаамъ Ясинскій, въ сентябрѣ 1692 года объѣзжая всю свою малороссійскую епархію, былъ во всѣхъ полкахъ и монастыряхъ малороссійскихъ¹⁾. Во время этого или другихъ объѣздовъ епархіи онъ и могъ говорить проповѣди въ нѣкоторыхъ полковыхъ городахъ.

Впрочемъ, кто бы ни былъ авторъ проповѣдей нашего сборника, во всякомъ случаѣ онѣ заслуживаютъ полнаго вниманія изслѣдователей въ различныхъ отношеніяхъ: и въ связи ихъ съ другими южнорусскими проповѣдями того времени, и по своей зависимости отъ латинопольскихъ образцовъ и источниковъ, и по отношеніямъ проповѣдника къ московскому правительству, и особенно важнымъ для южно-русскаго филолога. Мы пытались рѣшить только первоначальные вопросы бібліографическаго свойства, предоставляя рѣшеніе другихъ вопросовъ, вызываемыхъ сборникомъ, специалистамъ.

VIII.

Въ заключеніе, сдѣлаемъ краткое описаніе проповѣдей сборника, въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ помѣщены въ немъ.

— л. 2—10... „Слово на рождѣтко Сѣна Слова Бжїѣ дѣла: Рѣхѣ се надъ. Уаа.“ Нач. „Ажъ надд(еръ) морнаѣ наѣхъ Сѣнъ Бжїѣ окѣтницами сѣхъ кнѣка чнѣлѣнн (лѣт)хъ. Сѣти прѣѣскими окѣцѣхъчнѣлѣ прїѣтн и не прїхѣдѣчнѣ“ — Конецъ проповѣди не дописанъ.

— л. 11—18. Слово на Рождество Христово. „Во імѣ Ѧтца и Сѣна и Сѣаго Дхѣа. Аминь. Прѣѣцѣстѣннѣе Слово, окъ разъ рака прїѣмъ, кѣкаѣтъ плѣтъ, не окѣтѣлѣнѣ ежѣтѣка. Слова окѣтѣ кнѣлѣтн зъ Ѧкафѣста вѣгородѣчна зъ стѣха чнѣломъ сѣмого, Нач.: Слово вѣрзо кѣлнѣе стѣлоѣа окѣрѣчнѣно.

¹⁾ „Лѣтопись Самоила Величѣа“, т. III, стр. 102.

— л. 19—27. Слово на Рождество Христово. „От кѣка танинѣтко открывається, и снѣ Бжїи инѣ члѣвчѣ кыкає“. Нач.: „Трѣдними наддѣр и мѣлѣками разѣмом члѣвчѣскимѣ непомѣтнимѣ початкѣ и конца не имѣющій Бгѣ от початкѣ свѣта забавляється рѣчами“.

— л. 28—36. Слово на Рождество Христово. „Хѣ рождається“. Нач. „Знайдыється таковый кѣ свѣтателѣи земныхѣ зкычай же ко крѣма тридникного костанїѣ Хрѣа трижди дѣргѣ ко дѣргѣ прокѣриает и отвѣкирует: Хѣ коскрѣ“.

— л. 37—38. Отрывокъ слова на день крещенія Господня.

— л. 39—46. „Во имѣ отца коскрещиваго, снѣ коскрещеного, и Дѣа прѣсвѣтаго спосокѣтѣкоакшаго коскрещенїю Хрѣа. На днѣ который коскрещенїѣ Хрѣа и Блгосвѣщенїѣ Богородициѣ к'кѣпѣ. Жены блгосвѣщенїца сїонѣ рѣкѣте: прїйми от на радости блгосвѣщенїѣ коскрещенїѣ Хрѣа“. Нач.: „Не една радост' единого того ж днѣ первого по костанїи Хрѣом к' мысленный снѣ свѣта в' разѣмнїи днѣи и срдца наша закинула“.

— л. 47—55. Слово на Благовѣщенїе пресв. Богородицы. „In nomine Sanctissimae Triadis et in laudem beatissimae Virginis Matris Divinum Verbum concipientis. Днѣи сїонѣ изыйдѣте цѣа Соломона ко вѣнцѣ, нем же вѣнча нѣо мѣти ко днѣ жениткѣи его и ко днѣ кеслѣѣ его срдца его. Слова сѣт дѣнѣтвѣм Дѣа прѣтаго чрез ѣстнѣ Соломонови с ннѣшней прѣславной цѣа ннѣного коронацїи и жениткѣѣ выреченїе к' Пѣснѣх Пѣснїи к' главѣ г“. Нач.: „Не единыѣ зѣѣ от предѣлощихѣ людѣи к' главокоѣ мисл' свою запѣстивши разѣвѣднїе, значнимѣ знѣтый быти мѣснѣт ѣднѣленїем“.

— л. 56—61. Слово на Благовѣщенїе пресв. Богородицы. „Се рака Гїдна, вѣди мнѣ по глѣ тксемѣ: и отидѣ от нен ѣглаѣ“. Нач.: „Той ест' посполитый людїи справѣдливыхѣ зкычай, же тогды найкавѣнїи смиряютьсѣ, кгда видѣтѣ себе великимѣи от Бгѣ дарами и высокимѣи чистѣмѣи почтеннымѣи быти“.

Підготовлено Київської Духовної Академії і Семинарією,
<http://kdais.kiev.ua>

— л. 96—103. Слово на Вознесение Господне. „Гдѣ вознесѣся на нѣбо и сѣде одеснѣю Бга“. Нач.: „Же Хі Гдѣ днѣшнѣшнѣго з' благоговѣннымъ тѣломъ и дшю прѣвѣстою вознесѣтѣся на нѣбо, не маємо чѣмъ дивитѣся“.

— л. 104—110. Слово на св. Троицу. „Трѣе сѣт' свѣдѣтелствующїи на нѣси О́тца, Слово и Сынъ Дхъ, і сѣ трѣе едно сѣт'“. Послание Іоанново глава ѿ зач. ѿдѣ. Нач.: „Тайнѣ Троици Прѣтѣмъ жадѣмъ ѡзыкъ анѣ на нѣси анѣ на землѣи кѣмъ мовити не можѣт'“.

— л. 111—117. Слово на Преображение Господне. „Прѣобразѣся предъ нами и просвѣтѣся лице его іако сѣнце“. Нач.: „Прѣспѣвъ днѣ Прѣобразенїѣ Гдѣмъ, бл҃гочѣивый сѣхъ(ахъ)“.

— л. 119—126. Слово на Преображение Господне. „Во імѣ О́тца и Сна и Сего Дха ѡмин'“. Полт' Іс Петра, Іакова и Іоанна на горѣ высокѣ едїны и прѣобразѣся предъ нами“. Нач. „По compassionate коемъ отъ чистаго Дви Матере чрека, люко отъ лѣтъ двѣдцѣти и болше на каждыи днѣ Снъ Бжїи з' козлюбленными Сченики скончи по морѣ и по землѣи дорогѣ отпрабѣючи козкѣю мѣкаѣ вѣсѣдѣ и розмовѣ“.

— л. 127—134. Слово на Преображение Господне. „Полт' Іс Петра, Іакова и Іоанна на горѣ высокѣ едїны и прѣобразѣся предъ нами Матфїи глава 3ї зач. ѿ“. Нач.: „Не могѣ бл҃гочѣивый сѣхъ(ахъ) спосовѣннѣшого сврати лѣвѣща, з' ко-чъ рога бы ашо нѣшнѣмъ прѣвѣстою Христа Свѣтѣлаѣ нашего га горѣ Оаворогѣи прѣмѣотрѣваѣся прѣобразенїю, аю єи прѣвѣстою свѣтелѣи Межигорѣкѣи спенїи и благоговѣнїи горы“.

— л. 135—142. Слово на Воздвижение честнаго креста Господня. „Мнѣ да не вѣдетъ хвалитѣся, чтоаю с крѣчѣ Гдѣа нашего Іса Ха. Слова сѣт' ізбраниаго сѣбѣа Хрѣа Павла отаго. Зач. єї к' Галатѣмъ гла. ѿ“. Нач.: „Гдѣокаѣся нѣгдѣи срдѣцѣи и вѣсѣлаѣся дшю знаменитый снъ кесар Гнѣскїи Гнѣсїи“.

— л. 143—150. Слово на рождество пресв. Богородицы. „Всѣ дѣла ближнихъ моѣ, и порока нѣтъ къ тебѣ. Сантик. с. 4“. Нач.: „Звѣчай посполитый свѣта сего ест, їж кгда к' домѣ лком привѣтломъ цркомъ, шлахѣтномъ леолн и простомъ, ново отроча родитхѣся, домашній, ближній, и согѣдн сошедшихъ примѣтхѣтъхѣся пиано, що за положене лица, очей и иныхъ составовъ рожденного отрочати“.

— л. 151—156. „Слово ко славу на земли рождшийся Девъ Марїи. Книга родѣтва Іс Хрка Она Дѣда, Она Авраамла. Авраамъ роди Ісаака, Ісаакъ же роди Іакова, и прочаа: Іаковъ роди Іосифа любжа Маринна, из' нея же родилъ Іс глѣмый Хс. Маттѣей глава ѡ зач. ѡ“. Нач.: „Незгода кнжѣ и к' самомъ пис'мѣу сѣгомъ блгчѣтнвыи слѣхачѣ“.

— л. 157—165. „На дн' коведенїа протхѣя Девъ во црковѣ Соломоновѣ... Днѣ бгвоелѣстнвыи храмѣ Бца во црковѣ Бжїи прихѣднхѣся, и Захурїа сїю подемает'. Слова сѣтъ вынѣтїи з' стїха праздниственнаго коведенїа вгородниа антииногѣ“. Нач.: „Здавна ѡ старозаконной Свнлагои жидовской таковий зная добавхѣся звѣчай, же дѣхъ и вѣдокиц' земного сего отрѣкшихъ сѣпрѣжестка, а вѣчномъ жиннхъ неспомѣ дѣвѣтко и чистотѣу свою непрестаннымъ воздержанїемъ обрѣчѣвшихъ, на себѣное и сѣдиненное црковное впрѣсказали любѣто“.

— л. 166—172. Слово на Срѣтенїе Господне. „Вгда їс-полнишасѣ днѣ очїириѣа его по законѣ Моисейѣ, вознесоста его ко Іеруаламъ поставити его предъ Гдѣмъ. Лука гл. к. зач. з“. Нач.: „ѡкъ стѣранно и ѡжасно естъ мыслїю. срдцемъ и дшїю, перкоѣ годное горького плачѣ и рыданїа время воспоминаѣти, которю прародитѣа нашихъ Адамъ, по созданїи а заразъ и прѣстѣпленїи своемъ, з' великимъ кѣгѣдомъ и тяжкимъ ѡкорѣнїемъ словомъ творческимъ из' раѣа быа изгнанныи“.

— л. 173—179. Слово на Успенїе Пресв. Богородицы. „Марїи Матѣре Іса Назаряннна распѣтаго ищѣти, восста нѣтъ“.

зде Мар. гл. 5. Зач. 6. Нач.: „Ако выхъ словъ при востаніи Она Бжїа отъ мертвыхъ Агавъ Гїднѣ к' женамъ мироносицамъ притишамъ до гроба видѣти тѣло Іиско Живаго..., таковыхъ а в' днѣ Успенїа Бжїей Матери к' еговоузынненнымъ днамъ христїанскимъ зде пришедшимъ до гроба Марїина Живаго“.

— л. 180—181. Слово на Успеніе Пресв. Богородицы. „Во Успенїи мира не остаки Бже, да зовемя ти: Радѣна ко-скрестїа образъ обавишася“. Нач.: „Ако самъ Ісъ Снъ Бжїй Успѣвши разъ в' кораблѣ покривающася волнами, потомъ на крѣтѣ при кровавыхъ тѣла своего колненїахъ, допѣтиахъ бывъ ученикомъ своимъ во мирѣ скорѣ наѣти..., тако и Матка Бжїа“, и проч. Но здѣсь написано только начало проповѣди, а далѣе набросанъ только проэктъ ея.

— л. 182—186. Слово на Покровъ Пресв. Богородицы. „Къ твоемѣ кзыранию пречистомѣ образѣ Умиа'на гл҃амъ: Покрый на чистыимъ ти Покровомъ Тропаръ на Покровъ П. Авн Матери сице коіетъ“. Нач.: „Запитано негда единого полатского философа, аковимъ бы дѣломъ Бгѣ къ негѣ чрезъ толикіе лѣта и времени забавлялся“. Черновое начало этого слова помещено на 192 листѣ сборника.

— л. 197—191. Слово на Покровъ Пресв. Богородицы. „Радѣна Покровѣ мирѣ! Бжеа предстательствѣши бжеа при-бѣгающимъ со вѣрою ко державнѣи ти Покровѣ“. Нач.: „Въ ста-розаконныхъ жидовъ здавна ажъ до сего часѣ таковыи испъ звы-чай, же облюбивши хотѣли дѣдъ за негѣхъ и облюбившиа сѣбѣ полти, на знакъ малжнскѣи свой любѣи край ризы своѣа надъ главою инъ протираетъ“.

— л. 193—194. Слово на день св. великомученицы Варвары. In nomine Sanctissimae: Triadis, in laudationem vero beatae virginis Barbarae. Нач.: „Аковими вышнемъ отъ выш-нюю отъ вышнего Творца прѣмудростію нѣкогда съдаренный ски-птродержавный црѣ Соломонъ к' Поканѣхъ Поканїи изрядинамы

нарѣчи козакѣицѣи неѣстѣи свою величаеи сицекими и азѣ
искренню неѣстѣи кѣишии цѣи Слосона, еднѣи жиниѣи Снѣ
Бжѣи обрѣициѣи Дѣи, великомѣициѣи Хрѣи Барбарѣи в' днѣ
ниѣишии вренными ѣициѣи могаѣи бымаѣи козакѣициѣи". Слово
не окончено авторомъ.

— л. 195—200. Слово на Покровѣ Пресв. Богородицы.
„В' чест' и слаѣи покриваѣициѣи множиѣициѣи грѣиховѣи честными
сѣиом омофорѣи прилагасѣициѣи Дѣи Марѣи. Жѣи добрѣи
кто обраѣициѣи, дражайшии еѣициѣи каменѣи множиѣициѣи такокаѣи Не
печѣица мѣи жѣи о домѣи своем, вси во ѣи ней одѣицѣи ни еѣициѣи.
Притчи Сол. гл. лѣи". Нач.: „Жѣи прилагасѣициѣи Дѣи Марѣи,
Матѣи, Снѣи Бжѣи к' дн' ниѣишии жѣинокѣи називаѣи, не моѣи что,
але самаѣи Снѣи Бжѣи зданѣи".

— л. 201—206. Слово на день святыхъ апостоловъ Петра
и Павла. „Кѣими похваѣициѣи нѣициѣициѣи ѣиказѣи Петѣи и Павла".
Нач.: „Пѣицажѣи ко дѣиом сѣи Петѣи и Павла сѣи еѣициѣи еѣициѣи
на люѣиовѣи неѣицадѣицѣициѣи сѣиражѣициѣицаѣи дѣица приѣиыкала: прѣигожѣи
и еѣициѣи сѣи еѣица дѣигоѣициѣи еѣициѣи отъ нѣи похваѣициѣи нѣициѣициѣи
прѣи-мѣициѣи".

— л. 207—214. Слово на день преставленія святителя и
чудотворца Николая. „Дѣицѣи моѣи на сѣицаѣи поѣицаѣи, и вѣи-
дѣициѣи знаменѣи заѣицѣица. Бѣириг. гл. дѣи". Нач.: „Кѣи поѣициѣи
дѣициѣи до звѣицѣи, мѣицаѣица и самаѣи сѣицаѣи приѣиыкиѣицаѣи,
аѣица дѣициѣициѣи и сѣицаѣи жѣициѣициѣи каѣициѣицаѣи сѣицаѣи дѣициѣи
цѣициѣи сѣицаѣицаѣи сѣицаѣицаѣи... а сѣициѣицаѣи Хрѣи Николаѣи вѣи-
дѣи сѣицаѣицаѣи до дѣициѣи ниѣициѣи".

— л. 215—218. Слово на день памяти святителя и чудо-
творца Николая. „In nomine sanctissimae triadis, in laudem
D. Nicolai Episcopi Myrgensis. „На сѣициѣицаѣи тѣициѣициѣи
приѣицаѣициѣи сѣицаѣицаѣи кѣи днѣи и кѣи поѣициѣициѣи до коѣициѣицаѣи
ниѣициѣицаѣи сѣицаѣицаѣи Гѣицаѣи. Іѣицаѣи гл. дѣи". Нач.: „Оѣицаѣициѣи
сѣициѣициѣи, коѣи сѣициѣицаѣи сѣицаѣицаѣи поѣициѣициѣи дѣициѣициѣи, еѣициѣи

то з' інными ҃чителами црковными твержѸ, же стѣны Іерусалимскіе иѣт црковѸ Хрѣа". Конецъ слова утраченъ.

— л. 219—224. Слово на день преставленія святителя и чудотворца Николая. „Кто сѣи восходящїи отъ пѣстынѣ а҃ко стѣло димитасѣ кадыши смурѸ и лубанѸ и отъ крѣхѸ кон' мироваща. в' Пѣснѣхъ Пѣсний глава г". Нач.: „Время пришло, ѿ настѣпна а҃бы добрын винограда Хрѣа дѣлаател и пѣстынного сего мѣстца сего израдний и избранный насадител и стронител стител ХрѣтовѸ Николай, а҃ко отъ глѣбокіа пѣстынѣ отъ свѣтного сего мира в' горѣла неа҃ла повержѣла страны“.

— л. 225—231. „Вѣ чест' стителя Хрѣа Николаа а҃но на соборѸ Никейстемъ Сна Бжїа равна ѸтцѸ и СтомѸ ДхѸ испокѣдаша, сѣа слова отъ книгѸ Моисеовыхъ вторыхъ главы тринадцатъ сѣт' иза҃таа. Исход: БгѸ кождаше Ізраиля к' дн' столпомъ облачнымъ показати имъ пѣт, ношїю же столпомъ огненнымъ свѣтити имъ". Нач.: „Выправѣт' негдѣ прѣмилостивый надъ своимъ созданиемъ ТворцѸ и Создател неа҃ный отъ земли Ѣгипетской и лютого мѣчителства Фараонова чрезъ пѣстыню к' дорогѸ к' землѣ обѣцанной люа Ізраилскїи“.

— л. 232—239. Слово на день рождества Іоанна Предтечи. „Начат' Іс народомъ гла҃ти о Іоаниѣ Матѣей, глава аї зач. м". Нач.: „Началъ Іс народомъ мовити о Іоаниѣ, что неа҃омовнаѸ; началъ хвалити прѣсланиника своего и малѣа҃ти дѣла и справы его пендзѣмъ а҃зыка и дѣтѸ своихъ вознхъ, что неа҃докончилъ, перекаж началъ чыако". Въ срединѣ и въ концѣ слова нѣсколько листовъ утрачено.

— л. 240—245. Слово на соборѸ св. архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ. „Прїидѣте праздновати и Хрѣтоа҃вци А҃гловѸ соборѸ почтѣа҃и. Слова сѣт' написанїи в' с҃гнѣхъ вторагоа҃ ли҃тїиноа҃, сложиноа҃ на инѣшній праздникъ отъ Кипріана сегоа҃". Нач.: „А҃кѸ празднѣмо з' црковю МаткѸю нашою к' доро҃ной памяти памѣт' крѣхѸ стѣхѸ...: такѸ

власне днѣ ннѣшнього в' церкве стои не тылко єдиного Архистратига этого Михаила, но и вѣхъ силъ небныхъ соборъ празднѣмъ".

— л. 246—252. Слово на день памяти преподобнаго Теодосія Печерскаго. „Смири себе, бывъ псалшаникъ до смерти, смерти же крѣпкъ, тѣмъ же и Бгъ ѿ него превознесе. Къ Фил. гл. в. 34. см.—Аще вознесенъ бѣдѣ отъ земли, всѣмъ прикликъ к' себѣ". Нач.: „Нѣмъ вчерашній преславный црѣ славы Сна Бжїа отъ земли на нбо настѣпиль денъ вознесенїа, ѿпередило першій безчислное порѣгателное з' неказанними болѣзньми и страст'ми Хрво на крестъ вознесенїе".

— л. 253—257. Слово на день успенїя преподобнаго Теодосія Печерскаго. „Быхъ мертвъ, и се живъ слава во вѣвѣ. Слоска єсть написанный к' обожавній Іоанна этого к' главлѣ а". Нач.: „Же люде свѣтскые по раздѣленїю души отъ тѣла вѣчною смертїю самрактъ, не дивъ, бо к' тѣлакъ сѣмъ смертелномъ живѣи, единомѣ тѣлаъ и свѣтѣ жили, а не Богѣ и не Бѣ".

— л. 258—263. Слово на день памяти преподобнаго Антонїя Печерскаго. „In nomine Sanctissimae Triadis, et in laudem D. Antonij Magni tutelaris totius Russiae. Радѣица Антонїе аглавникий чакчи. Слоска єсть написанне к' похваальныхъ пѣснѣхъ преподобныхъ етцѣхъ нашихъ печерскихъ". Нач.: „Дже варзо мы того добре свѣдомъ, же вѣкъ заѣ отъ предѣлъ лцихъ сѣдшателей монахъ, безъ жадного спорѣ и сварѣ признати латко мнѣ можетъ, же препод. етцѣ нашихъ Ант., першій свѣцїаго житїа нашего и лавры сїи этой Кїевопечерской стиренїа и фѣндаторъ, былъ земнина на землѣ ко пачѣи жителствѣючи, а ннѣ небнымъ на небн єсть аглом"... Конєць слова утрачєнь.

— л. 264—271. Слово на день святаго великомученика Димитрія Солунскаго. „Аще и постраждетъ кто, не вѣнчається, мнѣ незаконно лѣчениъ бѣдетъ. Бажинъ лѣжъ нжи претерпїт' іскѣшенїе, зане іскѣшенъ бывъ прїймаєт' вѣнцъ житиї, его же

Бгъ овѣща людемъ своимъ. Псалмъ Іак. гл. ѿ. зач. ѱ. — Нач.: „Такъ что свѣтъ сей земный блгочестивый слдхачъ, зъ онимъ горнымъ свѣтомъ, албо рачиѣ нбо и земаля з' севою пострѣбуютъ“.

— л. 272—279. Слово въ недѣлю Троицу. „Во едннѣ отъ свѣст, и дверемъ затвореннымъ, идѣже бѣхъ ѡчисти собранныи страха ради юдейска, прїиде Іс, и ста посредиѣ, и гла їмъ мїръ вамъ. Іоан. гл. ѧ. зач. ѡб“, — Нач.: „Той, котрый прїишолъ на ѡспокоенїе нбѣ и земаи по словесамъ Павла сего, ѡмнѣе крѣкою крста своего аще земаля аще несна... , представши въ дн' ннѣшній ѡчникомъ своимъ дверемъ затвореннымъ, ловитъ мїръ вамъ“.

— л. 280—287. Слово въ недѣлю женъ мироносицъ. „Марїа Магдалины, и Марїа Іакова, и Саломѣи кѡпнша аромата да пришедше помажутъ Іса. Марко глава 51. зач. ѡ“. Нач.: „Досытъ ѡже женамъ безчестїа терпѣни, котриѣ їмъ до сихъ часъ нѣ въ свѣтѣвомъ, нѣ въ возкомъ писанїи не мѣли залѣцїа“.

— л. 288—291. Слово въ недѣлю о разслабленномъ. „Востани, возми кой одръ и їди къ домъ чюи. Маттдей глава. 11. зач. кд“, Нач.: „Много чужжихъ хоробъ, нецѣлѣныхъ болѣзней з' законного въ ранъ прародителевъ нашихъ на свѣтъ сей кыйшло овецъ“.

— л. 293—300. Слово въ недѣлю сыропустную. „Аще отпущае челокомъ согрѣшенїа ѿхъ, отпущитъ и каи отцъ каишъ невинный. — Ъгда пострѣгеша, не вѣдѣте аки лицемѣри, — Слова сѣтъ самаго Сна Бжїа на ннѣшній днь ѡ евангелїа сего Маттдея написанїи, к главу шестъ. въ зач. 31“. Нач.: „Нѣкы двѣ прѣкысочайшии аскетикни албо стипѣи, дослзачи отъ земаля на нбо..., показуютъ намъ Снъ Бжїи к' ннѣшнимъ ангѡлїиномъ еуглїи, на преддверїи сего чотыредесятници великого поста, дръголюбное братъ братѣ отпущенїе согрѣшенїи, и постъ нелицемѣрный“.

— л. 301—303. „Слово на недѣлю запѣстную предъ св. чтыредесатъ. Початокъ до казаня. Назбыт к' зноети своей при-мѣрѣкъ члвкъ, ко класиѣи свои справы золотомъ, а чѣжѣи осл-каною або деревяною шалею важит'“. Конецъ, повидимому, утраченъ.

— л. 304—309. Слово въ недѣлю страшнаго суда. „Прі-идет' Снх члвкѣи ко слакѣи своей. Матѣей глава кр, Зач. рѣ“. Нач.: „Тѣшиахъ на первыи приходъ Сна Бжїа къ мїрѣи сїи к' дѣи прїеаакнаго его рождѣнїа к' маломъ и младомъ тѣлѣ члв-чѣомъ“.

— л. 310—314. Слово въ недѣлю вторую по пятидесятницѣ. „Гди кагви. Ходя Іс при морѣ Галаилемъ видѣ два брата, Сумона глагого Петра, и Андреа брата его, к' мѣѣтаниа мрежѣ ко море; видѣ и їна два брата Іакова Зекедеска, и Іоанна бра-та его, и гла їма, градѣѣта по мнѣ, соткѣѣ кы ловца члвкомъ. Матѣ. гл. ѡ, Зач. ѡ“. Нач.: „Що передъ чымъ Сиснїеа нашихъ Гдѣ, ако їстинный докзыхъ дѣлазъ наставникъ и учнїеа, до воз-любленнѣхъ ѡчннкоуи своихъ Сумона глагого Петра и Андреа брата его, до Іакова и Іоанна ... риказъ г р а д ѣ т а п о м н ѣ, тоѣ непѣстанно к' всакомѣ члвкѣ христїанскомѣ на всакѣи днѣи и часѣи, а найварзѣи к' сїе постѣное времѣа глетѣ: г р а д ѣ т а п о м н ѣ“.

— л. 315. Слово въ недѣлю ваїй. „Дрѣзїи рѣзѣхѣ вѣѣткы отъ дрѣв и постїлаахѣ по пѣти. Матѣ. гл. ка“. Нач.: „Отъ по-чаткѣи сїи стѣи чтыредесатнїици не прїстаит' црковѣи матка наша сыновѣи своихъ такѣи кохѣти, акѣи садѣвннїи кохѣт' де-рева къ садѣи своемъ насаженїи“. Только—начало слова.

— л. 316—321. Слово въ недѣлю ваїй. „Не койсѣи дїи Сїона! Се царѣи тѣвои градеѣт на жрѣвѣтии ослн. Іоан. с. 12. Зач. 41“. Нач.: „Отъ початкѣи к' сїи свѣѣтѣи житїа своего ажѣ до сїего часѣи кротокъ и смиренѣи рдѣицѣи црѣи и Творѣицѣи небснїи“.

— л. 423—431. Слово на день Успенія Пресв. Богородицы.
 „Востани и прійди добрая моя, ближняя моя, голубице моя,
 востани и прійди, зная вже прійде дождь отиде и прійде
 на к' себѣ цвѣты лвишася земли“. Нач.: „Время вже припѣ-
 ло, чѣ настѣпиахъ, абы чѣла, нескверная и непорочная голубица,
 отъ небѣ на землю, отъ предвѣчнаго Бга Отца во миръ сей
 посланная, з'єднавши на земли родъ члвччскомъ миръ и по-
 кой, з' побѣдою и триумфомъ к' ковчегъ нбный возвратилася“.
 Слово это писано другою рукою, съ замѣткою внизу первой
 страницы: „descriptum est“.

Н. Петровъ.

КІЕВО-ПОДОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ
НИКОЛАЯ ДОБРАГО.
(Продолженіе *)
СВЯЩЕННО-И-ЦЕРКОВНО-СЛУЖИТЕЛИ.
Штатъ и обезпеченіе причта.

Въ теченіи трехъ вѣковъ штатъ служащихъ при Добро - Николаевской церкви видоизмѣнялся такимъ образомъ. Настоятелемъ ея почти за все это время бывало одно лицо. Только съ 1740 г., когда, по просьбѣ вдовой попады Анны Ширицы приходъ былъ отданъ ея наслѣдникамъ, при нашей церкви совмѣстно является два равноправныхъ „половинныхъ“ или „половинно-парохіальныхъ“ настоятеля¹⁾: каждый изъ нихъ по очереди въ продолженіи седмицы совершалъ богослуженіе въ общемъ храмѣ и независимо отъ другаго вѣдалъ свою половинную часть прихода, отправляя для нея всѣ требы и пользуясь отъ нея всѣми доходами. Но въ 1780 г., по переходѣ Моисея Клявенскаго къ Кіево-Подольской Царе-Константиновской церкви, этотъ порядокъ прекратился, и съ тѣхъ поръ у Доброго Николая по прежнему оставался и понынѣ остается „одинъ цѣло-парохіальный“ настоятель. Что же касается діакона, то таковымъ въ первый разъ обзавелись добро-николаевскіе прихожане лишь въ 1745 г.²⁾, когда по

*) См. Труды Кіев. дух. Академіи за м. январь 1892 г.

1) Архив. Консистер. 1745 г. № 25 и 1766 г. № 112.

2) Правда, еще подъ 1613—1614 г. въ сказаніи „О Церкви Соборной мурованной, иже въ Кіевѣ стоитъ на Подолѣ“, вслѣдъ за

ихъ просьбъ „ради болшого въ церковномъ служеніи благо-
лѣпія“ былъ посвященъ Рафаиломъ Заборовскимъ кievскій
житель Василій Носичъ ¹⁾); съ этого времени діаконское мѣсто
при Добромъ Николаѣ было штатнымъ до 1825 г., послѣ чего
хотя по временамъ и бывали діаконы (какъ и въ настоящее
время есть), однако содержались они уже на дьячковскомъ
окладѣ. Наконецъ, низшихъ членовъ причта до 1880 г. напя
церковь имѣла всегда три: дьячка, пономаря и просфорню;
только въ 1881 г. такой штатъ сократился: вмѣсто дьячка и
пономаря былъ положенъ одинъ „псаломщикъ“.

Въ прежнее время единственнымъ, а въ настоящее время
главнымъ источникомъ „пропитанія“ причта служили и слу-
жать добрототныя даванія ему за требоисправленіе въ церкви
и приходѣ: священно-и-церковно-служители всегда „контенто-
вались и,—прибавимъ,—контентуются респектомъ прихожанъ
и милостынею отъ добрототныхъ дателей, кто что дастъ“ ²⁾.
Какой величины въ общей сложности достигали эти доходы
прежде, мы, за отсутствіемъ данныхъ, сказать не можемъ.
Нынѣ же причтъ собираетъ за годъ въ братскую кружку около
900 руб.; изъ нихъ руб. 250 онъ получаетъ отъ иногородныхъ
богомольцевъ; слѣдовательно, собственно приходъ даетъ ему
до 650 руб. въ годъ. Конечно, если имѣть въ виду число
прихожанъ—жертвователей (среднимъ числомъ 297 душъ обоого
пола), то такая жертва окажется вполне достаточною; но

священникомъ „Матфеемъ Добро-Николскимъ“ упоминается „дьяконъ
Демьянъ“: „въ то время въ томъ же богоспасаемомъ граде Кіеве,—
говорится здѣсь,—быша служители священницы святыхъ церквей:
Василей Матере-бозскій Мина Притскій, Іоанъ Воскресенскій, Никита
Спасскій, Климентей Наберезскій, Матфей Доброниколскій и дьяконъ
Демьянъ“ (Сборн. лѣтоп., относ. къ истор. Южн. и Зап. Россіи;
стр. 84). Но въ виду того, что изъ всѣхъ Кіево-Подольскихъ діаконъ
упоминается только этотъ Демьянъ и притомъ не указывается мѣсто его
службы, нужно думать, что онъ былъ діаконъ той же Соборной цер-
кви, при которой уставникомъ былъ и самъ составитель сказанія.

¹⁾ Архив. Ковсестор. 1745 г. № 36.

²⁾ Тамъ же.

если обратить вниманіе на то, что она должна быть раздѣлена между двумя (какъ теперь) и даже тремя—четырьмя (какъ прежде) членами причта, то ее нужно признать очень незначительною.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи содержаніе причта значительно улучшилось. Къ добровольнымъ даваніямъ за совершеніе требъ съ 1844 г. прибавился постоянный окладъ въ видѣ опредѣленнаго по штату жалованья, именно: священнику было положено 100 руб., дьячку—64 руб., пономарю—48 руб. и просфорникъ 32 руб. Въ 1869 г. такой размѣръ жалованья былъ нѣсколько увеличенъ: съ этого времени священникъ получаетъ 400 руб., дьячокъ (или псаломщикъ)—100 руб., пономарь—70 руб. и просфорникъ 32 р. Кроме того, причтъ пользуется съ 1812 г. половиною частью суммы, получаемою за отдачу въ аренду церковной сѣнокосной земли (въ количествѣ 125 руб.) и процентами съ денежных вкладовъ на вѣчное поминовеніе. Послѣдніе, начавшись съ 1818 г., возрасли къ настоящему времени до 3243 руб. и были сдѣланы слѣдующими лицами: а) въ 357 руб.—15 октября 1818 г. надворною совѣтницею Екатериною Галаганъ; б) 500 руб.—28. Ноября 1852 г. купчихою Параскевою Ефимовою Заболотиною; в) 300 руб.—8 Августа 1853 г. гражданкой Анастасіею Ивановою Вишневою; г) 300 руб.—11 Января 1855 г. мѣщанкою Іуліаніею Харитоновою Трубаевою; д) 286 руб.—18 Июля 1860 г. мѣщанкою Параскевою Саввиною Стефановскою; е) 200 руб.—въ 1865 г. протоіерейшею Мариною Семеновскою ¹⁾; ж) 100 руб.—27 Іюня 1883 г. Анастасіею Поповичевою; з) 200 руб.—17 Августа 1883 года Агриппиною Гавриловою Шуменковою и и) 1000 руб.—15 Марта 1885 г. вдовою профессора Кіев. дух. Академіи Пелагіею Ивановою Щеголевою ²⁾.

Наконецъ, важнымъ средствомъ обезпеченія Добро-Ни-

¹⁾ Архив. ц.,—опись 1862 г. л. 60 на обор.

²⁾ Архив. ц.,—приходы. кн. за указанное время.

колаевского причта является церковное помѣщеніе для него. Низшіе члены причта: діаконъ, дячокъ, пономарь, просфорня и даже церковный сторожъ уже въ прошломъ столѣтіи имѣли такое помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ колокольни; за ними оно остается и до сихъ поръ. Что же касается священниковъ, то послѣдніе до самаго 1832 г. жили въ своихъ собственныхъ домахъ, хотя и на церковной землѣ ¹⁾. Правда, при расплачивокѣ Подола въ 1812 г., на углу улицъ „Боричевъ Токъ“ и „Покровскій переулокъ“ было отведено мѣсто подъ церковный домъ для священника и даже былъ выданъ планъ его ²⁾; но выполненіе этого плана, за неимѣніемъ въ церкви денегъ, было отложено на неопредѣленное время. И уже только въ 1832—1833 г. (въ силу указа Кіев. дух. Консисторіи отъ 10 мая 1832 г. за № 1343-мъ) о. Іоаннъ Сухобрусовъ на свои собственные средства построилъ двухъ-этажный деревянный домъ съ необходимыми службами; вся постройка обоилась ему въ 2700 руб.: изъ нихъ онъ разновременно получилъ изъ церковныхъ доходовъ всего лишь 1700 руб.,—остальные же 1000 руб. навсегда пожертвовалъ въ церковь ³⁾. Кромѣ того, лѣтомъ 1873 г. о. Александромъ Браиловскимъ былъ устроенъ на дворѣ священническаго дома деревянный одно-этажный флигель, примыкающій къ брантмауру купца Ткаченко ⁴⁾ и стоившій церкви (какъ видно изъ расходной книги за это время) около 1350 руб. Послѣ нѣкоторой починки всѣхъ церковныхъ помѣщеній въ 1880 году ⁵⁾, капитальная

¹⁾ Такъ наприм. Михайлъ Ширипа занималъ церковныя плацы „Новѣцкій, Апостолскій и Кирстинъ“ (Архив. Консистор. 1756 г. № 11; ср. Архив. ц. № 57); Моисей Блявенскій имѣлъ свой собственный домъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ жилъ прежде нѣкій Степанъ Гаднѣвичъ (Арх. Консист. 1766 г. № 112) и п.

²⁾ Архив. ц. №№ 67—68.

³⁾ Архив. ц. №№ 71—73.

⁴⁾ Архив. ц. №№ 85—86.

⁵⁾ Архив. ц.,—расходч. кн. за 1880 г., Іюнь—Ноябрь.

ремонтировка ихъ, потребовавшая около 1800 руб., была произведена въ 1885 г.; въ это время, между прочимъ, былъ передѣланъ нижній этажъ священническаго дома, такъ какъ стѣны его отъ времени до того обветшали, что поддерживались лишь дубовыми столбами по угламъ и распадались на куски при самомъ слабомъ толчкѣ или ударѣ; тогда же въ верхнемъ этажѣ этого дома за деньги священника Павла Преображенскаго былъ поставленъ паркетный полъ ¹⁾. Вообще въ настоящемъ видѣ помѣщеніе для добро-николаевского причта должно быть признано удовлетворительнымъ.

СВЯЩЕННИКИ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о штатѣ и обезпеченіи причта перейдемъ къ болѣе подробной характеристикѣ всѣхъ извѣстныхъ намъ добро-николаевскихъ священниковъ.

Рядъ священниковъ начинается собою мужественный поборникъ православія противъ уни—о. *Симеонъ*, упоминаемый въ документѣ отъ 1610 г. августа 20 дня. Какъ мы выше видѣли, онъ первымъ изъ другихъ Кіево-Подольскихъ священниковъ вмѣстѣ съ Магистратомъ и народомъ возсталъ противъ намѣстника униатскаго митрополита Ипатія Поцѣя—священника Антонія Грековича: первымъ оказалъ „непослушенство этому рострыгѣ и преступнику вѣры“, считавшему себя „нѣжкимъ офицьяломъ albo протопопоу Кіевскимъ“, и, въ частности, первымъ отказался идти, по его требованію, „до Церкви светое Софіи, абы зъ нимъ службу Божию въ первую недѣлю въ постѣ великій служить“; не ограничиваясь этимъ, о. Симеонъ вмѣстѣ съ прочими православными кіевлянами употреблялъ и другія мѣры къ тому, чтобы пріостановитъ распространеніе ненавистой уни, и съ этою цѣлью сносился, между прочимъ, съ запорожцами ²⁾. Вотъ и все,

¹⁾ Архив. ц. № 88.

²⁾ Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи; т. II, № 41, 65—67 стр.

что намъ извѣстно объ о. Симеонѣ; но и эти скудные свѣдѣнія весьма краснорѣчиво говорятъ о томъ, что онъ съ честью проходилъ свое священническое служеніе, былъ вполне достойнымъ настоятелемъ той церкви, которую основалъ козакъ,—защитникъ православія и народности противъ покушеній на нихъ со стороны латино-польской и униатской пропаганды.

Преемникомъ о. Симеона былъ о. *Матѳей*. Единственное упоминаніе о немъ мы находимъ въ сказаніи о „церкви Соборной мурованой, иже въ Кіевѣ стоитъ на Подолѣ, якъ поправлена на старомъ фундаментѣ“. Авторъ сего сказанія, написавши ремонтъ церкви въ 1613—1614 г., пересчитываетъ всѣхъ Кіево-Подольскихъ священниковъ, современниковъ этого ремонта, и здѣсь, между прочимъ, упоминаетъ о „Матѳеѣ Добро-николемскомъ“. „А вси тые вышей мененые священники,—прибавляетъ онъ въ заключеніе,—каждый педѣлю свою служили въ той церкви соборной светои Пречистое, за господаря короля Господа Бога просили и за пана воеводу Киевского и за ктиторовъ и за всихъ православныхъ христіянъ; а оны за тое отъ господаря короля и отъ пана воеводы Киевского и наместниковъ его тымъ были пожалованы тогда и въ потомные часы, жебы отъ мятежныхъ и бурливыхъ на церковь Божию ере-гиковъ во вшелякомъ покою на тотчасъ мешкали и отъ вшелякихъ подачокъ, и отъ наѣздовъ и станцій околичныхъ, и войскъ, и отъ самого пана воеводы жебы были волны“ ¹⁾. Больше мы ничего не знаемъ объ о. Матѳеѣ; не знаемъ также ничего и о преемникахъ его до самаго начала XVIII-го вѣка ²⁾.

Непрерывный рядъ извѣстныхъ намъ добро-николаевскихъ священниковъ открываетъ собою о. *Симеонъ Шириня*.

¹⁾ Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Руси. Кіевъ. 1888 г.; 83—84 стр.

²⁾ Упоминается, впрочемъ, подъ 1888 г. въ надписи на евангеліи викарій священникъ, Іоаннъ Шустакіевичъ.

Въ восемьдесятыхъ годахъ XVII в. мы встрѣчаемъ его въ должности магистратскаго канцеляриста ¹⁾; а въ самыхъ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія онъ выступаетъ предъ нами уже въ санѣ добро-николаевского священника ²⁾. Вынужденный по случаю пожара приступить къ постройкѣ новаго храма, о. Симеонъ до самой гробовой доски посвятилъ себя этому дѣлу. Не ограничиваясь заботами и трудами по приисканію благотворителей на созиданіе церкви, не довольствуясь однимъ только надзоромъ за работами, онъ отдалъ на церковь все свое достояніе; и нужно думать, что эта лепта его, какъ человѣка состоятельнаго ³⁾, была не мала: вѣдь не напрасно же онъ самъ называетъ себя и другіе называли его „фундаторомъ церкви каменное святителя Христова Николая Доброго“ ⁴⁾. Епархіальное начальство цѣнило такое усердіе о. Симеона къ своему храму и уже около 1714 г. пожаловало его титуломъ „Кіево-Подольскаго протопопа“ ⁵⁾. Но этотъ новый титулъ доставилъ о. Симеону вмѣсто радости лишь много хлопотъ и непріятностей. Нужно замѣтить, что въ то время кіевское мѣщанство или, точнѣе говоря, Магистратъ старался привлечь къ участию въ городскихъ и государственныхъ повинностяхъ монастыри и церкви, которыя, владѣя большою недвижимою собственностью, считали себя, въ силу древнихъ привилегій, совершенно свободными отъ подобныхъ налоговъ. Не ограничиваясь этимъ, тогдашній войтъ Дмитрій Полоцкій всячески пытался положить конецъ новымъ приобрѣтеніямъ церковью поземельныхъ угодій и даже

¹⁾ Архив. ц. № 36.

²⁾ Самое раннее упоминаніе о немъ, какъ о „святодоброниколаскомъ священникѣ“, находится въ документѣ отъ 1707 г. Марта 2 дня (Архив. ц. № 44).

³⁾ Архив. ц. №№ 49—50.

⁴⁾ Архив. ц. № 52 и Архив. Консисгор. 1767 г. № 4.

⁵⁾ Въ первый разъ онъ именуется „протопопомъ“ въ документѣ отъ 1714 г. Подября 19 дня (Архив. ц. № 47.)

отбиралъ въ вѣдѣніе города уже давно пріобрѣтенныя ею дворы, лѣса, сѣнокосы ¹⁾ и т. п. Всѣмъ подобнымъ насиліямъ со стороны мѣщанства подвергалась наравнѣ съ другими кіевскими церквами и монастырями и церковь Доброго Николая ²⁾; между прочимъ, Магистратъ въ теченіи двадцати лѣтъ отказывался ввести ее во владѣніе тѣмъ пляцомъ, который пожертвовала ей Флоровская монахиня Евтихія ³⁾. Какъ само собою понятно, ни монастыри, ни церкви не могли быть довольны дѣйствіями Магистрата и его войга; вотъ почему архіепископъ Варлаамъ Ванатовичъ и Печерская Лавра въ 1728 г. подали въ вѣдавшую малороссійскія дѣла Иностранную Коллегію жалобу съ подробнымъ указаніемъ всѣхъ раззореній, грабительствъ и обидъ, которыя причиняетъ имъ „опый войтъ“. Начался судебный процессъ, и, между прочимъ, въ генеральномъ малороссійскомъ судѣ была назначена очная ставка войта съ депутатами духовенства ⁴⁾. На эту ставку, долженствовавшую происходить въ городѣ Глуховѣ, былъ командированъ въ качествѣ представителя Кіево-Подольской протопопіи и нашъ Сімеонъ Ширипа. Отѣзжая въ Глуховъ, онъ поручилъ новосозданную имъ церковь заботамъ и вниманію ктиторовъ Стефана Михайлова и Исидора Иванова, отдалъ имъ „реестровне переписавши и рукою своею и иныхъ особъ, при томъ будучихъ, закрѣпивши всѣ крѣпости церковныхъ приходовъ (т. е. права церкви на ея землю, долговыя записи куничниковъ и т. п.), всѣ утвари церковныя и всѣ деньги“; сыну же своему Михаилу, уже бывшему тогда добро-николаевскимъ священникомъ, какъ человѣку еще молодому, онъ заповѣдалъ „только знать и править свое іерейское дѣло, до всякихъ же приходовъ церковныхъ, до кти-

¹⁾ Труды Киевской духовной Академіи 1861 г.; т. I, 283—284 стр.

²⁾ Архив. ц. № 52.

³⁾ Архив. ц. № 53.

⁴⁾ Труды Кіев. духовн. Академ. 1861 г.; т. I, 284—286 стр.

торства належныхъ, и до ктиторскаго правленія ни въ чомъ жадного дѣла, помимо ктиторовъ, не имѣть и во всемъ поступать съ ними честно, безъ зависти, гнѣву и ссору“¹⁾. Но, какъ извѣстно, назначенная ставка въ Глуховѣ не состоялась: Полоцкій вмѣсто Глухова 21 мая 1729 г. отправился съ доносами на Ванатовича прямо въ Москву, и депутаты отъ духовенства, прождавши его до ноября мѣсяца, должны были ни съ чѣмъ возвратиться въ Кіевъ²⁾. Возвратился вмѣстѣ съ другими и о. Симеонъ. Но здѣсь его ожидали еще большія непріятности. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ слѣдующаго (1730 г.) по доносамъ войта было возбуждено въ Московской Тайной Канцеляріи дѣло по поводу того, что архіепископъ кіевскій не распорядился о совершеніи торжественнаго молебствія по случаю восшествія на престолъ Анны Іоанновны и отказался, было, дозволить мѣщанамъ служить въ Успенской Соборной церкви, послѣ коронаціи императрицы, особый молебенъ, отдѣльно отъ указаннаго, уже отслуженнаго чиновничествомъ и духовенствомъ въ Лаврѣ и Софійскомъ Соборѣ. Въ это дѣло поручикомъ Зиновьевымъ, производившимъ, по порученію Тайной Канцеляріи, предварительное дознаніе въ Кіевѣ³⁾, былъ замѣшанъ, кажется, вмѣстѣ съ членами Консисторіи и протопопъ Ширина. Впрочемъ, онъ успѣлъ избѣжать участи консисторіатовъ; тогда какъ эти послѣдніе 19-го Августа были отправлены подъ карауломъ въ Москву и здѣсь 19-го Сентября уже были представлены для допроса въ Секретную Коммисію⁴⁾, Ширину мы видимъ 1-го Сентября того же года „зосланнымъ за правду святую въ святѣя горы“⁵⁾. На-

1) Архив. Консистор. 1736 г. № I.

2) Труды Киев. дух. Акад. 1861 г., т. I, 286 стр.

3) Труды Киев. дух. Акад. 1861 г., т. I, 287—292 стр.

4) Тамъ же; стр. 299.

5) Такія неясныя свѣдѣнія объ этомъ періодѣ жизни нашего протопопа сохранились въ одномъ собственноручномъ письмѣ его къ добро-николаевскимъ ктиторахъ, которое писано имъ „зъ святыхъ горъ“

ходясь въ ссмылѣ, о. Симеонъ, какъ ревностный пастырь, не прерывать связей св. своими прихожанами и храмомъ. Въ письмахъ къ киторамъ Стефану Михайлову и Исидору Иванову онъ прежде всего убѣждалъ ихъ „въ союзномъ, едино-

и поубѣчено „1730 г. 1 сентября“. Мы позволимъ себѣ привести это письмо полностью съ одной стороны потому, что оно проливаетъ много свѣта на личность о. Симеона, какъ приходскаго пастыря, а съ другой стороны, и потому, что нѣкоторые выраженія его представляются намъ не особенно ясными и понятными.

Вотъ адресъ этого письма: „Благороднымъ ихъ москомъ паномъ Стефану Михайловичу, переводчику Кіевское Канцеляриѣ, и пану Сидору Ивановичу, шафару мѣскому пивному, — ктиторомъ церкви святителя Христова Николая Доброго, яже въ Кіевѣ, моимъ ласковымъ благодѣтелемъ, въ Духѣ Святомъ послушнымъ чадомъ. Частно подать въ Кіевѣ“.

А вотъ и самое письмо: „Благородные мосци панове Стефанъ и Сидоръ, бодріе, добріе добраго и бодрого пастира (пастыря) святителя Христова Николая ктитори, мнѣ любовне послушніе чада и благодѣтели. Возрадовался зѣло душою и сердцемъ о вашемъ примирномъ во едину любовную мысль з сыномъ моимъ отцемъ Михаиломъ совокупленіѣ и виненъ застаю Бога всемилостиваго всегда благати, дабы молитвами угодника своего, скорого помощника, дивнаго и чуднаго уничижающихъ святитию и храмъ его поборника и отгнителя, укрѣпилъ васъ въ союзномъ, единомысленномъ и непоколебимомъ при крѣпостяхъ старинныхъ прапихъ стояніѣ, во вѣки вѣковы аминь. Ставайте, препоясавшеся крѣпко, да и единая черта вѣчно достойное памяти отъ христілюбивыхъ благодѣтелей церкви Божой Свято-Добро-Николской в отказанныхъ и купленныхъ кгрунтахъ отначалне кадукомъ нападающихъ разорителей проклятии, письмами, хитростию вражнею, набитими не нарушится. Что будетъ вамъ, яко праведнымъ по Бозѣ ревнигелямъ? Зде въ потомніе часы — память славлал, въ небѣ жесть Бога — издовоздаваніе вѣчное, разорителямъ же и ихъ пособивамъ здѣ и въ будущій вѣкъ Богъ отгнитель да будетъ. Не извинятся бо злохитрие лисове здѣ и тамо нецотребною вымовкою, яже прельщаютъ простихъ, же будто для Пресвятой Богородицы чинять. Безуміе! вѣде кто читалъ или слышалъ-не мню, дабы преблагословенная Дѣва Марія, яко царица неба и земли, яже во всемъ свѣта в храмахъ Божіихъ з Сыномъ своимъ Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ первенствующая, изъ издѣрства

мысленномъ и непоколебимомъ при крѣпостяхъ старинныхъ прямыхъ стояніѣ, да и едина черта... въ отказанныхъ и купленныхъ кгрунтахъ церкви... не нарушится“. Не оставляя оны въ это время заботы и о благолѣши храма и въ этихъ видахъ писалъ ктиторахъ: „сосуди священные церковніе подь

(грабительства) и угодниковъ Божиихъ уничтоженія, хваленія и оферы (яже суть предъ Богомъ мерзко, у людехъ же стыдно) потребовала? развѣ отецъ Глядикенскій(?) въ своихъ книгахъ еквадикось(?) начиталь? да покажетъ, яко премудрый управитель ихъ. Вы же, возлюбленные, христоносніе людие, церкви Божіей праведніе господамы, со всѣми парохіяны праведными, иже с вами, держитесь правды, и вси приложатся вамъ отъ праворазсудительныхъ управителей. Прочее же нелицемѣрной правоты Судія камуждо по дѣломъ да воздастъ. Аминь.—Вамъ въ Духъ Святомъ любимымъ моимъ чадомъ и благодѣтелемъ, аще тѣломъ отлегли, но духомъ и молитвами святыми всегда с вами сий, яко отецъ вашъ духовный: мира, здравія, долгоденствія и вся, яже ку спасенію полезная, при любви нерозерванной, паче же нелицемѣрной въ единомыслиѣ всегда жити и церковь Божию, аки свою душу отъ всѣхъ злыхъ навѣтовъ невредину блюсти отъ сердца желаетъ и молить всемирно грѣшныи старецъ Симеонъ Ширина, Протопопъ Кіевскій, Сосуды священные церковніе подь спудомъ да не лежать, но да украшаютъ престолъ Божий; на тоє я много працювалъ и старался и конитъ ложитъ, да не вакують, но литургисують на нихъ, выдайте отцу Михаилу, толко жъ своими руками не прикасайтесь, да не будетъ святое уничтожено. Также и прочіе утвари да не заключаются, но да церковь Божественная украшается ими на собѣ испоражено. Сие же писмо на обличеніе неправеднымъ въ потонніе часы между правыми да хранител. Фундаторъ церкви каменное Святителя Христова Николая Доброго, иже въ Кіевѣ, за правду святую въ святые горы зосланныи Симеонъ Ширина, Протопопъ Кіевскій“ (Архив. ц. № 52).

За отсутствіемъ другихъ источниковъ трудно опредѣлить съ точностью: кто такой былъ отецъ Глядикенскій, причивавшій обиды Ширины? Судя по тому, что оны въ доказательство своихъ правъ ссылается на первенство Богоматери въ ликѣ святыхъ, можно только предполагать, что оны былъ священникомъ сосѣдней Покровской церкви, тѣмъ болѣе, что въ концѣ того же столѣтія мы видимъ настоятелемъ ся пѣкогого „Глядикувскаго“ (вѣроятно, сына или внука перваго).

спудомъ да не лежатъ, но да украшаютъ престолъ Божій, да не вакують, но литургисуются на нихъ, также и прочие утвари да не заключаются, но да церковь Божественная украшается ими“. Наконецъ, онъ всѣмъ вообще прихожанамъ внушалъ въ своихъ письмахъ „держаться правды, при любви нерозерванной, паче же нелицемѣрной въ единомыслии всегда жити и церковь Божию аки свою душу, отъ всѣхъ злыхъ навѣтовъ невредиму блюсти“. Впрочемъ, ссылка Ширпы продолжалась не долго: въ 1733-мъ году августа 28-го дня онъ опять является предъ нами въ Кіевѣ при Добро-Николаевской церкви, но уже не въ должности настоятеля этой церкви, какую занималъ теперь сынъ его Михаилъ, а лишь въ роли „посадника“ (совѣтника) послѣдняго и почетнаго блюстителя или покровителя храма¹⁾. Остатокъ дней своихъ онъ провелъ въ заботахъ по постройкѣ каменной колокольни и умеръ въ 1735 г. Долго жила память о немъ какъ у добро-николаевскихъ прихожанъ вообще, такъ и у его потомковъ въ особенности: послѣдніе при всякомъ удобномъ случаѣ съ гордостью напоминали своему начальству, что-де ихъ предокъ былъ „фундаторомъ“ или „строителемъ“ каменной церкви, которую онъ „знатнымъ коштомъ своимъ, трудами и тщаніемъ“ заложилъ и устроилъ²⁾. Но въ настоящее время не осталось никакихъ

Что же касается „святыхъ горъ“, куда Симеонъ Ширпа или самъ бѣжалъ, убоившись послѣдствій дознанія, произведеннаго поручикомъ Зиновьевымъ, или былъ сосланъ на нѣкоторое время, то подъ ними, кажется, нужно разумѣть не Леонъ, а какой-нибудь изъ русскихъ святогорскихъ монастырей. Изъ такихъ монастырей извѣстны: святогорскій Успенскій въ Псковской епархіи, святогорскій Успенскій въ нынѣшней Харьковской (тогда Слободско-Украинской) епархіи и, наконецъ, древній монастырь вблизи Владимира Волынскаго, въ мѣстности подъ названіемъ: „Святая Горы“ (впослѣдствіи Заборовскій монастырь). Болѣе опредѣленное рѣшеніе этого вопроса пока считаемъ преждевременнымъ.

¹⁾ Архив. ц. № 54.

²⁾ Архив. Консистор. 1778 г. № 6.

ствдовъ храмоздательской дѣятельности о. Симеона: одна изъ построенныхъ имъ церквей была совершенно разобрана, а другая сгорѣла и переименована изъ Симеоновской въ Варваринскую; сохранился на память о немъ лишь небольшой серебряный подносики, пожертвованный имъ въ церковь.

Преемникомъ о. Симеона Ширины былъ сынъ его *Михаилъ*. Сдѣлавшись священникомъ еще при жизни отца (около 1729 г.), онъ какъ во время отлучекъ послѣдняго, такъ и по смерти его хотѣлъ самолично хозяйничать въ церкви и распоряжаться ея имуществомъ безъ вѣдома ктиторовъ, говоря обыкновенно такъ: „какъ отецъ мой безъ ктиторей самъ фундаторомъ былъ и добромъ церковнымъ завѣдовалъ, такъ и я, по отцу наслѣдникомъ будучи, безъ ктиторей могу обойтись; самъ буду всѣми церковными дѣлами радѣти, а ктиторей не треба мнѣ“. Конечно, ктиторы церковные никогда не могли быть довольны такимъ самовластіемъ молодаго священника, нисколько не уважавшаго ихъ заковныхъ правъ; нѣкоторые изъ нихъ (какъ напр. Стефанъ Переводчикъ и Игнатъ Роговскій), не доканчивая срока своей службы, подавали архіепископу „всепокорственнѣйшее доношеніе“ объ отставкѣ и обыкновенно мотивировали послѣднюю тѣмъ, что де „ихъ презвитеръ, который яко первѣйшій тщатель имѣнія церковного, а не обиту дѣлающій церкви долженствовалъ бы быть, не малый убытокъ добру церковному напрасно чинить, безъ вѣдома ихъ не належне имѣніемъ церковнымъ шафуетъ, имъ самимъ не толко совѣту благого в порядкахъ и благочиніяхъ церковныхъ никогда не подаетъ, какъ надлежитъ наставнику и пастырю той церкви, но еще ихъ же нижайшихъ за досмотръ и обстоятельное попеченіе объ имѣніи церковнымъ непотребными словами укоряетъ, безвинне безчеститъ, а временемъ и бить поривается“. Подобныя жалобы по большей части влекли за собою слѣдствіе со стороны епархіальнаго начальства и заканчивались тѣмъ, что ктиторы или оставляли свою должность, или же подпискою обязывали

священника, „за безчестіе ихъ погодить и своихъ неправедныхъ продерзостей не повторять“¹⁾. Впрочемъ, о. Михайлъ не долго священствовалъ: въ февралѣ мѣсяцѣ 1739 г. онъ отдалъ Богу свою душу²⁾.

По смерти Михаила Ширипы жена его Анна Палладіева, оставшись вдовою съ шестью дѣтьми, просила Рафаила Заборовскаго, чтобы изъ снисхожденія къ ея вдовству и милости къ сиротамъ „быть приходу Добро-Николаевской церкви отъ ея дому не отъемлему“. Преосвященный уважилъ просьбу вдовы—попадья³⁾; и вотъ въ продолженіи 55 лѣтъ мы видимъ на этомъ приходѣ священниками наслѣдниковъ Михаила Ширипы—его сына и зятевъ. Но при этомъ достойно вниманія то обстоятельство, что теперь являются при нашей церкви вмѣсто одного „цѣлопарохіальнаго“ настоятеля два „половинныхъ“ или „половинно-парохіальныхъ“ священника. Всѣхъ ихъ за указанное время смѣнилось четыре: въ одной половинѣ прихода были послѣдовательно Василій Таршевскій (1740—1759 г.) и Савва Помаранскій (1760—1770 г.), а въ другой Гавріилъ Ширипа (1745—1754, 1760—1767, 1770—1795 гг.) и Моисей Клявенскій (1754—1760 г., 1767—1780).

Василій Таршевскій служилъ сначала при кафедральной канцеляріи, а затѣмъ, женившись на дочери Михаила Ширипы—Маріи, въ 1740 г. былъ рукоположенъ „во іерея на половинную часть Добро-Николаевской парохіи“⁴⁾. О немъ сохранилось въ архивахъ Духовной Консисторіи и Губернскаго Правленія очень много свѣденій; но всѣ они единогласно говорятъ только о „пьянственной страсти“ его. „Іерей Василій Таршевскій,-- доносило въ Консисторію Кіево-Подольское духовное Правленіе (1753 г. 23 Сентября),-- бывая многократно

¹⁾ Архив. Консистор. 1736 г.⁴ № 1.

²⁾ Архив Консистор. 1767 г. № 4.

³⁾ Архив Консистор. 1766 г. № 112.

⁴⁾ Архив. Консистор. 1767 г. № 4.

по приключаящимся случаямъ по просьбѣ честныхъ людей между священствомъ и между мирскими людьми въ Собраніи, всегда напивается пьянъ, какъ бы въ изступленіе ума приходять и въ такомъ видѣ многіе священническому чину неприличныя и фантазіи съ крайнимъ неучтивствомъ и омерзѣніемъ производить“. Особенно много доставалось отъ пьянаго Таршевскаго его сослуживцамъ. „Сослужитель мой,—жаловался второй добро-николаевскій священникъ Гавріилъ Ширипа,—будучи безъ памятованія пьянъ, даже въ церкви своей многіе крамоли, смятенія, шуми и крики на подобіе какъ въ шинковомъ дому, а не во храмѣ Божіемъ вчиняеть и многократно за мною низайшимъ и за причетниками своими по олтарю и по церкви, забывая о чести храма Божія, гонятся съ тростью и, называя насъ шелмами и канальями, унѣтатами, недостойными священнодѣйствія, церковно-служительскія облаченія съ плечей сриваетъ и тростью насъ бьетъ, о какихъ всѣхъ его, Таршевскаго, шалостяхъ и фуріатствахъ причетники его имѣютъ сознать и доказать, ибо о томъ и жалобы отъ нихъ не единократно заносимы бывали“. Конечно, нравственная жизнь тогдашняго бѣлаго духовенства не имѣла тѣхъ достоинствъ, какими она отличается въ настоящее время, и пьянство, буянство поповъ въ то время были явленіемъ не рѣдкимъ, чтобы не сказать—зауряднымъ. Но во всякомъ случаѣ духовное начальство не могло смотрѣть на поведение Таршевскаго сквозь пальцы. Непосредственный и ближайшій начальникъ его—протопопъ Романъ Лубенскій нѣсколько разъ дѣлалъ ему отеческія внушенія, предостерегая его, что „за такіе поступки, ежели объ нихъ увѣдомленіе придетъ его преосвященству, можетъ слѣдовать ему непоблажное наказаніе; не ограничиваясь этимъ, протопопъ нѣсколько разъ посылалъ Таршевскаго на увѣщаніе къ указанному духовнику, а за нѣкоторыя его продерзости даже приказалъ ему класть „публично въ церкви“ по нѣскольку сотъ поклоновъ¹⁾.

¹⁾ Такъ наприм. за оскорбленіе жены кievскаго сотеннаго есаула

Но всё эти, такъ сказать, домашнія и чисто-нравственныя мѣры не достигали желанной цѣли: „Таршевскій не точїю отъ пьянства себя не удерживалъ и фуреѣ чинить не попересталъ, но еще отъ времени до времени въ горшее приходилъ развращеніе и, по безстрашію своему, не разсуждая званія чина своего и не слушаясь полезнаго увѣщанія вѣщніе соблазны и общенародному смѣху достойныя поступки, и нѣкоторыя неукротимыя свирѣпства производилъ“. Наконецъ, когда онъ (22 сентября 1754 г.) позволилъ себѣ въ пьяномъ видѣ и „съ строгою фантазією“ шумѣть и буянить въ самомъ Духовномъ Правленіи, публично оскорблять его членовъ и своими „фуріятствами“ вынудить протонона прекра-

Григорія Голика Таршевскій долженъ былъ положить 200 поклоновъ (Архив. Консисстор. 1754 г. № 23). Чѣмъ не менѣе Голикъ не удовлетворился такимъ легкимъ наказаніемъ священника и въ Сентябрѣ мѣсяца 1757 года подалъ на имя гетмана Разумовскаго слѣдующую жалобу: „За причиненную еще прошлаго 1751 года Ноября 22 дня жевѣ моей Анастасїи: Теодоровнѣ отъ священника Кіево Подольскаго Добро Николаевскаго Василія Таршевскаго брань въ называніи б...лю, бестїєю и каналїєю и по причинѣ его гоненія за послѣдовавшее отъ впаду жены моеѣ чрезъ заборъ выбитіе дытныи, отчего она и смерти предалась, а жена моя крайне изувѣтчена, также за другой его Таршевскаго того жъ дни ночной лобы гвалтовной на домъ мой находъ въ школьниками, отбитіе дверей и желѣзнихъ засововъ, по иску моему имѣется въ Митрополитанской Консиссторїи дѣло, которое и по ся поры не рѣшено, хотя мое безпрестанное о томъ прошеніе состоитъ, и чтобъ оное рѣшено было—крайне ненадежно, яко жъ по искупамъ его, Таршевскаго, единая только волокита мнѣ чинится съ неправиими продолжительными отказами; я же, такъ долговременно волочась, много изубыточился и, не получа во обидѣ своей справедливости, состою крайне обидимъ. Того ради о такомъ изобижденїи донося, всенижайше слезно прошу о безволокитномъ и скорѣйшемъ того дѣла моего рѣшенїи высокомилоостивымъ полномоществомъ не оставить и о томъ учинить благопризрительное опредѣленіе“ (Историч. матеріалы изъ архива Кіев. Губерн. Правленія; Андріевскаго; выпуск. 8, 160—161 стр.).

титъ разбирательство дѣлъ и „запечатавши судебную избу соитити съ Правленія“, чаша долготерпѣнія переполнилась: будучи не въ силахъ сносить больше „всѣхъ продерзостныхъ шалостей, фуриятствъ и фантазій Таршевскаго“, Лубенскій подалъ на него въ Консисторію формальное „доношеніе“ (1754 г. септ. 23 дня)¹⁾. Началось слѣдствіе, но почему-то со стороны Консисторіи затянулось. Впрочемъ, Таршевскій усиѣлъ предупредить окончаніе его и 1759 г. марта 7 дня умеръ²⁾.

Мѣсто Таршевскаго занялъ „питомецъ митрополита Арсенія“ *Савва Помаранскій*³⁾. Въ 1745 г. онъ поступилъ въ Кіевскую Академію и здѣсь по 1759 г. включительно, будучи „въ состояніи своемъ честенъ и неподозрителенъ“, ученіе латинскаго языка отъ аналогіи по священную богословію проводилъ“. Окончивши курсъ Академіи „съ изряднымъ успѣхомъ“, онъ женился на дочери умершаго Василя Таршевскаго—Целагіи и 29-го Октября 1760 г. былъ рукоположенъ во священника къ нашей церкви. Стяжавши еще въ Академіи проповѣдническій навыкъ, о. Савва и въ санѣ священника отличался вѣрнѣйшимъ проповѣдываніемъ слова Божія,—что, по признанію епархіальнаго начальства, особенно было необходимо въ Добро-Николаевской церкви, какъ „церкви знатнѣйшей въ городѣ и по тракту стоящей, гдѣ часто совершалось богослуженіе и всегда собраніе народа бывало не малое“⁴⁾. Къ сожалѣнію, прихожане не долго назидались проповѣдью Помаранскаго: прослуживши съ честью 9 лѣтъ, онъ въ Январѣ 1770 г. скончался⁵⁾, и принадлежавшая ему половина Добро-Николаевского прихода перешла къ

1) Архив. Консистор. 1754 г. № 23.

2) Архив. Консистор. 1754 г. № 23 и 1759 г. № 8.

3) Архив. Консистор. 1766 г. № 112.

4) Архив. Консистор. 1767 г. № 4.

5) Архив. Консистор. 1766 г. № 112.

Гавріилу Ширипѣ, который незадолго предъ тѣмъ былъ настоятелемъ другой половины того же прихода.

Гавріилъ Ширипа, старпій сынъ Михаила Ширипы, былъ человѣкъ „благопостоянный, учительный, въ пѣніи и чтеніи божественныхъ писаній искусный“. Какъ таковой, онъ, чрезъ 6 л. по смерти отца, симими прихожанами былъ избранъ въ „половино-парохіальнаго настоятеля“ Добро-Николаевской церкви и 21 мая 1745 г. Рафаиломъ Заборовскимъ былъ рукоположенъ во священника ¹⁾. Но чрезъ два же года послѣ рукоположенія о. Гавріила постигло великое горе: по его собственнымъ словамъ, „онъ чрезъ болѣзнь свою такъ въ рѣчи спалъ, что внѣ олтаря и внутрь церкви при служеніи, а наипаче при собраніи народномъ не могъ ничего ясно выговорить, развѣ что ясно и то съ несносною тяжестію“. Чувствуя себя вслѣдствіе такого „калѣцтва коснорѣчія“ совершенно неспособнымъ къ отправленію священническихъ обязанностей, Ширипа сначала (1748 г. Октября 7 дня) выпросилъ, было, себѣ у Тимофея Щербацкаго викарія—безмѣстнаго священника Савву Леоновича; но потомъ, видя, что „рѣчь его спортилась вовсе и поисправиться не можетъ, въ тоже время боясь, какъ бы „за неисправность его во священнической должности приходъ въ чужія руки не отошелъ и потомство не осталось бы въ обидѣ на него“, онъ въ 1753 г. приискалъ себѣ зятя Моисея Клявенскаго. Этому-то Клявенскому, съ согласія прихожанъ, онъ и передалъ свою часть прихода,—съ условіемъ пользоваться половиною его доходовъ, продавать при его свѣчахъ свои свѣчи и, „когда зможетъ, ради спасенія души служить на его седмицахъ“ ²⁾.

Моисей Клявенскій обучался „по школу риторики“ въ Киевской Академіи и затѣмъ въ теченіи 5½ лѣтъ служилъ въ канцеляріи Киевской духовной Консисторіи. Женившись

1) Архив. Консистор. 1745 г. ставленнич. дѣла.

2) Архив. Консистор. 1767 г. № 98.

на сестрѣ Гаврііла Ширипы—Анастасіи, онъ 26-го іюля 1754 г. поступилъ во священника къ нашей церкви и съ самаго же начѣла сталъ представлять изъ себя, по выраженію Консисторіи, „тѣмъ, а не свѣтъ міра“. Прихожане были недовольны молодымъ священникомъ, который „мало не всѣмъ имъ досади и укоризни наносилъ: чрезъ его свирѣное обхожденіе нѣмъ изъ нихъ, убѣгая грѣха, въ церковь приходитъ не смѣли, а нѣмъ на духъ приходитъ не могли и по намѣреніямъ своимъ окладу давать отрѣшались“. Въ виду этого они просили (1758 г. сентября 3 дня) митрополита Арсенія о переводѣ Клявенскаго въ другой приходъ. Между тѣмъ къ этому времени и Гаврііль Ширипа значительно успѣлъ „поисправить свой языкъ“, по крайней мѣрѣ на „самоперсональной аппробаціи“ протопопа Романа Лубенскаго онъ „въ служеніи оказался изряденъ, точію на перенесеніи св. даровъ, въ нѣкоторыхъ ектеніяхъ и возгласахъ, гдѣ Высочайшія имена воспоминаются, да въ конечномъ отпустѣ былъ немного скорорѣчивъ“. Вотъ почему 24-го іюля 1760 г. епархіальное начальство и опредѣлило его снова настоятелемъ нашей церкви. Клявенскій же въ видѣ наказанія былъ переведенъ въ с. Городище, Борзенской протопопѣи, къ Рождество-Богородицкой церкви ¹⁾. Такимъ образомъ, о. Гаврііль опять началъ настоятельствовать, имѣя теперь своимъ коллегою уже не пьянаго Василія Таршевскаго, какъ прежде, а Савву Помаранскаго, „человѣка, отличавшагося, по сознанію прихожанъ, честнымъ поведеніемъ и мирнымъ, добропорядочнымъ съ ними обхожденіемъ“ ²⁾. Но это счастливое и спокойное время продолжалось недолго. Дѣло въ томъ, что Клявенскій, въ силу указа Святѣйшаго Синода, 25-го сентября 1761 г. былъ командированъ для совершенія требъ въ дѣйствующую армію; получивши отъ поляковъ подѣ г. Познанью нѣ-

¹⁾ Архив. Консистор. 1767 г. № 4.

²⁾ Архив. Консистор. 1791* г. № 14.

сколько ранъ, онъ возвратился въ Кіевъ и, не добившись отъ здѣшняго начальства никакого мѣста, 25 іюня 1766 г. отправилъ свою жену въ Св. Синодъ съ слезною челобитною или, точнѣе говоря: съ жалобою на Консисторію, которая растеряла всѣ нужные ему документы и лишила его куска хлѣба, и съ просьбою объ опредѣленіи его на мѣсто Гавріила Ширипы, который будто бы былъ совершенно неспособенъ къ священнослуженію. Синодъ назначилъ цѣлую комиссію (изъ лаврскихъ іеромонаховъ Фаддея и Θεодосія) для разслѣдованія дѣла Клявенскаго и, получивъ отъ нея „экстрактъ съ мнѣніемъ“, сдѣлалъ консистористамъ выговоръ, а Клявенскаго, „въ разсужденіи понесенныхъ имъ при арміи службы и ранъ“, опредѣлилъ на мѣсто Гавріила Ширипы (31-го іюля 1767 г.); послѣдній же, какъ косноязычный, въ силу Синодскаго указа долженъ былъ остаться въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ былъ съ 1754 по 1760 г. Но вскорѣ (въ 1770 г.) умеръ настоятель другой половины прихода Савва Помаранскій; его-то мѣсто и занялъ теперь о. Гавріиль, явившись, такимъ образомъ, коллегою Клявенскаго¹⁾. Клявенскій, желая сдѣлаться „цѣлопарохіальнымъ“ настоятелемъ, всячески старался повредить своему шурину и добиться отрѣшенія его отъ мѣста: онъ многократно доносилъ въ Консисторію и даже въ Святѣйшій Синодъ, что будто бы сослужитель его, Гавріиль, не радить о „репараціи храма“, самовольно распоряжается сборомъ подаенія на церковь и церковнымъ имуществомъ, даже иногда позволяетъ себѣ присвоить церковныя деньги и т. п.²⁾. Но всѣ эти доносы, по

1) Архив. Консистор. 1766 г. № 112 и 1767 г. № 72.

2) Особенно много доставалось отъ Клявенскаго его невѣсткѣ — женѣ Гавріила Ширипы Анастасіи Петровой. Напр. однажды (1770 г. Февр. 24 дня) онъ приказалъ „бурсацкому Добро-Николаевской школы сенъору, заволокши Анастасію въ школу“, высѣчь ее розгами (Архив. Консистор. 1766 г. № 112). Въ другой разъ сама попадая такъ

слѣдствію оказались совершенною клязую и клеветою¹⁾; наоборотъ, о. Гавріиль, какъ человѣкъ, отличавшійся „честнымъ и незасорнымъ житіемъ и разумомъ“, въ 1775 г. былъ даже выбранъ Кіево-Подольскимъ духовенствомъ въ его духовника²⁾. Между тѣмъ Клявенскій, клеветца на своего сотоварища, самъ лично творилъ явные беззаконія. Такъ напр. во время моровой язвы 1770 г. онъ выкапывалъ тѣла своихъ умер-

описываетъ (въ доношеніи къ м. Гавріилу) оскорбленіе, нанесенное ей Клявенскимъ: Сего 1774 г. Мая 31 дня мужъ мой, священникъ Гавріиль Ширпаа, уговорился съ етиторомъ Миною Семеновымъ, чтобы а на дѣланіе сахарныхъ забдокъ (для диссерт) съ ииѣющихся на Добро Николаевскомъ цвинтарѣ (или погостѣ) двоихъ волосскихъ орѣховъ фруктъ отъ ста по десятку сорвала (онше жъ орѣхи тѣмъ же моимъ мужемъ сажени). И я, нижайшая, Іюля 1 съ полудни, взявъ з школы той же Добро-Николаевской церкви студентовъ четырехъ, начала съ тыхъ же деревъ орѣхи рвать. И того жъ времени той же церкви іерей Моисей Клявенскій, пришедъ на тотъ же цвинтаръ и называя мене курвою, бл. ѣю, шелмою, бестією и воровкою, спросилъ: «за чьимъ вѣдомомъ орѣхи я рву»? Тогда я сказала, что мужъ мой у етитора Мины закунилъ; онъ же, Клявенскій, накіи тѣми же неучтивыми словами браня, двожди по щекамъ мене ударилъ и шапку с головы моей до-долу збилъ, потомъ же, хватя мене за волоса, таскалъ по земли и кулачемъ по шін и въ спину нещадно мене билъ и дочь мою, тогда жъ при мѣѣ будущую, перепужалъ, которая кричачи когда-бъ народѣ не собрала, то бъ мѣѣ отъ него, Клявенскаго, и смертное убійство послѣдовало» (Архив. Консисторіи 1774 г. № 68). Впрочемъ, эта по-падня исполнила заслуживала такихъ побоевъ. Самъ мужъ ея (Гавріиль Ширпаа) свидѣтельствовалъ въ Духономъ Правленіи, что „она у него жена вовсе есть непостоянная и, какія шалости ни производить, то все то дѣлаетъ мимо вѣдома его по распутнѣю своей самоволицы“ (Архив. Консисгор. 1774 г. № 68). Она напр. „за пороки прелюбодѣлнія была обарестована, и тотъ порокъ вывѣщеніемъ одежды ея по граду Кіеву былъ публикованъ“; матери о. Гавріила (Аннѣ Палладіевнѣ) дорого стоило выкупить невѣстку изъ ареста и загладить безчестіе сына (Архив. Консист. 1776 г. № 112).

1) Архив. Консистор. 1774 г. № 100.

2) Архив. Консистор. 1775 г. № 73.

шихъ родственниковъ и со дворовъ, гдѣ они были погребены по распоряженію свѣтской власти, переносилъ ихъ на церковный погостъ, чѣмъ заражалъ помогавшихъ ему „гробопателей“ и подвергалъ ихъ неминуемой смерти; затѣмъ, онъ перетаскивалъ имущество умершихъ отъ заразы нищихъ Добро-Николаевского шпиталѣ изъ колокольни, куда оно было положено подѣ магистратскою печатью, въ школу и церковь, гдѣ лежали вещи многихъ прихожанъ, и тѣмъ самымъ заражалъ эти послѣднія и дѣлалъ ихъ негодными къ употребленію; наконецъ, онъ даже осмѣлился, взломавши замки, вынуть изъ сундуковъ, поставленныхъ прихожаниномъ Василиемъ Седневскимъ въ церкви, и присвоить себѣ наиболѣе цѣнные предметы и нѣсколько сотъ денегъ. За всѣ эти проступки, бывшіе „явнымъ оскорбленіемъ Божіихъ, человѣческихъ и государевыхъ законовъ“, военный губернаторъ Воейковъ, Магистратъ и докторъ Митрофановъ требовали отъ м. Гавриила лишить Клявенскаго сана. Но Клявенскій, владѣя бойкимъ перомъ и изворотливымъ характеромъ, отдѣлался только тѣмъ, что въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, во время производства слѣдствія, просидѣлъ подѣ карауломъ въ Магистратѣ и на заточеніи въ Кирилловскомъ монастырѣ, а затѣмъ, положивъ въ Успенскомъ Соборѣ триста поклоновъ, былъ на 6-ть недѣль запрещенъ отъ священнослуженія и лишенъ доходовъ¹⁾. Однако и такая снисходительность епархіальнаго начальства не исправила о. Моисея. 6-го сентября 1773 г. прихожане снова доносили митрополиту: „священника Клявенскаго они при своей церкви вовсе не желаютъ имѣть и требъ христіанскихъ получать отъ него отнюль не могутъ, ибо онъ, Клявенскій, кромѣ выпесказанныхъ беззаконій и соблазнительныхъ поступковъ, новые разные неистовства не точію внѣ, но и внутрѣ божественной церкви производилъ и производитъ: многихъ знатныхъ прихожанъ и

¹⁾ Архив. Консист 1771 г. № 68 и 1772 г. № 5.

и магистратскихъ чиновниковъ, схвата за воротникъ, изъ церкви вытаскивалъ, настоятеля той церкви Гавріила Ширипу за бороду по церкви таскалъ, дячковъ и попомарей въ церкви біеть, свары и шумы здѣ вчиняеть и до такого огорченія парохіянъ привелъ, что многіе, оставя приходскую свою церковь, припуждены къ инымъ церквамъ для слушанія божественнаго моленія ходить, чѣмъ отнято во многихъ ихъ усердное стараніе о благолѣпіи той церкви“. Клявенскій даже не ограничился и этимъ: за то, что прихожане не допустили его, какъ находившагося въ состояніи запрещенія, къ чтенію страстныхъ свангелій въ великій пятокъ, онъ торжественно предъ престоломъ „съ великимъ кличемъ“ предалъ всѣ ихъ съ женами и дѣтьми анаѣмъ¹⁾, а затѣмъ скрылся изъ Кіева²⁾. Тогда прихожанами опять (28 Фер. 1779 г.) было подано митрополиту прошеніе о томъ, чтобы онъ избавилъ ихъ отъ Клявенскаго, и послѣдній въ 1780 г. долженъ былъ перейти къ Кіево-Подольской Царе-Константиновской церкви³⁾. Теперь при Добро-Николаевской церкви остался настоятелемъ одинъ о. Гавріиль Ширипа. Имѣя при себѣ постоянно vikarныхъ священниковъ (каковыми были Іаковъ Гвядзовскій съ 1780 по 1784 г.⁴⁾ и Стефанъ Крапивницкій съ 1784 по 1794 г.⁵⁾, онъ въ теченіи 15 лѣтъ былъ, подобно своему отцу и дѣду, „цѣлопарохіальнымъ“ настоятелемъ при нашей церкви. Прихожане любили этого пастыря и не разъ говорили о немъ, что „настоятелемъ, честнымъ іереємъ Гавріиломъ Ширипою, коего предки суть Добро-Николаевской церкви фундаторы, и коего добропорядочніе и священническому сану приличествующіе поступки и неуспѣхи о благолѣпіи той церкви Божіей труды всему здѣшнему гражданству

¹⁾ Архив. Консистер. 1773 г. № 52.

²⁾ Архив. Консистер. 1775 г. № 28.

³⁾ Архив. Консистер. 1785 г. № 68.

⁴⁾ Архив. Консистер. 1780 г. № 40.

⁵⁾ Архив. Консистер. 1787 г. № 10 и 1794 г. № 15.

извѣстны, они состоятъ весьма довольны ¹⁾). Наконецъ, чувствуя себя и старымъ и слабымъ, Ширипа сталъ прискивать себѣ зятя и дочери своей Аннѣ мужа; такового онъ и нашелъ въ лицѣ Іакова Мойсѣенкова и въ 1795 г. передалъ ему свое мѣсто. Умеръ о. Гавріилъ въ 1798 г. ²⁾).

Іаковъ Васильевъ Мойсѣенковъ, сынъ козака, родился въ 1763 г. въ с. Козловкѣ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губ. Въ 1780 г. онъ началъ свое образованіе въ Кіевской духовной Академіи, а 27 іюля 1791 г. окончилъ его, прошедши „курсъ богословія съ успѣхомъ изряднымъ, при поведеніи честномъ“. По выходѣ изъ Академіи, Мойсѣенковъ женился на дочери Ширипы—Аннѣ и, какъ человѣкъ, слушавшій богословское ученіе, по характеру кроткій, смиренный, благопристойный“, самими прихожанами былъ предложенъ м. Самуилу въ преемники старцу—Гавріилу; митрополитъ уважилъ ихъ просьбу и 12-го августа 1795 г. рукоположилъ Мойсѣенкова къ нашей церкви во священника ³⁾). Немедленно же послѣ поступленія своего на приходъ о. Іаковъ долженъ былъ принять на себя всѣ заботы по дѣлу начавшейся тогда постройки большой церкви. Епархіальное начальство видѣло труды молодого пастыря и увѣнчало ихъ достойною почестью: въ самый же день освященія ново-созданной церкви (13 Октября 1807 г.) о. Іаковъ былъ произведенъ м. Серапіономъ въ санъ протоіерся. Окончивъ постройку церкви, онъ принялся за религіозно-нравственное просвѣщеніе своихъ прихожанъ: какъ человѣкъ „способный къ проповѣданію Слова Божія“ ⁴⁾), онъ не позволялъ себѣ пропустить ни одной службы безъ назиданія предстоявшихъ—часто сказывалъ въ церкви поученія собственнаго составленія, а въ случаѣ недосуга читалъ и го-

1) Архив. Консистор. 1773 г. № 52.

2) Метр. кн. за 1798 г., 3 я часть, январь.

3) Крхив. Консистор. 1794 г № 38

4) Архив. Консистор 1791 г № 14

товья проповѣди. М. Серапіонъ поощрялъ проповѣдника: по его представленію, онъ 10-го августа 1814 г. былъ всемилостивѣйше пожалованъ бархатною фіолетовою скуфьею. Послѣ этого о. Іаковъ еще благополучно просвященствовалъ около 10 лѣтъ, а затѣмъ сталъ постепенно подвергаться различнымъ болѣзнямъ, неизбѣжнымъ съ наступленіемъ старости. Чувствуя себя слабымъ и больнымъ, онъ сначала (1824 г. сентября 15 дня) долженъ былъ отказаться отъ должности депутата въ Магистратѣ, каковую должность проходилъ ровно 12 лѣтъ ¹⁾, а затѣмъ въ январѣ 1828 г. оставилъ и свой приходъ и вышелъ въ заштатъ. Умеръ онъ въ 1834 г. ²⁾.

Преемникъ Мойсѣенкова—*Іоаннъ Пикитинъ Сухобрусовъ* родился въ 1800 г., съ 1811 г. обучался до класса риторики въ старой Кіевской Академіи, а по преобразованіи послѣдней, въ 1817 г. поступилъ въ Семинарію, гдѣ, „при поведеніи весьма честномъ и благойравномъ“, и закончилъ свое обученіе 15 іюля 1823 г. Въ томъ же году 31-го августа Семинарское Правленіе назначило Сухобрусова учителемъ въ Богуславское духовное Училище. Здѣсь молодому человѣку открылось широкое поприще для дѣятельности, и онъ, дѣйствительно, всецѣло отдался воспитанію юношества. Начальство дорожило учителемъ, отличавшимся при выполненіи своихъ обязанностей „особенною рачительностію, прилежаніемъ и усердіемъ“. Къ сожалѣнію, Сухобрусовъ скоро оставилъ свои педагогическія занятія и 1828 г. февраля 5-го дня преосвященнымъ Мелстіемъ, викаріемъ кіевскимъ, былъ уже рукоположенъ во священника къ родной его Добро-Николавской церкви (отецъ его былъ здѣсь діаконъ). Однако и здѣсь о. Іоаннъ заявилъ себя вполне достойнымъ пастыремъ ³⁾.

¹⁾ Арх. ц., клир. вѣд. за 1827 г.

²⁾ Арх. ц., метрич. кн; ч. 3, за 1834 г.

³⁾ Не говоримъ уже о томъ, что о. Сухобрусовъ многократно и съ честью выполнялъ разныя порученія своего епархіальнаго начальства.

Вскорѣ же послѣ своего рукоположенія онъ собралъ отъ прихожанъ и другихъ благотворителей около 4-хъ тысячъ рублей и на эти деньги возстановилъ малую церковь, находившуюся подъ колокольнею и съ самаго пожара 1811 г. представлявшую изъ себя однѣ жалкія развалины. Вслѣдъ затѣмъ онъ устроилъ священническій церковный домъ, затративши на это около 2700 руб. своихъ собственныхъ денегъ и изъ нихъ получивши съ церкви всего лишь 1700 руб. Эта заслуга о. Сухобрусова должна быть особенно приспомята для добро-николаевскихъ священниковъ. Въ свое время цѣнило ее и духовное начальство: такъ, 1837 г. сентября 22-го дня о. Іоаннъ удостоился получить отъ м. Филарета набедренникъ, 1840 г. апрѣля 27 дня былъ Высочайше награжденъ скуфьею и въ томъ же году 16 августа за свое пожертвованіе въ пользу церкви 1000 руб. былъ осчастливленъ благословеніемъ Св. Синода съ опубликованіемъ въ столичныхъ вѣдомостяхъ. Наконецъ, въ 1855 г. о. Сухобрусовъ исполнилъ свое заветное желаніе—привелъ въ благолѣпный видъ большой Добро-Николаевскій храмъ и чрезъ 2 года послѣ того скончался въ мирѣ ¹⁾).

По смерти Сухобрусова, по указу Киевской духовной Консисторіи отъ 23 іюня 1858 г. за № 4652, временно исправлялъ требы при Добро-Николаевской церкви служившій предъ тѣмъ въ г. Витебскѣ священникъ Романъ Евстафьевъ Бинѣцкій ²⁾), и лишь спустя полгода былъ опредѣленъ настоятелемъ ея—зять Сухобрусова *Александръ Ивановичъ Браиловскій*. Окончивши курсъ Академіи со степенью кандидата богословія, онъ на-

Такъ напр. съ 9 октября 1837 г. по 1 ноября 1843 г. онъ былъ сотрудникомъ Попечительства кіево-печерскихъ и старо-кіевскихъ церквей, за что и удостоился въ 1845 г. получить отъ Попечительства похвальный листъ.

¹⁾ Архив. ц., кзиров. вѣдом. 1857 г.

²⁾ Архив. ц., — кзиров. вѣдом. 1858 г.

чалъ свою службу въ санѣ священника при Переяславско-Успенской церкви (съ 14 августа 1850 г.) и уже здѣсь обнаружилъ плодотворную дѣятельность въ должности благочиннаго по всему Переяславльскому уѣзду (съ 10 июля 1854 г. и законоучителя въ баталіонной школѣ (съ 15 ноября 1857 г.)¹⁾ Но 26 августа 1859 г. онъ оставилъ Полтавскую епархію и поступилъ на мѣсто тестя къ нашей Добро-Николаевской церкви. Здѣсь открылось о. Александру широкое поприще для дѣятельности. Будучи приходскимъ священникомъ, онъ несъ въ то же время и много постороннихъ весьма сложныхъ и трудныхъ обязанностей: состоялъ одновременно или послѣдовательно „законоучителемъ въ нѣкоторыхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ²⁾, былъ членомъ и казначеемъ епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія (22 Января 1871 г.—9 Ноября 1877 г.)³⁾, членомъ Духовной Консисторіи (съ 23 Юня 1877 г.) и проходилъ различныя другія должности по духовному⁴⁾ и духовно-учебному вѣдомству⁵⁾. Н

¹⁾ 15 Декабря 1856 г. онъ былъ награжденъ набедренникомъ 14 апрѣля 1858 г.—скуфьею, а 2 декабря того же года получилъ бронзовый крестъ и бронзовую медаль въ память войны 1853—1856 г.

²⁾ Былъ законоучителемъ въ Кіево-Подольскихъ приходскихъ училищахъ (7 мая 1859 г.—12 марта 1865 г.), въ Александровскомъ дѣтскомъ Приютѣ (14 ноября 1859 г.—15 августа, 1875 г.), въ жевской (28 октября 1871 г.—17 августа 1876 г.) и мужской гимназіяхъ (31 мая 1876 г.—24 сентибря 1877 г.).

³⁾ 9 ноября 1877 г., согласно прошенію, онъ былъ уволенъ отъ этой должности съ объявленіемъ ему архипастырской признательности.

⁴⁾ Такъ напр. онъ провѣрялъ метрич. книги Кіевской Епархіи за 1860 и 1861 гг., за что 1863 марта 18 дня ему была объявлена благодарность епархіальнаго начальства со высшею оной въ формулярный списокъ; съ 15 сентября 1864 г. по 10 сентября 1876 г. былъ по выбору духовенства депутатомъ Кіев. Палаты уголовного суда; 25 октября 1868 г. былъ опредѣленъ экзаменаторомъ; въ 1874 г. былъ членомъ Комитета по исправленію Кіево-Подольскаго Успенскаго собора.

⁵⁾ Былъ членомъ Ревизіоннаго Комитета для повѣрки отчетовъ;

главнымъ образомъ вниманіе о. Браиловскаго было обращено на приходскій храмъ и прихожанъ. Всячески стараясь поддержать тотъ благолѣпный видъ большой церкви, который она получила еще при Сухобрусовѣ, и по возможности благоуукра- сить малую церковь подъ колокольнею ¹⁾, онъ вмѣстѣ съ этимъ заботился объ улучшеніи и увеличеніи церковной утвари; и, дѣйствительно, благодаря его иниціативѣ, старостою Георгіемъ Чернышевымъ было приобрѣтено и разными благотворителями было пожертвовано въ церковь много крестовъ, евангелій, со- судовъ, облаченій и т. п. весьма цѣнныхъ вещей. Особенно же памятенъ о. Александръ для прихожанъ: они до сихъ поръ съ любовію воспоминаютъ его ласковое и добродушное обра- щеніе съ ними, до сихъ поръ помнятъ его отечески-назидательныя поученія, которыя онъ преподавалъ имъ при всякомъ удобномъ случаѣ; даже теперь наиболѣе достаточные изъ нихъ считаютъ своею священною обязанностию приглашать его для участія въ наиболѣе важныхъ семейныхъ торжествахъ—дѣ- лить съ нимъ и свою радость, и свое горе; даже и теперь его имя можно встрѣтить во многихъ приходскихъ помянникахъ. Заслуги и труды о. Александра, кромѣ прихода, цѣнило и поощряло высшее начальство: оно употребляло всѣ средства къ тому, чтобы достойно почтить его. И, дѣйствительно, въ теченіи 21 года своей службы при Добро-Николаевской церк-

за 1859 г., 1861 и 1865 г. по Киевской духовной Семинаріи, за 1860, 1862 и 1865 г. по Кіев. духов. Академіи и за 1866—1870 г. по всѣмъ духовно-учебнымъ заведеніямъ Кіев. епархіи; 1871 г. ноября 1 дня былъ назначенъ наблюдателемъ учебно-воспитательной части въ Кіево-Подол. дух. Училищѣ; 1873 г. марта 8 дня былъ опредѣленъ членомъ Строительнаго Комитета по расширенію зданія Кіев. Училища для дѣвицъ духов. званія; съ 30 іюля 1873 г. по 21 апр. 1876 г. состоялъ членомъ Семинарскаго Правленія и за труды по этой должности удостоился архиепископской признательности.

¹⁾ За это 2 декабря 1875 г. ему была объявлена архиепископская благодарность и благословеніе Божіе.

ви о. Браиловскій удостоился получить всѣ награды, какія только можно получить приходскому священнику. Не говоря уже о многократномъ объявленіи ему архипастырской признательности за выполнение различныхъ порученій начальства: онъ за отличную и ревностную службу по духовному вѣдомству былъ послѣдовательно награжденъ камилавкою (21 апрѣля 1862 г.) и наперснымъ крестомъ (6 апрѣля 1865 г.), затѣмъ былъ возведенъ въ санъ протоіерея (6 мая 1868 г.) и удостоился Всемиловѣйшаго благоволенія самой Государыни Императрицы за содѣйствіе процвѣтанію кiev. дѣтскихъ приютовъ (19 ноября 1869 г. и 26 сентября 1870 г.), а въ заключеніе былъ Всемиловѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны третьей (8 апрѣля 1873 г.) и второй (27 марта 1877 г.) степени¹⁾. Къ сожалѣнію, въ 1879 г. о. Браиловскій оставилъ нашъ приходъ и перешелъ на службу въ Кіево-Софійскій кафедральный соборъ, гдѣ и доселѣ здравствуетъ въ милости отъ Бога, благоволеніи отъ начальства, любви отъ сослуживцевъ и глубокомъ уваженіи отъ подчиненныхъ. Впрочемъ, ему нашелся достойный преемникъ въ лицѣ Х. М. Орды.

Харисимъ Михайловъ Орда, уроженецъ Полтавской губерніи, воспитанникъ Кіевской духовной Академіи, началъ свою службу 28-го сентября 1861 г. въ Екатеринославской духовной Семинаріи, гдѣ въ теченіи трехъ лѣтъ преподавалъ словесность, нѣмецкій языкъ и вмѣстѣ съ этимъ проходилъ нѣкоторыя другія должности²⁾. Зарекомендовавши себя здѣсь въ качествѣ отличнаго преподавателя³⁾ и бывъ утвержденъ

¹⁾ Архив. ц., — кляиров. вѣдом. за 1878 г.

²⁾ 20 марта 1862 г. онъ былъ опредѣленъ членомъ Екатеринослав. Церковно-Историческаго и Статистическаго комитета и съ 21 апр. 1863 г. по 15 іюня 1864 г. проходилъ должность помощника Инспектора Семинаріи.

³⁾ По представленію Ректора Кіев. дух. Академіи, обозрѣвавшаго Екатеринослав. Семинарію, отъ 13 іюля 1864 г. получилъ за усѣбшное преподаваніе благословеніе Св. Синода.

въ степени магистра богословія (26 марта 1864 г.), Х. Орда 15 іюля 1864 г., по представленію Академіи, былъ переведенъ въ Кіев. дух. Семинарію для преподаванія Св. Писанія и соединенныхъ съ нимъ предметовъ. Какъ глубокой знатокъ Св. Писанія, талантливый педагогъ и ревностный, аккуратный исполнитель всѣхъ своихъ обязанностей¹⁾, онъ списалъ себѣ и въ Кіевѣ неподдѣльную любовь и глубокое уваженіе со стороны своихъ питомцевъ и сослуживцевъ, а также обратилъ на себя вниманіе и высшаго начальства²⁾. Но въ одной только Семинаріи Х. М. Орда не находилъ полнаго и всесторонняго примѣненія всѣхъ своихъ силъ и богатыхъ способностей. Состоя, кромѣ Семинаріи, преподавателемъ словесности въ женскомъ духовномъ Училищѣ (съ 15 января 1865 г.), онъ 25-го сентября 1877 г. м. Филошеемъ былъ рукоположенъ во священника къ церкви этого Училища. Впрочемъ, почти чрезъ два года послѣ того о. Харисимъ оставилъ женское Училище и тогда-то (9-го ноября 1879 г.) занялъ священническое мѣсто при Добро-Николаевской церкви. Недолго онъ былъ здѣсь настоятелемъ—всего лишь 3 г. 8¹/₂ мѣсяцевъ; однако и въ такое короткое время онъ успѣлъ сдѣлать много добраго для нашей церкви. Особенно заботился о. Харисимъ о возвышеніи религіозно-нравственнаго состоянія прихожанъ.

¹⁾ Съ 20 сентября 1865 г. по 16 ноября того же года онъ, по порученію Правленія Семинаріи, преподавалъ, за отсутствіемъ наставника, Св. Писаніе во второмъ параллельномъ классѣ; 20 сентября 1865 г. былъ опредѣленъ библіотекаремъ и назначенъ преподавателемъ нѣмецкаго языка, каковую должность проходилъ по 14 марта 1867 г.; съ 27 сентября 1873 г. по 8 декабря 1878 г. состоялъ членомъ Педагогическаго Собранія; съ 31 декабря 1874 г. по 8-е марта 1877 г. былъ членомъ Строительнаго Комитета по перестройкѣ семинарскаго зданія; съ 7 іюля 1877 г. по 1 сентября того же года былъ исправляющимъ должность инспектора.

²⁾ 2 марта 1870 г. за отлично-усердную службу онъ Всемилостивѣе былъ пожалованъ орденомъ св. Анны 3 степени.

Конечно, главнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли у него, какъ человѣка, владѣющаго даромъ слова, была проповѣдь,—не ограничиваясь преподаваніемъ Закона Божія въ сосѣдней мужской Гимназіи (съ 9 сентября 1877 г.), онъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность учить въ то же время въ храмѣ и по домамъ, учить благовременно; и, нужно сказать, его проповѣдь не была зауядною: соединяя съ глубиною содержанія простоту изложенія и принаравливаясь къ дѣйствительнымъ потребностямъ слушателей, она шла отъ сердца къ сердцу, оставляла въ послѣднемъ глубокий слѣдъ и „приносила плодъ много во время свое“. Но другимъ важнымъ средствомъ для достиженія той же самой цѣли служило организованное о. Харисимомъ хорошее пѣніе въ церкви: устроивши хоръ пѣвчихъ изъ своихъ учениковъ—гимназистовъ для праваго клироса, онъ на собственные средства, при маломъ пособіи отъ церкви, содержалъ особаго пѣвца, который долженъ былъ являться на лѣвый клиросъ и пѣть вмѣстѣ съ псаломщикомъ при богослуженіи во всѣ воскресные и праздничные дни, а равнымъ образомъ и во всякій четвергъ, когда читается акаѳистъ предъ иконою угодника Николая ¹⁾. Само собою понятно, что хорошее пѣніе, заведенное и о. Харисимомъ, невольно завлекало прихожанъ въ храмъ и возвышающимъ образомъ дѣйствовало на ихъ душу. И прихожане, дѣйствительно, были сердечно-признательны о. Ордѣ за его заботы объ ихъ нравственномъ усовершенствованіи,—тѣмъ болѣе, что онъ самъ, какъ человѣкъ отзывчивый на радость и горе ближняго, простой и обходительный въ обращеніи со всѣми, уже самою личностью своею располагалъ къ себѣ каждого. Любили о. Харисима и его сослуживцы—кіево-подольскіе священники, по выбору коихъ онъ въ теченіи болѣе, чѣмъ двухъ лѣтъ (съ 18 апрѣля 1880 г. по 20 октября 1882 г.), проходилъ должность благочиннаго;

¹⁾ На тѣхъ же самыхъ условіяхъ пѣвецъ этотъ состоитъ при церкви и по-нынѣ.

не забывало его и начальство, наградивъ послѣдовательно набедренникомъ (1 ноября 1877 г.), камилавкою (15-го апрѣля 1878 г.) и наперснымъ крестомъ (18-го апрѣля 1882 г.)¹⁾. Но въ маѣ 1883 г. о. Орда оставилъ Добро Николаевскій приходъ, бывъ призванъ Богомъ къ почести высшего званія. Въ настоящее время онъ, съ именемъ Приняя, уже епископствуетъ на Чигиринской кафедрѣ, состоя викаріемъ Кіевской митрополіи; а наши прихожане справедливо гордятся тѣмъ, что ихъ бывший батюшка удостоился получить такой высокій санъ, и доселѣ не перестаютъ поминать его въ своихъ молитвахъ предъ престоломъ Всевышняго.

На мѣсто о. Харисима 7 августа 1883 г. Высокопреосвященнѣйшимъ Платономъ, митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, былъ рукоположенъ къ Добро-Николаевской церкви *Павелъ Григорьевъ Преображенскій*. Ярославецъ по рожденію и первоначальному воспитанію, кіевлянинъ по Академіи, кандидатъ богословія по образовательному цензу, зарекомендовавшій себя „отлично усердною и полезною службою“ сначала въ родной Академіи, а затѣмъ въ Кіевск. дух. Семинаріи²⁾,

¹⁾ Архив. ц., — киров. вѣдом. за 1882 г.

²⁾ По окончаніи курса въ Академіи, онъ 15 августа 1869 г. былъ опредѣленъ исправляющимъ должность Секретаря Совѣта и Правленія Академіи; 22 февраля 1870 г. былъ назначенъ, по прошенію, Помощникомъ Инспектора въ Кіевск. дух. Семинарію; 27 декабря 1872 г. былъ перемѣщенъ на должность преподавателя греч. яз. въ той же Семинаріи; по порученію Правленія Семинаріи, за отсутствіемъ наставника, съ 1 сентября по 11 октября 1878 г. преподавалъ греч. языкъ въ 5 параллельн. классѣ; съ 11 ноября 1873 г. по 6 февраля 1884 г. былъ Секретаремъ Семинарскаго Правленія; съ 17 декабря 1874 г. по 15 октября 1875 г. состоялъ дѣлопроизводителемъ Комитета по постройкѣ зданія Семинаріи; съ 22 сентября 1876 г. по 20 августа 1885 г. былъ дѣлопроизводителемъ по училищнымъ дѣламъ при преосвящ. викаріѣ, заведывавшемъ духовно-учебными заведеніями Кіев. епархіи. 9 іюля 1878 г. за отлично-усердную и полезную службу при Семинаріи ему былъ Всемилостивѣйше пожалованъ орденъ Станислава 3 степени, а 3 іюля 1881 г. — орденъ св. Анны 3 степени.

о. Павелъ и въ санѣ приходскаго священника являлся и является вѣрнымъ служителемъ алтаря Господня и истинно-добрымъ пастыремъ своего прихода, достойнымъ преемникомъ своихъ почтенныхъ предшественниковъ. Благодаря его иниціативѣ, непосредственному надзору и личному руководству, нашъ храмъ во время послѣдней подѣлки получилъ такой благолѣпный видъ, что, кажется, не остается желать чего-нибудь болѣе лучшаго. Въ настоящее время вся забота о. Павла состоитъ въ томъ, чтобы поддержать сей благолѣпный видъ храма, и это ему вполне удастся: своею безукоризненною чистотою и порядливостію Добро-Николаевская церковь производитъ на всякаго посторонняго посѣтителя впечатлѣніе не обычной—приходской, а домовою аристократической церкви. Но заботясь о храмѣ, какъ объ истинномъ домѣ Божіемъ, о. Павелъ никогда не упускаетъ изъ виду и молящихся въ немъ своихъ прихожанъ. Отличаясь благоговѣйнымъ отношеніемъ къ священнослуженію, кроткимъ и мягкимъ характеромъ, любвеобильнымъ и впечатлительнымъ сердцемъ, привѣтливымъ и ласковымъ обращеніемъ со всѣми, онъ невольно располагаетъ къ себѣ cadaго и уже самою своею личностію поучаетъ пасомыхъ; однако онъ никогда не забываетъ употреблять въ дѣло и другое средство для нравственнаго воздѣйствія на прихожанъ: не забываетъ поучать ихъ словомъ какъ въ храмѣ на литургіи, такъ и по домамъ при отправленіи частныхъ требъ. И, нужно сказать правду, прихожане любятъ и уважаютъ о. Павла, всегда съ умиленіемъ выслушиваютъ его назидательныя и глубоко-прочувствованныя поученія и дорожатъ его практически-мудрыми совѣтами и наставленіями. Такимъ же примѣрнымъ, честнымъ и опытнымъ труженникомъ, ревностнымъ и аккуратнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей, о. Преображенскій заявлялъ и заявляетъ себя и во всѣхъ другихъ сферахъ своей разнообразной дѣятельности,—при прохожденіи многихъ постороннихъ должностей, какія онъ несъ и несетъ, не отвлекаемый обширностію при-

хода, и которыя возлагались и возлагаются на него довѣріемъ начальства,—напримѣръ—должности преподавателя Семинаріи (по 23 ноября 1889 г.), духовнаго слѣдователя (съ 26 ноября 1883 г.), члена мѣстнаго духовно-цензурнаго Комитета (16 іюля 1884 г.—5 іюля 1890 г.), члена Семинарскаго Правленія (9 октября 1884 г.—23 ноября 1889 г.), дѣлопроизводителя (11 января 1885 г.—23 іюля того же года) и члена (съ 23 іюля 1885 г.) епархіальнаго Училищнаго Совѣта, благочиннаго (съ 20 августа 1885 г.), законоучителя Кіево-Подольской женской Гимназіи (съ 25 августа 1889 г.) и члена Комитета по изысканію мѣръ къ уничтоженію штунды въ Кіев. епархіи (съ 23 ноября 1889 г.). Само собою понятно, что труды и заслуги о. Павла не остаются безъ вознагражденія: получивъ набадренникъ (10 сентября 1883 г.) и камилавку (8 апрѣля 1884 г.), онъ 9 мая 1888 г. былъ возведенъ въ санъ протоіерея, воспріявъ этотъ санъ четвертымъ изъ всѣхъ извѣстныхъ исторіи добро-николаевскихъ священниковъ ¹⁾.

Низшіе члены причта.

Послѣ характеристики священниковъ намъ слѣдовало бы сдѣлать краткія замѣчанія о низшихъ членахъ причта: діаконахъ, дьячкахъ, пономаряхъ и просфорняхъ. Но, къ сожалѣнію, извѣстія объ этихъ послѣднихъ, начинающіяся лишь съ половины прошлаго столѣтія, дошли до насъ въ видѣ однихъ отрывочныхъ и бѣглыхъ упоминаній, дающихъ по большей части одни только голыя имена ихъ и ничего не говорящихъ объ ихъ дѣятельности. Въ виду такой скудости свѣдѣній, мы по отношенію къ низшимъ членамъ причта ограничимся однимъ только перечисленіемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, съ обозначеніемъ времени ихъ службы при нашей церкви.

Діаконы: Василій Носичъ—1745—1748 г. ²⁾,

¹⁾ Архив. ц. — киров. вѣдом. за 1890 г.

²⁾ Діаконъ В. Носичъ, по свѣдѣтельству прихожанъ, былъ доброправенъ, со всѣми обходительнъ, въ чтеніи книгъ и въ цѣнн церковноѣ искусствѣ (Архив. Консистор. 1745 г. № 36).

Михаилъ Павловскій—1749—1755 г. ¹⁾,
Іоаннъ Максимовичъ—1756—1782 г. ²⁾,
Василій Помаранскій—1783—1790 г. ³⁾,
Іоаннъ Торжинскій—1791—1795 г. ⁴⁾,
Василій Лопатинскій—1809—1811 г. ⁵⁾,
Никита Сухобрусовъ—1812—1813 г. ⁶⁾,
Онуфрій Колтаповскій—1814—1815 г. ⁷⁾,
Мина Маковскій—1816—1825 г. ⁸⁾,
Андрей Верболовъ—1826 г. ⁹⁾,
Лука Бѣлоцерковскій—1827—1828 г. ¹⁰⁾,
Димитрій Дьяченко—1829—1831 г. ¹¹⁾,

¹⁾ Этотъ діаконъ былъ долженъ студенту Академіи Григорію Сковородѣ 30 руб. денегъ (Архив. Консistor. 1749 г. № 86, 1750 г. № 11, 1756 г. № 18): вотъ что только мы и знаемъ о немъ.

²⁾ Архив. Консistor. 1756 г. № 55, 1757 г. № 23 и 1775 г. № 7.

³⁾ Василій Помаранскій былъ сынъ добро-николаевского священника Саввы, внукъ Гавріила Ширпы, учился въ Академіи; въ 1791 г. онъ перешелъ къ Кіево-Андреевской церкви, а потомъ былъ рукоположенъ въ военнаго священника (Архив. Консistor. 1791 г. № 14).

⁴⁾ Въ 1795 г. онъ принялъ монашество въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ (Архив. Консistor. 1791 г. № 14).

^{5—7)} Архив. ц.,—исповѣдныя вѣдомости за это время.

⁸⁾ Онъ родился въ 1792 г., былъ сынъ пономаря, учился въ Академіи, 1 октября 1816 г. былъ рукоположенъ во діакона; въ чтевіи и пѣніи, по отзыву священника, былъ искусенъ (Архив. ц.,—клиров. вѣдом. за 1821 г.).

⁹⁾ Архив. ц.,—исповѣди. вѣдом. за 1826 г.

¹⁰⁾ Лука Бѣлоцерковскій родился въ 1801 г., былъ сынъ дьячка, въ Академіи и Семинаріи не обучался, 2-го февраля 1824 г. былъ постриженъ въ стихарь въ с. Вербоватѣ Уманскаго Повѣта, 11 ноября того же года былъ перемѣщенъ къ Старо-Кіевской Георгіевской церкви, 1 октября 1826 г. былъ рукоположенъ во діакона въ с. Солтановку Васильков. Повѣта, а 7 августа 1827 года перешелъ на дьячковское мѣсто къ нашей церкви (Архив. ц.,—клир. вѣдом. за 1827 г.).

¹¹⁾ Архив. ц.,—исповѣди. вѣдом. за это время.

Труды Кіевской Дух. Академіи. Т. II. 1892.

11

Гавріиль Нестеровскій—1832—1834 г. ¹⁾,
и Іоаннъ Вишницкій—съ 1861 г. до настоящаго времени ²⁾.

Дьячки: Оеодоръ Высоцкій—1756—1757 г. ³⁾,
Стефанъ Ивановъ—1768—1769 г. ⁴⁾,
Филиппъ Томаховскій—1794 г. ⁵⁾,
Зиновій Романовскій—1809—1813 г. ⁶⁾,
Яковъ Кирилловичъ—1821—1824 г. ⁷⁾,
Іванъ Розмаинскій—1825 г. ⁸⁾,
Александръ Захарьевичъ—1833—1837 г. ⁹⁾,

¹⁾ Онъ родился въ 1805 г., перешелъ въ нашу церковь изъ с. Домашекъ, Васильков. уѣзда (Архив. Консист. 1834 г. № 27).

²⁾ Іоаннъ Монсеевъ Вишницкій, сынъ священника, уволенный изъ низшаго отдѣленія Киевск. духов. Училища, былъ опредѣленъ 15 Августа 1838 г. въ Лебединскій Георгіевскій монастырь въ клиросное послушаніе, 1841 г. августа 3 дня переведенъ въ больничный монастырь при Кієво-Печерской Лаврѣ, 13 декабря 1842 г. посвященъ въ стихарь и въ 1844 г. перемѣщенъ въ Кієво-Софійскій митрополитанскій домъ, гдѣ исполнялъ должность псаломщика. Въ 1847 г. онъ былъ опредѣленъ въ Корсунской Спасской церкви дьячкомъ и 19 іюля 1859 г. рукоположенъ къ той же церкви во діакона. 31 августа 1860 г. онъ перешелъ въ Кієвской Институтской церкви, а 15 апрѣля 1861 г.—къ Доброму Николаю (Архивъ ц.,—клиров. вѣдом. за 1861—1890 г.).

³⁾ Онъ былъ прежде дьячкомъ при Вознесенской Кієво-Печерской церкви (Архив. Консист. 1757 г. № 28).

⁴⁾ Архив. Консисторіи 1766 г. № 112 и 1771 г. № 68.

⁵⁾ Архив. Консистор. 1794 г. № 38.

⁶⁾ Архив. ц.,—исповѣдн. кн. за это время.

⁷⁾ Кирилловичъ родился въ 1786 г., 1810 г. ноября 24 дня былъ опредѣленъ въ с. Жуковцы къ Космодамианской церкви, а 5 августа 1821 г. перемѣщенъ къ Доброму Николаю (Архив. ц.—клир. вѣд. за 1821 г.).

⁸⁾ Архив. ц.,—исповѣдн. вѣд. за 1825 г.

⁹⁾ Александръ Оеодоровъ Захарьевичъ родился въ 1811 году,—перемѣщенъ въ нашу церковь въ 1833 г. изъ с. Липовки Кієвскаго уѣзда (Архив. ц.,—клиров. вѣдом. за 1836 г.).

Іаковъ Левицкій—1838—1847 г. ¹⁾,
 Іларіонъ Терлецкій — 1848 г. ²⁾,
 и Оома Данилевскій—1849—1860 г. ³⁾.

Пономари: Никита Манковскій—1770 г. ⁴⁾,
 Андрей Навроцкій—1771 г. ⁵⁾,
 Лукьянъ Нагорскій—1772 г. ⁶⁾,
 Семенъ Бондаревскій—1793 г. ⁷⁾,
 Григорій Крыжановскій—1794 г. ⁸⁾,

¹⁾ Іаковъ Андреевъ Левицкій род. въ 1815 г., въ училищахъ не обучался, 15 ноября 1831 г. былъ опредѣленъ въ заштатный Мошнo-горскій монастырь на послушаніе, 31 декабря 1834 г. перешелъ въ Пустынно-Николаевскій монастырь, а 12 іюня 1838 г. былъ опредѣленъ и посвященъ въ стихарь къ Добро-Николаевской церкви (Архив. ц.,—клиров. вѣдом. за 1847 г.).

²⁾ Іларіонъ Михайловъ Терлецкій родился въ 1819 г., обучался въ Уманскомъ духовномъ Училищѣ, въ 1843 г. поступилъ въ с. Журженцы на дьячковское мѣсто, въ 1843 г. поступилъ на такое же мѣсто къ Кіево-Щекавицкой кладбищенской церкви, а 22-го сентября 1848 г. перешелъ къ Доброму Николаю (Архив. ц.,—клиров. вѣд. за 1848 г.).

³⁾ Оома Антоновъ Данилевскій род. въ 1814 г.; выдержавши причетнический экзаменъ, онъ 23 февраля 1836 г. былъ посвященъ въ стихарь на праздное пономарское мѣсто въ Кіево-Подольской Введенской церкви, 20-го сентября 1837 г. былъ переведенъ дьячкомъ къ Кіево Іорданской Дмитріевской церкви, а 2-го февраля 1849 г. поступилъ на Добро-Николаевскій приходъ (Архив. ц.,—клиров. вѣдом. за 1859 г.).

⁴⁾ Никита Семеновъ Манковскій, уроженецъ гор. Орши, сынъ тамошняго мѣщанина, въ 1769 г. пришелъ въ Кіевъ на богомолье и, представивъ свой паспортъ въ Кіево-Подольское духовное Правленіе, былъ принятъ причетникомъ къ нашей церкви (Архив. Консistor. 1770 г. № 17).

^{5—6)} Архив. Консistor. 1771 г. № 68.

⁷⁾ Архив. Консistor. 1793 г. № 64.

⁸⁾ Григорій Онисимовъ Крыжановскій перешелъ къ нашей церкви изъ с. Пироговъ, Кіев. уѣзд. (Архив. Консistor. 1794 г. № 60).

Евдокимъ Савидкій—1794—1820 г. ¹⁾,
 Іоаннъ Кедриновскій—1821—1824 г. ²⁾,
 Іаковъ Костецкій—1825 г. ³⁾,
 Оеодоръ Петровскій—1826—1833 г. ⁴⁾,
 Михаилъ Радивевскій—1834—1836 г. ⁵⁾,
 Діомидъ Концевичъ—1837—1838 г. ⁶⁾,
 Григорій Крыжановскій—1839—1842 г. ⁷⁾,
 Даниилъ Обушинскій—1843—1855 г. ⁸⁾,
 и Александръ Пахаловичъ—1856—1880 г. ⁹⁾.

Наконецъ, къ числу членовъ причта должно отнести *про-сфоренъ*; изъ нихъ мы знаемъ долько трехъ и притомъ за нынѣшнее столѣтіе; это—Параскева Басильева Бѣлгина (1809

1) Архив. Консисстор. 1794 г. № 38; Архив ц.—испов. вѣд. за 1809—1820 г.

2) Іоаннъ Кедриновскій род. въ 1801 г.,—сначала былъ пономаремъ при Воздвиженскій церкви с. Оратовки Липовѣцкаго Повѣта, а 13 іюля 1821 г. перешелъ къ Доброму Николаю (Архив. ц.—клиров. вѣдомости за 1821 г.).

3) Архив. ц.—исповѣд. вѣдом. за 1825 г.

4) Оеодоръ Іосифовъ Петровскій былъ указнымъ сторожемъ (Архив. ц.—исповѣд. вѣдом. за 1826 г.).

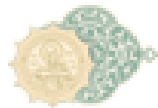
5) Михаилъ Карповъ Радивевскій, сынъ діакона, по выдержаніи причетническаго экзамена при Кіево-Софійскомъ Соборѣ, 1834 г. ноября 23 дня былъ опредѣленъ къ нашей церкви на праздно пономарское мѣсто и 2 февраля 1836 г. посвященъ въ стихарь (Архив. ц.—клиров. вѣдом. за 1836 г.).

6) Архив. ц.—приходн. кв. за 1837 г.

7) Григорій Филипповъ Крыжановскій, сынъ сторожа, исключенный изъ перваго класса приходскаго училища, получилъ мѣсто пономаря при Добро-Николаевской церкви въ мартѣ 1839 г. (Архив. ц.—клиров. вѣдом. за 1842 г.).

8) Даниилъ Обушинскій, сынъ священника, уволенный въ іюнѣ мѣсяцѣ 1843 г. за малоуспѣшность изъ высшаго отдѣленія Кіево-Подольскаго духовнаго Училища, 12 ноября того же года поступилъ въ пономари къ Добро-Николаевской церкви и 20 ноября 1844 г. былъ посвященъ въ стихарь (Архив. ц.—клиров. вѣдом. за 1855 г.).

9) Александръ Васильевъ Пахаловичъ, сынъ священника, уволен-

—1822 г.), Параскева Павлова Прокоповичъ (1835—1861 г.) и Параскева Филиппова Фоменко (съ 1862 г. до настоящаго времени); всѣ онѣ—вдовы священниковъ ¹⁾.

Ктиторы.

Къ числу же церковно-служителей должны быть причислены и ктиторы. Мы уже раньше видѣли дѣятельность каждаго изъ нихъ на пользу церкви, видѣли ихъ усердіе и ревность къ исполненію возложенныхъ на нихъ приходомъ обязанностей. Вотъ почему въ настоящемъ случаѣ мы ограничимся лишь перечисленіемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ; замѣтимъ только, что въ прошлые два вѣка при нашей церкви были одновременно два и даже иногда 3—4 ктитора, и лишь съ начала нынѣшняго столѣтія является при ней одинъ только староста. Вотъ какіе ктиторы, а затѣмъ и старосты извѣстны намъ:

Давидъ Кривковичъ, Ѳеодоръ Юшковичъ и Филонъ Шершневичъ —1631 г. ²⁾,
Филонъ Шершень и Симонъ Месникъ—1646—1647 г. ³⁾,
Остапъ Исидоровъ и Василий Ладный — 1684 г. ⁴⁾,
Яковъ Николаевъ и Василий Осиповъ — 1690 г. ⁵⁾,
Василій Ладный, Яковъ Городецкій и Савва
Можневскій 1694 г. ⁶⁾,

ный въ 1846 г. изъ высшаго отдѣленія Богуславскаго духовнаго Училища, съ 11 декабря 1848 г. по 18 октября 1856 г. проходилъ клиросное послушаніе въ Кіево-Братскомъ монастырѣ, а 22 октября того же 1856 г. былъ посвященъ въ стихарь и определенъ пономаремъ къ Добро-Николаевской церкви (Архив. ц., — клиров. вѣдомости за 1880 г.).

¹⁾ Архив. ц., — исповѣдн. вѣдом. за это время.

²⁾ Архив. ц. №№ 6, 7, 8 и 9.

³⁾ Архив. ц. №№ 20 и 21.

⁴⁾ Архив. ц. № 34.

⁵⁾ Архив. ц. № 39.

⁶⁾ Архив. ц. № 41.

Антонъ Николаевъ, Савва Можневскій и

Иванъ Филипповичъ 1695 г. ¹⁾,
 Иванъ Апостолъ и Иванъ Стефановичъ. . . 1707 г. ²⁾,
 Иванъ Марченко и Исидоръ Ивановъ. . . 1729 г. ³⁾,
 Стефанъ Михайловъ и Исидоръ Ивановъ 1730—1732 г. ⁴⁾,
 Стефанъ Михайловъ и Игнатъ Роговскій — 1736 г. ⁵⁾,
 Стефанъ Петровъ и Алексѣй Сербинъ—1745—1753 г. ⁶⁾,
 Артемъ Могилевцевъ и Константинъ Георгіевъ—1754 г. ⁷⁾,
 Матей Коробка и Иванъ Бовтъ — 1756—1757 г. ⁸⁾,
 Юта — 1758 г. ⁹⁾,
 Бубликъ — 1762 г. ¹⁰⁾,
 Александровичъ—1762 г. ¹¹⁾,
 Богославскій и Сторжинскій — 1769 г. ¹²⁾,
 Григорій Александровичъ и Мина Семеновъ—1773—1774 г. ¹³⁾,
 Григорій Чижевскій и Карпъ Александровичъ—1785 г. ¹⁴⁾,
 Трофимъ Петровскій и Леонтій Ивановъ — 1788 г. ¹⁵⁾,
 Демьянъ Смилянскій и Андрей Навроцкій — 1793 г. ¹⁶⁾,
 Назаръ Сухота и Маркъ Безсмертный—1793—1802 г. ¹⁷⁾,

¹⁾ Архив. п. № 42.

²⁾ Архив. ц. № 44.

³⁾ Архив. ц. № 53.

⁴⁾ Архив. ц. № 52 и Архив. Консистер. 1736 г. № 1.

⁵⁾ Архив. Консистер. 1736 г. № 1.

⁶⁾ Архив. ц. № 56; Архив. Консистер. 1745 г. №№ 25 и 36, 1753 г. № 35.

⁷⁾ Архив. Консистер. 1754 г. №№ 8 и 23.

⁸⁾ Архив. Консистер. 1756 г. № 3 и 1757 г. № 28.

^{9—12)} Упоминаются одни только фамиліи этихъ ктиторовъ въ описи документовъ, хранящейся въ Архивѣ Консистеріи 1787 г. № 131.

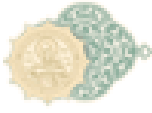
¹³⁾ Архив. Консистер. 1773 г. № 52 и 1774 г. № 68.

¹⁴⁾ Архив. ц. № 59.

¹⁵⁾ Архив. Консистер. 1788 г. № 71.

¹⁶⁾ Архив. Консистер. 1791 г. № 14.

^{17—18)} Архивъ. ц., — приходорасходн. кн. за это время (см. подписи).

Назаръ Сухота и Иванъ Могилевцевъ—1803—1807 г. ¹⁾,
Василій Калачниковъ — 1813—1821 г. ²⁾,
Алексѣй Туманскій—1822—1827 г. ³⁾,
Ефимъ Вишневскій — 1828—1830 г. ⁴⁾,
Іоанникій Оробьевъ — 1831—1850 г. ⁵⁾,
Теодоръ Чернышевъ—1851—1859 г. ⁶⁾,
Георгій Черновъ—1860—1880 г. ⁷⁾,
Петръ Коробка—1880—1881 г. (май) ⁸⁾,
Яковъ Латышевъ—1881 г. (іюнь) —1884 г. (августъ) ⁹⁾,
Алексѣй Фоломинъ—съ сентября 1884 г. до настоящаго
времени ¹⁰⁾.

А. Георіевскій.

^{1—10)} Архив. ц., —приходорасходи. кн. за это время(см. подписи).

Александръ Леопольдовичъ Штрогоферъ.

16 марта 1892 года, въ 7 часовъ вечера, скончался, на 63 году жизни, лекторъ французскаго языка въ Киевской духовной Академіи Александръ Леопольдовичъ Штрогоферъ, проболѣвъ 6 дней инфлуэнцою, осложнившеюся воспаленіемъ легкихъ. Вѣсть о неожиданной смерти почившаго глубоко поразила всѣхъ, близко знавшихъ его. Личныя дарованія и многостороннее образованіе его снискали ему право на то уваженіе, которымъ онъ пользовался во время жизни своей, и которое сказалось тотчасъ по смерти его.

А. Л. Штрогоферъ, по отцу—нѣмецъ, по матери—русскій (родился онъ въ Полтавской губерніи), по вѣроисповѣданію—православный, получилъ широкое образованіе. Онъ прошелъ полный (пятилѣтній) курсъ медицинскихъ наукъ въ университетѣ св. Владиміра, не подвергнувшись, впрочемъ, окончательному испытанію. По выходѣ изъ Киевскаго университета онъ выдержалъ экзаменъ на званіе домашняго учителя французскаго языка, послѣ чего онъ въ 1865 году октября 14 поступилъ на педагогическіе курсы при Харьковскомъ университетѣ, въ числѣ казенныхъ стипендіатовъ, для спеціальнаго изученія французскаго языка. По окончаніи занятій на этихъ курсахъ онъ въ 1867 г. октября 15 причисленъ былъ, на основаніи §§ 38 и 40 Высочайше утвержденнаго 20 марта 1860 г. Положенія о Педагогическихъ

курсахъ, къ первому разряду кандидатовъ—педагоговъ съ правомъ быть преподавателемъ французскаго языка и воспитателемъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и съ зачисленіемъ ему, на основаніи § 5 того же Положенія, времени пребыванія на курсахъ въ дѣйствительную службу, но съ обязательствомъ прослужить за каждый годъ стипендіатства 3 года по назначенію начальства. Въ 1867 году декабря 12 онъ выдержалъ надлежащій экзаменъ въ испытательной Комиссіи при Харьковскомъ университетѣ и удостоенъ былъ званія учителя гимназіи по французскому языку.

Получивъ такое образованіе, А. Л. Штрогоферъ въ 1867 г. декабря 12 поступилъ въ Курскую гимназію сверхштатнымъ преподавателемъ французскаго языка въ параллельныхъ классахъ. Съ должностію преподавателя французскаго языка въ этой гимназіи, онъ съ слѣдующаго года, согласно прошенію, сталъ совмѣщать еще обязанности воспитателя пансіонеровъ этой гимназіи; обязанности эти онъ исполнялъ только годъ съ небольшимъ. Въ 1869 году сентября 12 онъ перемѣненъ былъ исправляющимъ должность преподавателя французскаго языка въ коренные классы гимназіи съ увольненіемъ отъ должности „компатнаго надзирателя“ пансіона. Кромѣ того, съ августа 1868 г. по іюль 1871 г. онъ преподавалъ на Педагогическихъ курсахъ при Курскомъ уѣздномъ училищѣ педагогику, дидактику и методику, и почти во все это время (съ 10 ноября 1868 г. по іюль 1871 г.) по распоряженію начальства исправлялъ должность инспектора означенныхъ курсовъ. Въ 1870 г. января 29 онъ утвержденъ былъ въ должности преподавателя французскаго языка; въ этой должности онъ оставался до 1873 г. Съ открытіемъ въ этомъ году въ Кіевѣ реального училища онъ, согласно прошенію, Попечителемъ Кіевского учебнаго Округа перемѣненъ былъ учителемъ французскаго языка въ это училище. Въ томъ же году, по распоряженію того же Попечителя, онъ опредѣленъ былъ учителемъ французскаго языка и въ Кіев-

скую женскую гимназію, гдѣ онъ учительствовалъ до 1877 г. іюня 1. Въ Кіевскомъ реальномъ училищѣ съ званіемъ преподавателя французскаго языка онъ совмѣщалъ еще и другія обязанности—члена Хозяйственнаго комитета при этомъ училищѣ (съ 1873 г. августа 22 по 1876 г. сентября 28) и секретаря Педагогическаго совѣта училища (съ 1873 г. сентября 10 по 1876 г. сентября 28). Наконецъ, въ 1882 г. сентября 2 Совѣтомъ Кіевской духовной Академіи онъ избранъ былъ на должность лектора французскаго языка при Академіи, каковую онъ и проходилъ до самой своей смерти.

Такова была многосторонняя, непрерывная и продолжительная дѣятельность почившаго Александра Леопольдовича на многотрудномъ педагогическомъ поприщѣ. Всю свою жизнь посвятилъ онъ учебно-воспитательному дѣлу. И съ какою любовью, съ какою энергіею относился онъ къ этому дѣлу! Богато одаренный отъ природы силою чувства, онъ въ большей или меньшей степени влагалъ это чувство и въ свои чтенія. Отсюда рѣчи его были всегда образны, живы и чрезъ то интересны.

Среди научныхъ трудовъ по учебно-воспитательному дѣлу А. Л. Штрогоферъ находилъ пріятное отдохновеніе въ занятіяхъ искусствами, особенно музыкою. Онъ былъ выдающийся музыкантъ съ зачатками даже продуктивныхъ способностей. По случаю 25-лѣтняго царствованія покойнаго Государя Александра II, онъ написалъ музыкальное сочиненіе: „Гимнъ для оркестра“, и поднесъ его императору Александру Николаевичу, за что удостоился Высочайшей благодарности. Кромѣ искусства, онъ находилъ возможнымъ посвящать свой досугъ еще и нѣкоторымъ вопросамъ естествознанія. Наконецъ, онъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Церковно-археологическаго Общества.

Какъ въ своихъ рѣчахъ и бесѣдахъ, такъ и въ дѣлахъ онъ сказывался истинно-русскимъ, истинно-православнымъ христіаниномъ. Беззавѣтная преданность русскому дѣлу и

горячая ревность по нашей православной вѣрѣ сдѣлались столь же близкими его сердцу, какъ и большая разносторонняя образованность его ума.

Неудивительно послѣ сказаннаго то уваженіе, которымъ пользовался Александръ Леопольдовичъ при жизни своей. Обладая медицинскими и художественно-музыкальными познаніями, онъ чрезъ это самое рѣзко выдѣлялся изъ ряда своихъ коллегъ по профессіи—преподавателей иностранныхъ языковъ, и при прекрасныхъ чертахъ своего характера являлся симпатичнымъ наставникомъ и собесѣдникомъ. Погребеніе А. Л. Штрогофера совершенно было въ четвергъ 19 марта. Отпѣваніе происходило въ церкви Братскаго монастыря. Божественную литургію и панихиду совершалъ Преосвященный Ректоръ Академіи, епископъ Сильвестръ. Во время литургіи законоучителемъ реального училища, священникомъ Гр. Прозоровымъ, было произнесено приличное случаю слово. Во время же отпѣванія двумя студентами Академіи сказаны были надгробныя рѣчи... Тѣло почившаго было погребено на кладбищѣ Флоровскаго монастыря. Въ печальномъ кортежѣ изъ квартиры покойнаго до церкви Братскаго монастыря и отсюда до кладбища Флоровскаго монастыря принимали участіе студенты Академіи и Реальное Училище въ полномъ своемъ составѣ. На гробъ почившаго возложена была масса вѣнковъ, отъ сослуживцевъ и воспитанниковъ Реального училища, отъ родныхъ и друзей его, и женской гимназіи и одинъ отъ студентовъ Академіи.

СЛОВО,

сказанное на заупокойной литургіи, предъ погребеніемъ лектора французскаго языка при К. Д. Академіи А. Л. Штрогофера, законоучителемъ Реальнаго училища священникомъ Г. Прозоровымъ.

„Аминь, аминь глаголю вамъ: яко придетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ. И изыдутъ сотворшии блага въ воскресеніе живота, а сотворшии злая въ воскресеніе суда“. (Іоан. 5, 25 и 29).

Вотъ тѣ безконечно отрадныя и успокоительныя слова Господа нашего Іисуса Христа, которыми истинные послѣдователи Его утѣшаютъ себя при мысли о смерти—при послѣднемъ разставаніи съ усопшими, близкими по крови и дорогими сердцу. Для вѣрующаго нѣтъ смерти; для него то, что называется смертію, не прекращеніе существованія, а начало новой жизни, не уничтоженіе личности, а преселеніе ея въ вѣчность. Кто истинно вѣруетъ, для того *и нынѣ есть* воскресеніе, въ которомъ „мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ“, ибо съ момента смерти начинается вѣчная жизнь, а въ вѣчности нѣтъ прошедшаго и будущаго, но только *настоящее*. Какъ зерно, брошенное въ землю, умираетъ, чтобы ожить въ стеблѣ и плодахъ, такъ и человѣкъ подвергается тѣлѣннѣй смерти, чтобы ожить духомъ для неба. Мысль человѣческая безсильна разрѣшить тайну смерти; даже философія—это высшее про-

явленіе человѣческаго разума—безмолвствуетъ при видѣ бездыханнаго тѣла, но вѣра разрѣшаетъ и эту тайну, снимаетъ таинственный покровъ и съ самой смерти и, разрѣшая, утѣшаетъ. Для нея смерть есть начало блаженнаго воскресенія, въ которомъ нѣтъ болѣзни, печали и воздыханія, но жизнь беконечная... И какимъ жалкимъ, безпомощнымъ и загадочнымъ въ мірѣ существомъ оказался бы человѣкъ, если бы у него не было такой вѣры! Что за смыслъ его существованія безъ жизни за гробомъ? Къ чему тогда всѣ усилія и успѣхи его пытливаго и безпокойнаго ума, всѣ стремленія и надежды, борьба и паденія, добродѣтель и страданія? Неужели для того только, чтобы на время вспыхнуть и безцѣльно угаснуть!... Все въ природѣ имѣетъ разумную причину, существуетъ для опредѣленныхъ цѣлей, и достигаетъ этихъ цѣлей, развиваясь столько, сколько носить въ себѣ силъ; а человѣкъ съ своимъ разумомъ и царственнымъ достоинствомъ является въ мірѣ для того, будто бы, чтобы оставить его и уничтожиться, не достигши развитія своихъ силъ, съ неосуществленными стремленіями и надеждами?! Если бы это было такъ, то это было бы еще большимъ чудомъ, чѣмъ самое воскресеніе мертвыхъ... Но нѣтъ, съ этимъ никогда не мирилось общечеловѣческое сознаніе, противъ этого возстаетъ непосредственное чувство каждаго. Никто и на одинъ моментъ не въ состояніи отрѣшиться отъ мысли, что онъ будетъ жить всегда, не можетъ вообразить себѣ, что его когда-либо не станетъ, больше того—не можетъ даже представить себя на мѣстѣ покойника, не смотря на то, что случаи смерти повторяются чаще, чѣмъ что-либо другое въ жизни, что всякую секунду она уноситъ многихъ изъ среды людей. Со всѣмъ мы можемъ освоиться, ко всему привыкаемъ, а къ смерти никогда. Точно также никто изъ людей, умирая, не скажетъ, что онъ сдѣлалъ все, что желалъ, и достигъ всего, къ чему стремился,—почему? Потому что и за гробомъ жизнь, жизнь личная, стоящая къ земной въ такомъ же отноше-

ніи, какъ вѣчность къ времени, какъ безконечное къ конечному; потому что человѣкъ созданъ не для истлѣнія, а для безсмертія. Послѣ этого становятся понятными слова Побѣдителя смерти: *„грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ“*.

Если такъ, если за смертію открывается наше безсмертіе, а въ безсмертіи лучшая жизнь—блаженная вѣчность, то почему же мы страшимся смерти, почему боимся ея, какъ лютейшаго врага своего, почему съ ужасомъ отворачиваемся отъ нея и предаемся безутѣшной скорби и отчаянію, когда встрѣчаемся съ нею лицомъ къ лицу? По недостатку вѣры, братіе! Вѣры въ насъ мало, оттого и смерть намъ страшна. Слабая вѣра не утѣшитъ тѣмъ, что настоящее отечество наше за гробомъ, и что разлука души съ тѣломъ (этихъ неразлучныхъ друзей на землѣ) и умершаго съ живыми—временная, до воскресенія мертвыхъ. Для живой же вѣры, для истиннаго послѣдователя Христа, достойно приготовившаго себя къ вѣчности, смерть не страшна, ибо предъ его просвѣтленнымъ взоромъ и нынѣ есть то воскресеніе, послѣ котораго *„сотвориши благая изыдутъ въ воскресеніе живота“*. Праведника встрѣчаетъ смерть съ спокойнымъ и яснымъ челомъ, съ тихою радостью и упованіемъ на Господа; для него смерть есть незамѣтный и желанный переходъ изъ одной жизни въ другую, отъ земнаго къ небесному, отъ временнаго къ вѣчному; умирая, онъ какъ бы усыпаетъ. Потому-то для христіанъ смерть—успение, умершіе—усопшіе, и дни кончины св. угодниковъ Церковь празднуетъ какъ дни духовнаго торжества ихъ. Значитъ, не смерть должна страшить насъ, а грѣхъ, за который каждый дастъ отвѣтъ предъ нелицепріятнымъ судомъ Божиимъ. Только смерть грѣшниковъ люта, ибо грѣхи приковываютъ человѣка къ землѣ, порабащаютъ душу тѣлу. А погрязшая въ грѣхахъ душа, служившая землѣ и плоти, какъ преступная раба, содрогается и ужасается предъ новой жизнью, къ которой себя не приготовила. Привыкнуши жить

только для тѣла, она трепещетъ смерти, ибо предчувствуетъ за нею „воскрешеніе суда“, въ которое изыдутъ „сотворшіи злая“.

Чтобы не бояться смерти, нужно безпрестанно помнить нелицепріятный судъ Божій, нужно умерщвлять грѣхъ, а не умирать въ немъ, нужно господствовать надъ плотію, а не служить ей. Тогда невѣдомый загробный міръ представлялся бы нашему взору вожделеннымъ отечествомъ, а земля временной краткосрочной школой, воспитывающей для этого отечества. Тогда каждый, на закатѣ дней своихъ, не скорбѣлъ бы и не страшился бы того, что земная храмина его разрушается, но, подобно св. апостолу Павлу, съ радостной надеждою на милосердіе Божіе, могъ бы воскликнуть: *„подвигомъ добрымъ подвижася, теченіе скончашъ, вѣру соблюдохъ: прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ мнѣ Господь праведный Судія въ день онъ, не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбившимъ явленіе Его“* (2 Тим. 4, 7—8). Тогда три послѣднемъ разставаніи съ близкими и родными мы не надрывали бы себя и другихъ безутѣшными слезами, не предавались бы скорби и отчаянію, а лишь возносили бы за ючившихъ молитвы къ престолу Всевышняго.

Миръ праху твоему, почившій и возлюбленнѣйшій братъ нашъ о Христѣ! Прости и молись за насъ въ томъ мірѣ, гдѣ мы молимся за тебя подъ сѣнію этого храма. Собравшись, чтобы воздать тебѣ послѣднее цѣлованіе, не будемъ омрачать своею скорбію послѣдній земной путь твой среди насъ, а соединимся въ общей молитвѣ за тебя, дабы necessarily предстать тебѣ въ мѣсто, *„идѣ же рабъ и владыка купитъ предстоятъ, царь и воинъ, богатый и убойный въ равнѣмъ достоинствѣ, кійжедо бо отъ своихъ дѣлъ или прославится, или постыдится“* (Надгр. пѣсн.). Будемъ молиться, да водворитъ тебя Нелицепріятный и Милосердый Судія „въ иѣстѣ свѣтлѣ, идѣ же праведніи упокоеваются“.

Священникъ Г. Прозоровъ.

РѢЧИ,

сказанныя надъ гробомъ лектора французскаго языка при
Кіевской духовной Академіи А. Л. Штрогофера.

1.

Неисповѣдимы пути Господни!... Еще такъ недавно мы слышали твои, достоуважаемый наставникъ, рѣчи, проникнутыя теплотою чувства и искренностію убѣжденій. Всего лишь недѣлю тому назадъ мы имѣли возможность видѣть тебя, всегда въ своихъ убѣжденіяхъ твердаго, въ дѣлахъ и поступкахъ справедливаго, въ обращеніяхъ вѣжливаго и благороднаго, въ добромъ и, повидимому, цвѣтущемъ здравіи. Никому изъ насъ и на мысль не могло прійти, что неумолимая смерть вскорѣ захититъ тебя отъ насъ. Но неисповѣдимы пути Господни... Съ быстротою молніи вѣсть о сразившей тебя смерти пронеслась между твоими присными, знакомыми, друзьями, начальниками, сослуживцами, воспитанниками и у всѣхъ одинаково вызвала глубокое чувство скорби...

И какъ намъ, твоимъ слушателямъ, не скорбѣть, какъ не плакать вмѣстѣ съ плачущими! Мы утратили въ тебѣ добраго, энергичнаго, неутомимаго, трудолюбиваго наставника. Теперь навсегда неумолимою смертію отнята у насъ возможность поучаться твоими во время чтеній бесѣдами, исходившими изъ твоего многоопытнаго ума, горячаго сердца и твердой воли. Съ большимъ искусствомъ употреблявшіеся тобою приемы въ своихъ чтеніяхъ, широта и полнота научныхъ воззрѣній, любовь къ своему предмету, энергія, какія сказывались въ твоёмъ преподаваніи, неослабное желаніе передать свое знаніе слушателямъ, соединенное съ сердечно-заботливымъ отношеніемъ къ нимъ, вотъ что заставляло насъ видѣть въ тебѣ не только талантливаго наставника, но и глубоко-сердечнаго человѣка и привлекало насъ къ тебѣ и твоимъ чтеніямъ!...

И вотъ теперь предъ нами твой недвижимый и бездыханный трупъ!... Немилосердая смерть навсегда сомкнула твои

глаза, такъ живо воспламеняшіеся всякій разъ, когда твои, теперь охладѣлыя и замкнутыя, уста произносили рѣчи о возвышенныхъ предметахъ. Благородное сердце твое никогда уже не забьется, какъ живо билось оно при жизни твоей въ отвѣтъ на все высокое, истинное и прекрасное. Еще нѣскольکو мгновеній, и крышка твоего гроба навсегда сокроетъ отъ насъ твой добродушный ликъ...

Прости же намъ, нашъ добрый наставникъ, всѣ наши вольныя и невольныя, упущенія въ отношеніи къ тебѣ!... Прости! Всѣ прекрасныя качества твоей души навсегда останутся въ нашихъ сердцахъ и воспоминаніяхъ о тебѣ. Въ душахъ нашихъ ты оставляешь лучший памятникъ по себѣ. Долгъ нашъ, долгъ твоихъ бывшихъ питомцевъ, молиться о тебѣ предъ Всевышнимъ, въ селенія Котораго ты теперь вступаешь... Да упокоится же душа твоя въ селеніи праведныхъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная!...

Студентъ IV курса *Петръ Орловъ*.

2.

Приидите, послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, усопшему нашему наставнику. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали его выздоровленія,—и вотъ онъ мертвъ! Мы жаждали вновь увидѣть его среди насъ бодрымъ и полнымъ силъ, вновь услышать его искреннюю, любящую рѣчь,—и вотъ предъ нами бранные останки любимаго человѣка, свидѣтельствующіе намъ только о непрочности человѣческихъ надеждъ и мимолетности земнаго существованія. Простимся же съ этими дорогими сердцу нашему останками, ибо земля, которая теперь имѣетъ на нихъ больше правъ, чѣмъ мы, уже ждетъ, чтобы навѣки сокрыть ихъ отъ насъ въ вѣдрахъ своихъ.

А мы, товарищи, сохранимъ у себя на всю жизнь тѣ драгоцѣнныя останки, которые покойный нашъ наставникъ оставилъ въ сердцахъ нашихъ. Обладая пылкой и впечатлительной душой, разносторонними дарованіями и такимъ же образованіемъ, онъ умѣлъ не только учить своихъ слушателей, но и воспитывать. Горячая любовь его къ своему дѣлу пере-

давалась его слушателямъ, и уроки его выслушивались съ напряженнымъ вниманіемъ. Чтеніе избранныхъ произведеній иностранныхъ мыслителей сопровождалось съ его стороны такими объясненіями, которымъ его многостороннее образованіе придавало захватывающій интересъ, а житейская опытность—особенный авторитетъ. Въ особенности же отзывчива была его высокохудожественная душа къ тѣмъ красотамъ, которыя заключаетъ въ себѣ христіанская религія и которыя съ такимъ совершенствомъ изображены въ сочиненіи родственнаго ему по духу мыслителя ¹⁾. Возвышенность христіанскаго ученія, непостижимость путей промысла Божія, великое дѣло искупленія человечества и оожествленный ликъ нашего искупителя,—обо всемъ этомъ онъ говорилъ съ благоговѣніемъ, которое, въ соединеніи съ живостью и увлекательностью его рѣчи, производило на насъ, его слушателей, неотразимое и неизгладимое впечатлѣніе. Чувствовалось, что это говоритъ человѣкъ, много жившій и много испытавшій. Чувствовалось, что его благоговѣніе къ вѣрѣ, любовь къ человечеству и ко всему высокому и прекрасному въ мірѣ составляли для него драгоценнѣйшее достояніе всей его жизни. И подъ впечатлѣніемъ его убѣжденной рѣчи и въ самихъ слушателяхъ росла и крѣпла преданность къ вѣрѣ и наукѣ и рѣшимость трудиться и работать для ихъ процветанія.

И вотъ, теперь, дорогой нашъ наставникъ, ты даешь намъ послѣдній свой урокъ! Урокъ нѣмой,—но тѣмъ болѣе поучительный; урокъ печальный,—но тѣмъ болѣе для насъ благотворный—урокъ христіанской кончины. Еще немного—и дорогія намъ черты лица твоего исчезнутъ навсегда изъ нашихъ глазъ. Но духъ твой будетъ жить не только тамъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханій; но онъ будетъ еще продолжать жить и на землѣ,—до тѣхъ поръ, пока будутъ жить и дѣйствовать здѣсь твои немалочисленные воспитанники. Скромный, но нерукотворенный памятникъ въ сердцахъ нашихъ создалъ ты себѣ своею дѣятельностью и къ этому памятнику никогда не заростетъ тропа нашихъ благодарныхъ воспоминаній.

Студентъ II курса *Николай Вишневскій*.

¹⁾ Шатобріана, *Génie du christianisme*.

ИЗВѢСТІЯ

Церковно-археологическаго Общества при Кіевской духовной Академіи.

ЗА М. МАРТЪ 1892 Г.

16 Марта было обыкновенное засѣданіе Церковно-археологическаго общества, на которомъ сдѣланы сообщенія членами Н. Н. Петровымъ „Новооткрытый кіевскій проповѣдникъ второй половины XIII“ и А. А. Дмитриевскимъ—о книгѣ Іоанна Сакеллиона Βιβλιοθήκη Πατριάρχης, Аѳоны, 1890 года, и избранъ въ дѣйствительные члены общества вновь назначенный помощникъ инспектора Кіевской духовной Академіи М. Г. Петрушевскій.

Въ теченіи марта мѣсяца въ церковно-археологическое Общество, музей и библіотеку его поступили слѣдующіе предметы:

А) Отъ Императорской Археологической Коммиссіи изданные ею „Матеріалы по археологіи Россіи“, №№ 3—7, и Отчетъ о дѣятельности сей Коммиссіи за 1882—1888 года, съ Атласомъ къ нему.

Б) Отъ Далматскаго Археологическаго музея въ Сплѣтѣ *Bulletino di Archeologia e Storia Dalmata*, за 1891 г., № 12, и за 1892 г., № 2.

В) Отъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи Труды сей коммиссіи, тома № 1 № 6, Рязань, 1891 года.

Г) Отъ почетнаго члена, Преосвященнаго Анатолія, Епископа Уманскаго, третьяго викарія кіевской епархіи: 1) рукописный славянскій служебникъ македонской редакціи, XVI вѣка, in 4-о, полученный изъ г. Битоля, и 2) рукописное евангеліе XVII вѣка, безъ начала, въ листъ, съ остатками надписи внизу по листамъ: „Храмъ сѣго келкомѣчника Хѣа Георгія прѣпоказалъ Леоѳтіа архімандрита Прилепскаго за свою дѣя. что китъ ѿ монастыря изкаднѣ и посконѣ, да вѣдѣтъ что ѿкъ проклатъ отъ Гѣ Бѣ къ сѣдѣжѣтѣлѣ и сѣты Георгія келкомѣчѣкъ да вѣдѣтъ смѣ сѣпѣрѣчѣкъ на страшѣнѣ сѣдъ Хѣа. Подписъ въ лѣтѣ 7131 (1623) мѣца Номъ 27“.

Д) Отъ Почетнаго Члена, Сенатора, Тайнаго Совѣтника Димитрія Александровича Ровинскаго: Подробный Словарь

русскихъ гравированныхъ портретовъ. Составилъ Д. А. Ро-винскій. Изданіе съ 700 фототипичными портретами. Томы I—IV. С.-Петербургъ. 1886—1889 г. 8-о.

Е) Отъ членовъ изъ академической корпораціи тридцать три руб. (33 р.) серебромъ на нужды Общества.

Ж) Отъ дѣйствительнаго члена, Совѣтника Курскаго губернскаго Правленія Т. І. Вержбицкаго—рукописный Апокалипсисъ толковый, in 4-о, заключающій въ себѣ 148 листовъ, безъ начала, съ подписью внизу по листамъ: „Сия книга Старооскольца Семена Семенова сына Немчинова куплена на Москвѣ, дана денегъ десять алтынъ въ 705 году месеца ноября въ 11 день“.

З) Отъ члена—корреспондента, священника С.-Петербургскаго Исакиевскаго собора И. К. Херсонскаго, брошюры: 1) „Рукописи изъ архива Макаріева Успенскаго монастыря“, разсмотрѣнныя И. К. Херсонскимъ, Кострома, 1892 г., и 2) „Лицевой Синодикъ бывшаго Кинешемскаго Вознесенскаго монастыря“, Ив. Херсонскаго, 8-о.

И) Отъ члена—корреспондента, преподавателя Полтавскаго Епархіальнаго женскаго училища В. П. Ковалевскаго—фотографическій снимокъ съ портрета Амвросія, архіепископа Екатеринославскаго и Херсона-Таврическаго († 13 сент. 1792 г.), съ подлинника, находящагося въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ.

І) Отъ настоятеля Кіево-Подольской Воскресенской церкви, священника Д. Дмитрева связка документовъ, хранившихся въ сей церкви, съ 1607 по 1782 годъ; изъ нихъ только десять документовъ, съ 1607 по 1731 годъ, имѣютъ отношеніе къ имущественнымъ правамъ церкви, тогда какъ остальные документы суть копіи сенатскихъ, синодальныхъ и консисторскихъ указовъ общаго содержанія.

К) Отъ П. Шибанова издаваемая имъ „Библиографическія Записки“. Ежемѣсячное иллюстрированное изданіе. Москва. 1892 г. № 2-й.

Л) Отъ воспитанника Кіевской дух. Семинаріи Н. И. Гошкевича пять серебряныхъ монетъ, изъ коихъ три римскія Юліи, Фаустины, Волузіана и двѣ турецкія.

„Много труда и мало пользы“, горько замѣчаетъ авторъ. Но, не безъ основанія огорченный и скорбный, авторъ захотѣлъ заставить испытать то-же тяжелое чувство и своего читателя: онъ вводитъ его въ самый процессъ своихъ „утомительныхъ“ поисковъ за источниками... Вниманію читателя онъ предлагаетъ обширѣйшій каталогъ самыхъ разнородныхъ и разноразличныхъ сочиненій, въ которыхъ, полагаетъ онъ, можно бы искать свѣдѣній о Нубіи; и, находя въ нихъ только кое что—почти ничего, а то не указывая и вовсе ничего („о Нубіи здѣсь нѣтъ ничего“), утѣшаетъ себя и читателя мыслію, что если подобныя сочиненія и не знакомятъ съ исторіей нубійскаго христіанства, то „по большей части они сами по себѣ не малоцѣнны въ научномъ отношеніи... при томъ же они малоизвѣстны или даже вовсе неизвѣстны въ русской исторической литературѣ, такъ что *всякое* сообщеніе объ нихъ и ихъ содержанія (хотя и не относящемся къ Нубіи) будетъ новостью для русскихъ читателей“. Читатель предъ подавляющей массой рекомендуемыхъ ему источниковъ для исторіи Нубіи,—въ виду горькихъ жалобъ автора на недостатокъ источниковъ,—сначала недоумѣваетъ. Затѣмъ, пробѣгая,—страница за страницей,—длинный перечень сочиненій, долженствующихъ, по намѣренію автора, имѣть интересъ новости для русскихъ, и почти не встрѣчая на этихъ страницахъ самаго слова—Нубія, начинаетъ разочаровываться; сочувственная автору скорбь и огорченіе ослабѣваетъ; подкрадывается рѣшительно непреодолимая скука. Особенно приходится испытать это, вступая въ область арабской литературы. Свыше полутора ста арабскихъ сочиненій въ текстѣ, да еще не мало въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, предлагаетъ вниманію читателя авторъ; длинными сложными именами арабскихъ авторовъ и кудрsvатыми, цвѣтистыми въ восточномъ вкусѣ (въ подлинникѣ и въ переводѣ) названіями ихъ сочиненій заняты десятки страницъ. Но и на такомъ обширномъ полѣ жатва, употреблю выраженіе автора, оказывается малою. Дѣло объясняется просто: авторъ значи-

тельно большей части исчисляемыхъ имъ арабскихъ сочиненій даетъ одну изъ слѣдующихъ отмѣтокъ: „до насъ не дошло“; „не сохранилось“; „неизвѣстнаго содержанія“; „не попало въ европейскія библіотеки“; „не издано“; „вовсе неизвѣстно въ Европѣ“; „не обнародовано“; „почти совершенно неизвѣстно въ Европѣ“; „находится въ рукописи“; и вообще замѣчаетъ, что изъ арабскихъ сочиненій въ европейскія библіотеки попали въ рукописяхъ лишь немногія, а напечатано еще меньше. Конечно, это послѣднее обстоятельство не затруднило автора въ его работѣ: онъ, какъ не арабистъ, и изданными арабскими (въ подлинникѣ) сочиненіями не могъ пользоваться; самъ онъ говоритъ, что большую половину арабскихъ извѣстій о Нубіи будетъ брать готовою изъ *Bibliothèque orientale par D'Herbelot*, и изъ сочиненія Катрмера *Memoires sur la Nubie*. Созданіе полной исторіи христіанства въ Нубіи по арабскимъ источникамъ онъ, поэтому, „предоставляетъ будущему времени“. Перечисленіемъ же арабскихъ сочиненій, въ коихъ *нужно будетъ искать* свѣдѣній о Нубіи, надѣется только „облегчить трудъ будущихъ работниковъ на этомъ поприщѣ дѣятельности“. Но едвали будущимъ работникамъ принесетъ много пользы перечисленіе множества сочиненій, большею частью безъ краткой даже отмѣтки, есть ли въ нихъ что-нибудь о Нубіи и что именно, и, притомъ,—безъ указанія, гдѣ хранятся рукописи этихъ не изданныхъ, не попавшихъ въ европейскія библіотеки, сочиненій. Не цѣлесообразнѣе ли было-бы просто направить будущихъ работниковъ къ тѣмъ же „обозрѣвателямъ исторической и географической литературы арабовъ, перечисляющимъ цѣлый рядъ сочиненій по исторіи и географіи Египта, иногда съ прямымъ указаніемъ, что тѣ или другія сочиненія касаются и сосѣднихъ съ Египтомъ странъ“ (стр. 176), у которыхъ заимствовалъ свои каталоги и самъ авторъ? Наконецъ, если авторъ непременно уже захотѣлъ дать мѣсто въ своемъ сочиненіи такому подробному перечню арабскихъ (да и сирскихъ) сочиненій, то

не лучше ли было бы снести въ подстрочныя примѣчанія большую ихъ часть,—всѣ тѣ, о которыхъ самъ авторъ говоритъ, что они почти бесполезны для дѣла, едва-едва упоминають о Нубіи, а то—и совсѣмъ неизвѣстно, упоминають ли? А въ текстѣ оставить только сочиненія, дѣйствительно служащія источникомъ, но уже не ограничиваться біографическими замѣтками объ авторахъ,—въ родѣ того, что такой-то былъ кадіемъ, полицеймейстеромъ, но до сана визиря не дослужился,—перечисленіемъ всѣхъ ихъ сочиненій, для Нубіи значенія не имѣющихъ, и изложеніемъ такого же содержанія ихъ, а сдѣлать хоть краткое указаніе, по какимъ вопросамъ исторіи Нубіи и что можетъ быть въ томъ или другомъ сочиненіи найдено. Длинный списокъ источниковъ отъ этого замѣтно сократился бы, но дѣло,—обслѣдованіе источниковъ,—выиграло бы.

Перейдя на западъ, въ область литературъ европейскихъ народовъ, авторъ замѣтно уже щадитъ читателя, и сноситъ въ подстрочныя примѣчанія массу такихъ малозначительныхъ для дѣла сочиненій, равныя которымъ, даже менѣе подходящія, раньше рѣшительно загромаждали, безъ пользы для дѣла, текстъ сочиненія. Жаль, что авторъ и здѣсь ограничивается замѣтками въ родѣ того, что такое-то сочиненіе имѣетъ значеніе для исторіи христіанства въ Нубіи (стр. 242); даже тѣ сочиненія, которыя не мало пособляли автору въ работѣ, онъ только перечисляетъ, не входя въ болѣе подробное разсмотрѣніе ихъ и оцѣнку, что было бы естественно въ трудѣ, спеціально посвященномъ источникамъ, и что дѣлаетъ самъ авторъ съ источникомъ другого рода,—вещественными памятниками,—важнѣйшіе изъ которыхъ онъ не перечисляетъ только, но подвергаетъ болѣе подробному обслѣдованію.

Перехожу къ второй главѣ. Въ началѣ ея, въ двухъ параграфахъ, авторъ очень подробно изображаетъ природу,—почву, флору, фауну,—бассейна верхняго и средняго Нила; по градусамъ, почти поверстно, слѣдитъ теченіе Нила, со

всѣми его уклонами и излучинами, чертитъ торговые пути страны въ различныхъ направленіяхъ, со всѣми псворотами и пресѣченіями, станціями, колодцами, безводными переходами, съ обозначеніемъ разстояній днями пути. Едва ли всѣ эти подробности будутъ имѣть много значенія для исторіи нубійскаго христіанства. Мнѣ кажется, что и эти подробности внесены авторомъ въ сочиненіе потому, что онъ считаетъ ихъ интересными *сами-по-себѣ* для своихъ читателей, хотя нельзя сказать, что они будутъ новостью для русскихъ читателей, знакомыхъ, напримѣръ, съ 10-мъ томомъ географіи Реклю. Дѣйствительно полезное для дѣла изъ этой области, затѣненное теперь массой ненужныхъ подробностей, удобно и съ пользою могло быть сообщено каждое въ своемъ мѣстѣ. Такъ и дѣлаетъ авторъ: проходя страну археологическимъ обзоромъ, онъ игнорируетъ этотъ свой, стоящій особнякомъ, очеркъ, и въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ даетъ картины природы, дѣлаетъ подробныя географическія указанія, вполне достаточныя для дѣла. Тоже, конечно, будетъ и во 2-мъ томѣ.—Что же касается занимающаго нѣсколько параграфовъ подробнаго обзора нынѣшнихъ насельниковъ Нубіи, ихъ племенныхъ особенностей, физическаго типа и нравственнаго склада, языка, быта и особенно религіознаго состоянія, то эти этюды,—конечно, очень интересные сами по себѣ, а можетъ быть даже—и новость для нѣкоторыхъ русскихъ читателей, не видавшихъ 10-го тома географіи Реклю,—для исторіи христіанства въ Нубіи не имѣютъ того капитальнаго значенія, какое, судя по обширности очерка, даетъ имъ авторъ. Авторъ прямо заявляетъ, что религіозно-нравственное состояніе народовъ, населяющихъ *теперь* бассейнъ средняго Нила, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ служить самостоятельнымъ, и даже лучшимъ, чѣмъ языкъ и проч., источникомъ для уясненія *прошлыхъ судебъ ихъ*. Для прошлыхъ судебъ *нынѣшнихъ* насельниковъ Нубіи—это вѣрно. Но у насъ рѣчь—о Нубіи христіанской. Авторъ хорошо знаетъ, что напоръ арабскихъ мусуль-

манскихъ ордъ разрушилъ и стеръ христіанскую Нубію; поголовнаго истребленія населенія, конечно, не было; и нынѣшніе обитатели Нубіи въ извѣстной мѣрѣ—потомки нубійцевъ періода христіанскаго; но волны дикихъ кочевниковъ съ запада и юго-запада Африки, нахлынувшія на развалины, то приливая, то отливая, дали столько разнообразныхъ осадковъ и новыхъ наслоеній, что подъ ними давно задохлись и уничтожились живые остатки христіанства. Всѣ эти племена, обозрѣнію которыхъ авторъ отвелъ столько мѣста, также мало могутъ сказать о христіанскомъ быломъ Нубіи, какъ киргизы, сарты, узбеки, таджики, текинцы и цѣлый рядъ нынѣшнихъ среднеазіатскихъ племенъ,—о славномъ прошломъ среднеазіатскаго христіанства, о которомъ еще на нашихъ дняхъ напомнили случайно открытыя обширныя несторіанскія кладбища въ семирѣченской области. Авторъ самъ, въ своемъ очень внимательномъ этюдѣ, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, повѣрьяхъ, обрядахъ нынѣшнихъ племенъ средняго и верхняго Нила не могъ открыть слѣдовъ христіанства (не беремъ въ счетъ племенъ, входящихъ въ сферу вліянія Абиссиніи). Подъ внѣшней мусульманской оболочкой религіознаго образа этихъ племенъ обнаруживается не вѣковой слѣдъ христіанства, хотя бы очень стертый и исковерканный, а просто грубое язычество кочевниковъ африканскихъ пустынь. И попытку нѣкоторыхъ путешественниковъ найти въ нѣкоторыхъ вѣрованіяхъ этихъ племенъ хоть отдаленный намекъ на христіанство авторъ самъ отклоняетъ основательнымъ предположеніемъ, не есть ли это скорѣе искаженный остатокъ первобытнаго однобожія рода человѣческаго. Можетъ быть, впрочемъ, во 2-мъ томѣ, проходя христіанскую Нубію, авторъ будетъ, по пути, черпать подкрѣпленіе и изъ этого источника, но пока, въ первомъ томѣ, при обозрѣніи вещественныхъ памятниковъ христіанства довольно—таки углубляясь въ исторію христіанства нубійскаго, къ этому источнику не обращается.

Я, впрочемъ, ничего не имѣлъ бы противъ помѣщенія въ

настоящемъ изслѣдованіи этого обширнаго и интереснаго самъ-по-себѣ этюда этнографическаго, если бы авторъ за нынѣшними средне и верхне-нильскими племенами, отдѣленными отъ христіанской Нубіи цѣлыми вѣками, не забылъ о Нубіи непосредственно предхристіанской. Христіанство, вступивши въ бассейнъ средняго Нила на смѣну язычества, приняло въ наслѣдство вѣковые богатые плоды цивилизаціи древней: времени Фараоновъ Египта и Эѳіопіи, Птолемеевъ и Римскихъ владыкъ. Оно вошло въ древніе храмы и приспособило ихъ для себя; оно воспользовалось искусствами и всей наличной культурой страны, и, поэтому, тѣмъ успѣшнѣе и быстрѣе, какъ свидѣлствуютъ памятники, двинуло впередъ и развитіе силы государственной, и общественный, и религіозно-правственный ростъ этихъ новообращенныхъ племенъ. Памятники на каждомъ почти шагу свидѣлствуютъ, въ какой тѣсной связи стояла христіанская жизнь и культура Нубіи съ цивилизаціей дохристіанской. Тѣмъ живѣе чувствуется недостатокъ къ настоящему сочиненію этнографическаго, политическаго, религіознаго, вообще, культурно-историческаго, хотя бы самаго общаго, но связнаго очерка дохристіанскаго прошлаго страны, которое не исчезло безслѣдно при появленіи и подъ натискомъ христіанства, а, напротивъ, въ извѣстной мѣрѣ стало живымъ настоящимъ самаго христіанства. Обзоръ вещественныхъ памятниковъ христіанства въ Нубіи показалъ это автору наглядно. Едва онъ, покончивши обзоръ нынѣшнихъ племенъ Нубіи и ихъ религіознаго состоянія, обратился къ христіанскому прошлому страны, уже на границѣ Нубіи, въ Филѣ, онъ очутился предъ монументальными созданіями древности, въ которыхъ отражались религія и культура цѣлыхъ вѣковъ, на которыя еще въ 5-мъ и 6-мъ христіанскихъ вѣкахъ египетскіе и сѣвернонубійскіе язычники съ благоговѣніемъ смотрѣли, какъ на мѣста священныя, какъ на религіозный оплотъ старой религіи, и которыя торжествующее христіанство возсоздало, преобразовало и сдѣлало точкой

отправленія для дальнѣйшей просвѣтительной и созидательной своей дѣятельности. И авторъ принужденъ былъ сдѣлать по этому случаю экскурсію въ глубь вѣковъ, упомянуть Діоклетіана, Клавдія, Тиверія, Птолемея, Фараоновъ, Изиду, Гора. Тоже повторялось на всемъ археологическомъ пути автора. Описаніями древнихъ памятниковъ, упоминаніями именъ, намеками на факты древней исторіи, отмѣтками частныхъ чертъ древнихъ вѣрованій, культа и проч. переполнено ослѣдованіе христіанскихъ памятниковъ Нубіи. Полагаю, каждый согласится, что если авторъ счелъ нужнымъ для уясненія христіанскаго прошлаго Нубіи дать обширный очеркъ состоянія нынѣшнихъ фунджей, шилуковъ, галласовъ и проч., то не менѣе важенъ былъ бы для уясненія характера христіанской нубійской цивилизаціи въ пору полного ея расцвѣта общій руководящій очеркъ,—я не говорю, конечно, исторіи Эіопіи начиная съ фараоновъ древнихъ династій,—но—ближайшаго ко времени введенія христіанства состоянія страны,—очеркъ на основаніи котораго уяснялись бы и получали все свое значеніе разбросанныя вездѣ по обзору памятниковъ частности древней жизни Нубіи.

Обращаюсь, наконецъ, къ обширнѣйшему отдѣлу сочиненія,—обозрѣнію и изслѣдованію вещественныхъ памятниковъ христіанства въ Нубіи. И „снова переживаю скорбь и горечь“, испытанныя мною при первомъ чтеніи этого, весьма интереснаго, существеннаго въ этомъ томѣ отдѣла, къ которому все предыдущее служило приготовленіемъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Каждый знаетъ, что въ сочиненіяхъ археологическихъ, изслѣдующихъ вещественные памятники,—въ частности, этнографическіе,—рисунки, снимки, планы, чертежи составляютъ необходимую принадлежность. Безъ нихъ содержаніе сочиненія въ весьма значительной мѣрѣ теряетъ научный характеръ; читатель остается въ потемкахъ, не будучи въ состояніи ни ясно представить себѣ предметъ, о которомъ—рѣчь, ни провѣрить и самостоятельно обсудить предлагаемое

авторомъ. Археологическое сочиненіе безъ снимковъ и чертежей имѣеть наконецъ просто неприличный видъ. Между тѣмъ авторъ „Христіанской Нубіи“, изслѣдуя цѣлые десятки памятниковъ, на 400 страницахъ не далъ рѣшительно ни одного снимка или чертежа. Авторъ, конечно, хорошо знаетъ это, почти элементарное, научное требованіе отъ серіознаго археологическаго изслѣдованія. Стоя еще на границѣ Египта и Нубіи, авторъ объявляетъ, что онъ „считаетъ себя обязаннымъ въ описаніи монументальныхъ памятниковъ удовлетворить требованію документальной точности, предъявляемому научной критикой къ историческимъ памятникамъ; къ описанію же ихъ приурочить *добавокъ* и отподобленіе христіанскихъ нубійскихъ надписей, находящихся преимущественно на этихъ памятникахъ“ (почему же только „добавокъ“, когда памятники древности дохристіанской должны быть интересны для автора не сами по себѣ, а, *главнымъ образомъ*, тѣмъ, что въ нихъ открывается христіанскаго?). И дѣйствительно, нѣсколько надписей авторъ „отподобилъ“ но затѣмъ отказался отъ своего обязательства и объявилъ, что будетъ печатать надписи исключительно „теперешними греческими письменами“. И хорошо сдѣлалъ. Отподобленіе способомъ, изобрѣтеннымъ авторомъ, было просто бесполезнымъ уродованіемъ. А способъ такой: „при отсутствіи въ типографіяхъ шрифта, специально приспособленнаго къ печатанію древнихъ греческихъ надписей, говоритъ онъ, внѣшній видъ послѣднихъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть довольно удовлетворительно отподобленъ при помощи прописныхъ буквъ общеупотребительнаго въ наше время греческаго алфавита съ придачей русскихъ прописныхъ буквъ Л и С и славянскій Ѡ“. Но и этимъ трехсоставнымъ славяно-руско-греческимъ шрифтомъ нѣкоторыя отподобленія сдѣланы неподобно: вставлены въ строки надписей буквы, которыя въ памятникахъ отсутствуютъ (стерты, вѣроятно, временемъ) и въ транскрипціи возстановляются только по смыслу (стр. 357). Начавши печатать надписи нынѣшнимъ

строчнымъ греческимъ шрифтомъ, уже въ транскрипціи, авторъ все-таки пытается дать читателю понятіе о внѣшнемъ видѣ надписей общимъ ихъ описаніемъ и частными подробными замѣтками о формѣ буквъ, о черточкахъ горизонтальныхъ, вертикальныхъ, наклонныхъ вправо, влѣво, о неправильностяхъ и дефектахъ; о знакахъ, не встрѣчающемся въ греческой и коптской азбукахъ, о которомъ понятіе можно составить, отбросивъ у Н нижнюю половину первой вертикальной черты и верхнюю половину второй; о горизонтальной чертѣ буквы Н, но безъ верхней половины передней вертикальной черты; о знакахъ, подобнаго которому нѣтъ ни въ греческой, ни въ коптской азбукѣ; о буквѣ Н безъ верхней половины задней вертикальной черты; о буквѣ Е безъ средней горизонтальной черты; о буквѣ N безъ задней вертикальной черты; о косвенной чертѣ буквы X, наклоненной справа на лѣво; объ У, имѣющемъ видъ латинскаго V, положеннаго на бокъ; о косвенной чертѣ какъ будто перваго рога буквы У и горизонтальной чертѣ надъ нею... Такими примѣчаніями подѣ строкой авторъ переполнилъ страницы, на которыхъ отпечатаны надписи въ нынѣшней греческой транскрипціи. Трудъ совершенно напрасный. По крайней мѣрѣ, я, терпѣливо прочитавши всѣ эти палеографическія упражненія автора, ничего въ нихъ не понялъ; а ознакомившись затѣмъ съ надписями въ Corpus-ѣ Бека, особенно, въ его таблицахъ, съ горечью убѣдился, что чтеніе палеографіи автора, занимающей довольно таки мѣста въ сочиненіи, было бесполезной тратой времени.—

Послѣ того какъ авторъ всему своему изслѣдованію о надписяхъ отказалъ въ самонужнѣйшей ученой обстановкѣ, странно слышать отъ него тутъ же, среди своихъ нарушеній требованій эпиграфики, упреки въ томъ же по адресу другихъ. Не избѣжали упрека столбы эпиграфики, Егжеръ, самъ Липсіусъ, но особенно (нѣсколько разъ) жалуется авторъ на профессора Помяловскаго за то, что онъ въ своей брошюрѣ: „По поводу одной греческой надписи“, „къ сожалѣнію, не давалъ точнаго отображенія подлинника надписей, почему ав-

торъ самъ не могъ опредѣлить вѣка памятника“ (стр. 399), „печатавъ только общеупотребительнымъ въ наше время греческимъ алфавитомъ (какъ и нашъ авторъ), почему авторъ и не могъ судить, насколько вѣрно переданъ въ брошюрѣ подлинный текстъ надписи“ (стр. 382, 394, 400). Сѣтованіе автора на Помяловскаго я обращаю къ нему самому. Не было, положимъ, нужды давать „точное отображеніе“ всѣхъ вошедшихъ въ сочиненіе надписей, но читатель вправе ждать отъ подобленія надписей такихъ по крайней мѣрѣ, которыя или важны по историческому содержанію, или, при важности содержанія имѣютъ и въ начертаніи нѣкоторыя особенности, неясности и болѣе или менѣе крупные дефекты, возбуждающіе между учеными разногласіе касательно самаго содержанія, и ведущіе къ совершенно различнымъ транскрипціямъ, или, наконецъ, такія, которыя характерными внѣшними особенностями письма даютъ матерьялъ не для эпиграфическихъ только, но и историческихъ соображеній. Отмѣчу нѣкоторыя надписи. Первая, встрѣченная авторомъ, надпись въ Филѣ очень важна и по сообщаемому ею факту и по точной датѣ. Лепсіусъ сдѣлалъ съ нея оттискъ; съ этого оттиска она напечатана и въ Corpus-ѣ Бека, и въ „памятникахъ“ самаго Лепсіуса, а между тѣмъ между обоими изданіями съ одного оттиска есть разности. Авторъ слѣдуетъ изданію Лепсіуса, но причины предпочтенія не объясняетъ. Впрочемъ, эта надпись еще отподоблена авторомъ упомянутымъ уже новоизобрѣтеннымъ имъ палеографическимъ способомъ. Проходя мимо надписи № 9135 у Бека, характерной по письму и христіанской по содержанію, за которою интересующихся авторъ отсылаетъ къ таблицѣ Corpus-а Бека, имѣющагося въ весьма немногихъ бібліотекахъ, отмѣчаю надпись, обнародованную Неруцось-беемъ, важную въ литургическомъ отношеніи. Авторъ говоритъ, что „надпись имѣетъ довольно ошибокъ орфографическихъ, и даже грамматическихъ: очевидно, писалъ ее или чловѣкъ малообразованный, или не грекъ“. По транскрипціи, сдѣланной авторомъ нынѣшнимъ греческимъ алфавитомъ, нельзя судить, на сколько

вѣрно переданъ подлинникъ и основательно исправлены ошибки. Надпись по *Corpus*-у Бека № 9060 по своему оригинальному содержанію (слила въ одно три различныхъ событія евангельской исторіи) весьма интересна для характеристики уровня религіознаго просвѣщенія въ средѣ близкой къ сферамъ церковнымъ. Авторъ, вслѣдъ за Кирхгофомъ, оцѣниваетъ внѣшнюю сторону надписи такъ: „языкъ надписи неправильный въ высшей степени: невѣрное правописаніе, неправильныя грамматическія формы, даже странное произношеніе словъ встрѣчается въ ней на каждомъ шагу“. Конечно, въ виду этой особенности, въ *Corpus*-ѣ Бека надпись эта воспроизведена (на 15 табл.) въ точномъ снимкѣ, не легко даже разбираемомъ не занимающимися палеографіей (письмо минускуль—курсивное). Авторъ далъ надпись исправленную, въ своей транскрипціи, которую не видѣвшій снимка долженъ принять на вѣру. Отмѣчаю тафинскую солнечную часовую таблицу, весьма любопытный и важный памятникъ, которому и авторъ посвятилъ обширный археологическій этюдъ. Специалисты, имѣвшіе дѣло съ точнымъ снимкомъ таблицы, разногласятъ между собою по нѣкоторымъ весьма существеннымъ вопросамъ, вызываемымъ ею. Комментаторъ таблицы въ *Corpus*-ѣ Бека отвергъ нѣкоторыя весьма существенныя положенія Летрона, авторитета въ этомъ дѣлѣ, главнаго источника и для этюда о таблицѣ въ настоящемъ сочиненіи. Заимствуя таблицу изъ *Corpus*-а Бека, но печатая ее въ транскрипціи теперешнимъ греческимъ алфавитомъ, авторъ дѣлаетъ, по собственному признанію, необходимыя дополненія и измѣненія, „примѣняясь, говорить онъ, къ принятымъ нами правиламъ восполненія и исправленія подлиннаго текста“. Просто, но едва-ли научно. Опять—довѣріе къ палеографической опытности автора и „принятымъ имъ правиламъ“. Еще одна тафинская надпись (въ *Corpus*-ѣ Бека № 8888), обширная, въ 20 строкъ, но съ дефектами и еще почти не прочитанная. Она особенно интересна характеромъ письма, близко напоминающимъ знаменитую надпись царя Силко. Кирхгофъ,

пытавшийся раскрыть ее, далъ на 15 таблицъ Corpus-а Бека точный до мельчайшихъ черточекъ и едва уловимыхъ особенностей буквъ снимокъ этой надписи, какъ матерьялъ для изученія письма нубійскихъ надписей 6-го вѣка. Авторъ дѣлаетъ предъ читателемъ и свой опытъ раскрытія этой надписи, хотя читатель не видитъ снимка надписи. За этимъ снимкомъ авторъ, не безъ ироніи, отсылаетъ къ Corpus-у Бека „желающихъ испытать свои силы въ разборѣ непонятныхъ древнихъ греческихъ надписей“. Наконецъ, мы дошли до знаменитой калабшинской надписи нубійскаго царя Силко. Надпись эта въ ряду другихъ нубійскихъ надписей имѣетъ центральное значеніе: въ ней, какъ и въ сосѣдней дендурской надписи, —ключъ къ начальной исторіи нубійскаго христіанства. Авторъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на этой надписи; археологическому этюду объ ней и исторической экскурсіи по поводу ея онъ посвятилъ 110 страницъ своего сочиненія. Надпись эта нѣсколько разъ была издана въ болѣе или менѣе точныхъ снимкахъ, и становилась предметомъ научныхъ изслѣдованій первоклассныхъ ученыхъ, начиная съ Нибура. И надобно замѣтить, что въ транскрипціи и въ объясненіи надписи не были согласны изслѣдователи, —даже приходили къ выводамъ другъ другу противоположнымъ. Достаточно припомнить исторію трехъ буквъ въ концѣ 15-й строки. Одни нашли въ этихъ буквахъ Ἀρῆς (греческій богъ войны) и признали Силко, величающаго себя: „я Арисъ“, язычникомъ; другіе прочитали Ἀρῆς —медвѣдь (я —медвѣдь), и нашли въ этомъ величаніи не только христіанство Силко, но и хорошее знакомство его (или составлявшаго отъ имени его надпись) съ свящ. писаніемъ ветхаго завѣта; а авторитетнѣйшій Летронъ узналъ въ этихъ буквахъ слово ἄξ —козелъ, который уже не дѣлалъ Силко ни язычникомъ, ни христіаниномъ. Авторъ и здѣсь отказалъ читателю въ снимкѣ надписи. Признавая наилучшимъ объясненіе памятника, данное Лепсіусомъ, онъ изъ статьи Лепсіуса, къ которой приложена таблица съ точнымъ оттискомъ надпи-

си, перенесъ въ свое сочиненіе только транскрипцію Лепсіуса, и, дѣлая подстрочныя къ ней примѣчанія, ни одной черточкой не отмѣтилъ пресловутыхъ трехъ буквъ,—поставилъ просто Лепсіусовъ ѣрѣ . Уже въ дальнѣйшемъ обзорѣ онъ остановился на этомъ камнѣ преткновенія изслѣдователей; но его разъясненія, ясныя, можетъ быть, для него самого, державшаго предъ глазами точный оттискъ надписи, мало вразумительны для читателя, имѣющаго на страницахъ „Христіанской Нубіи“ только транскрипцію современнымъ алфавитомъ. Недостатокъ въ „Христіанской Нубіи“ точнаго снимка надписи Силко доставляетъ любознательному читателю къ прежней горечи новую весьма значительную долю.—Прохожу мимо нѣсколькихъ надписей и останавливаюсь на коптской надписи дендурскаго храма. Тщательно изданная знатоками, затѣмъ переведенная на французскій языкъ и объясненная Ревилью, надпись эта явилась главнымъ документомъ для исторіи сѣверной окраины Нубіи около половины 6-го вѣка. Авторъ попытался отподобить эту надпись своимъ уже прежде неудачно примѣненнымъ способомъ, усовершенствованнымъ, впрочемъ, новыми заимствованіями изъ греческаго, литинскаго и русскаго алфавитовъ, въ которыхъ нѣкоторыя буквы, говоритъ онъ, похожи и даже тождественны съ коптскими буквами (напримѣръ: Г въ этой надписи напоминаетъ латинское строчное h, а еще болѣе русскую курсивную малую букву г ; Г-h-г!). При воспроизведеніи такимъ способомъ коптской надписи авторъ примѣнилъ еще принятое имъ правило восполненія и исправленія подлиннаго текста, которое онъ излагаетъ такъ: „при отподобленіи надписи мы не слѣдовали исполнѣ ни за Лепсіусомъ, ни за Ревилью. Копія перваго вѣрнѣе представляетъ характеръ буквъ намятника. Ревилью-же въ подстрочныхъ поправкахъ словъ по эстампажу де-Сольси далъ исправленный текстъ его, нѣсколько испорченный копистомъ прусской экспедиціи. Мы постарались соединить достоинства обѣихъ копій и избѣжать ихъ недо-

статковъ“. И это выправляетъ мастеровъ дѣла авторъ, кажется, не знающій коптскаго языка. Сильно сомнѣваюсь въ научномъ значеніи этой попытки соединить достоинства обѣихъ копій, и избѣжать ихъ недостатковъ. Миную опять нѣсколько надписей, въ томъ числѣ и интересную надпись № 9119,—и останавливаюсь на надписи № 9121 въ Corpus-ѣ Бека. Надпись эта замѣчательна въ литургическомъ отношеніи своимъ почти дословнымъ сходствомъ съ заупокойной молитвой нашего Требника: „Боже духовъ и всякія плоти“... Но, по замѣчанію Кирхгофа, „она написана рѣзчикомъ и небрежнымъ, и мало знающимъ греческій языкъ“; въ ней много грубыхъ ошибокъ и противъ словосочиненія, и противъ орфографіи греческаго языка; къ тому-же, по мѣстамъ вставлены непонятныя, повидимому, коптскія слова, но греческими письменами; есть и дефекты. Возстановленіе и прочтеніе этой надписи довольно трудно; ради основательности научной, транскрипція этой надписи должна быть поставлена рядомъ со снимкомъ, какъ и сдѣлалъ Кирхгофъ, старавшійся выдерживать подлинникъ. Авторъ даетъ только транскрипцію, и въ ней по мѣстамъ уклоняется отъ Кирхгофа, не на основаніи снимка самой надписи, а на сближеніи содержанія ея съ содержаніемъ молитвы греческаго ехлогія, текстъ которой, говоритъ онъ, безтолково спутанъ и скомканъ на строкахъ надписи 10—12. Авторъ, вѣроятно, имѣлъ свое достаточное основаніе для такого возстановленія текста; но, ради оправданія своей операціи, онъ долженъ былъ рядомъ поставить снимокъ соответствующихъ строкъ надписи, которыя содержатъ кое-что иное. Самая транскрипція этой надписи вышла у автора оригинальной. Однѣ строки (большую часть) онъ печатаетъ въ исправленномъ видѣ, а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ показываетъ неправильности подлинника оговоркой: въ подлинникѣ стоитъ такъ-то. Въ нѣкоторыхъ же строкахъ оставляетъ ошибки подлинника неисправленными, а уже въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ оговариваетъ: такъ—въ подлинникѣ, а слѣдуетъ такъ-то. А въ 27 строкѣ поставлена ошибка подлинника, и въ под-

строчномъ примѣчаніи не исправлена: стоитъ ἀναπαύου, должно быть ἀνεπαύετο. Можно судить, какъ легко знакомиться съ надписью по такой смѣшанной транскрипціи.

Отъ надписей обращусь къ архитектурнымъ памятникамъ. Я разумѣю не храмовыя созданія фараоновъ, въ цѣломъ видѣ или частью обращенныя въ христіанскія церкви, а сооруженія самихъ христіанъ нубійскихъ, по типу, принесенному въ Нубію вмѣстѣ съ христіанствомъ. Чѣмъ меньше такихъ памятниковъ въ Нубіи, тѣмъ большаго они заслуживаютъ вниманія. Таковы двѣ церкви въ Ибримѣ, одномъ изъ центровъ христіанства нубійскаго, епископіи. Церкви эти замѣчательны (одна изъ нихъ, по древнему свидѣтельству, прекрасная церковь во имя Дѣвы Маріи), какъ древнѣйшіе памятники зодчества византійскаго на почвѣ Нубіи. Авторъ, подробно описывая эти церкви, замѣчаетъ, что для этого онъ пользовался планами ихъ, опубликованными въ сочиненіи Gau: Monuments de la Nubie. Такова особенно церковь довольно сохранившагося монастыря въ уади Гацаль, которую авторъ, не довольствуясь краткимъ описаніемъ Лепсіуса, описываетъ подробнѣе по указаніямъ плана, представленнаго тѣмъ же Лепсіусомъ. Остается только пожалѣть, что авторъ не скопировалъ этихъ плановъ, и тѣмъ отнялъ у своихъ описаній наглядность, а читателя лишилъ возможности самостоятельно изслѣдовать памятники, не полагаясь исключительно на компетентность автора въ архитектурныхъ вопросахъ.

Объясняя отсутствіе снимковъ въ своемъ изслѣдованіи, авторъ замѣчаетъ разъ (377), что „отподобить надпись черта въ черту, подобно тому, какъ сдѣлано это Кирхгофомъ, онъ не имѣетъ возможности“. Если разумѣть отподобленіе обыкновеннымъ типографскимъ способомъ, то, можетъ быть, это было для автора и невозможно, хотя и можно было воспользоваться предложеніемъ одной кievской типографіи, принимающей на себя отливку всякихъ шрифтовъ. Но существуетъ теперь особый способъ свѣтопечати (фототипіи), которымъ

легко дѣлаются самые точные снимки письма, и который теперь очень принятъ въ работахъ палеографическихъ; употребляется даже и въ кievскихъ типографіяхъ. Этимъ способомъ авторъ могъ сдѣлать нужное число снимковъ—не говорю съ самихъ памятниковъ, хранящихся напр. въ берлинскомъ и парижскомъ—національномъ музеяхъ, хотя и это не невозможно, при установившемся въ настоящее время между учеными всѣхъ странъ обычаѣ дѣлать взаимныя научныя одолженія,—но, по крайней мѣрѣ, снимковъ съ особенно важныхъ таблицъ изъ бывшихъ въ рукахъ автора Corgus-a Бека и изданій Лепсіуса. Скупиться на эти приложенія, безусловно необходимыя въ ученомъ трудѣ, автору не слѣдовало, тѣмъ болѣе, что сочиненіе его печаталось при матеріальныхъ условіяхъ самыхъ благопріятныхъ, т. е. бесплатно. А что касается плановъ церквей, то чертежи не могутъ затруднить ни одной даже кievской типографіи.

Позволю себѣ еще одно маленькое замѣчаніе. Авторъ совершилъ свое подробное историко-археологическое обозрѣніе по описаніямъ путешественниковъ и изслѣдованіямъ ученыхъ. Цѣлый рядъ бѣглыхъ обзоровъ, серіозныхъ отчетовъ и внимательныхъ изысканій на почвѣ Нубіи былъ въ распоряженіи автора. И однако онъ жалуется на недостаточность пособій въ его дѣлѣ. „Въ церковно-археологическомъ отношеніи Нубія, говоритъ онъ,—почти не початая область; не смотря на многочисленность посѣтившихъ ее въ теченіе настоящаго столѣтія европейскихъ образованныхъ путешественниковъ и даже ученыхъ комиссій, христіанскіе памятники ея до сихъ поръ подверглись лишь бѣглому предварительному обзору, а никакъ не серьезному, систематическому изслѣдованію и изученію; да и такого обзора они удостоились далеко, и очень далеко, не всѣ“. Дѣло въ томъ, что, по замѣчанію автора-же, европейскіе ученые и образованные люди первой половины нашего вѣка „шли въ верхній Египетъ и въ Нубію спеціально на поиски и для изученія языческихъ древностей